

Общественное Учреждение Калининградской области

Творческая Мастерская «Альтернатива – Арт»

в рамках реализации проекта с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов,

«История. Люди. Память» – серия видеофильмов и репортажей об историческом наследии и об объектах, находящихся под угрозой исчезновения на территории Калининградской области»

№ 22-1-005642

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

туристический маршрут по Нестеровскому району

«По пути к загадочной Роминте»

Раскинувшись на холмах Виштынецкой возвышенности, Природный парк «Виштынецкий» является удивительным по своей красоте и величественности уголком Калининградской области.

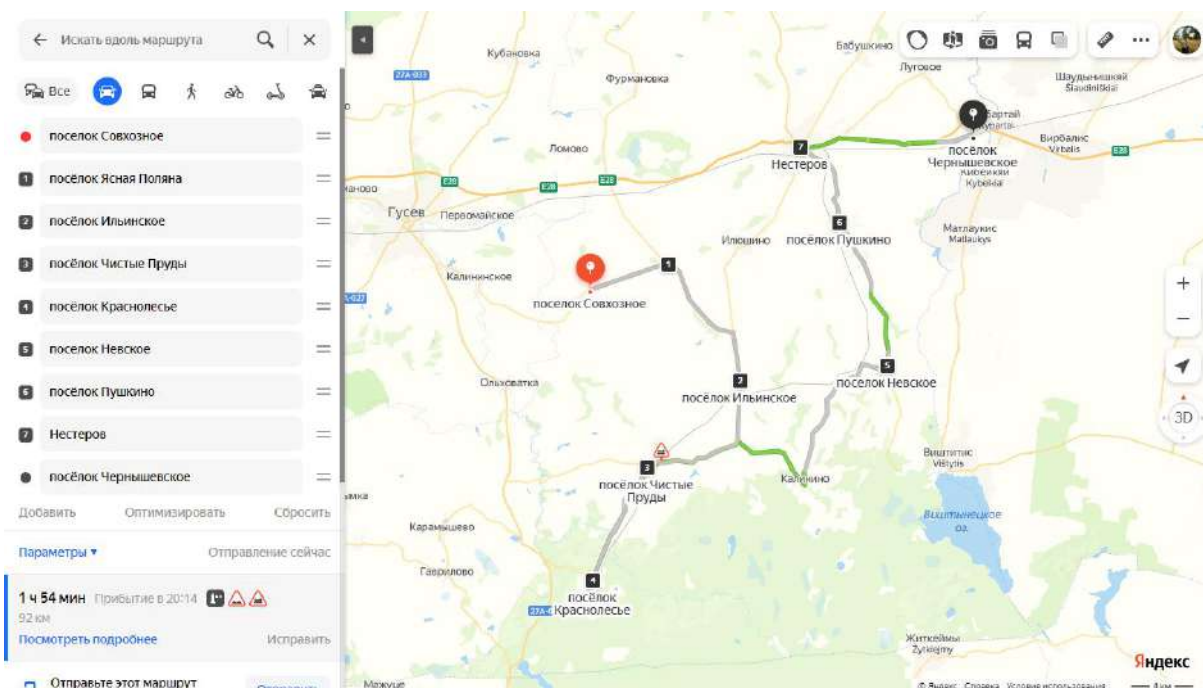

Сядьте в автомобиль. Потратьте два часа времени, и вы окажетесь в другом мире. Общая информация доступна в эколого-историческом музее посёлка Краснолесье, где вас встретят и проведут экскурсию радушные хозяева – основатели музея Алексей Соколов и Эдуард Барсуков, всё остальное – на ваше усмотрение...

Да-да, именно так: что «усмотрите», то – ваше. Будь то кирха XIX века, или надпись на стене... памятные знаки, причудливые валуны, озеро под названием Цыплёнок, простите, Виштынец (перевод с литовского) ... Мост в Токаревке (таких в нашей области больше нет). Словом, смотрите и увидите (лично мы в середине ноября нашли опят под снегом).

Роминта любит тишину. Приезжайте, будьте вежливы, и она вам ответит взаимностью.

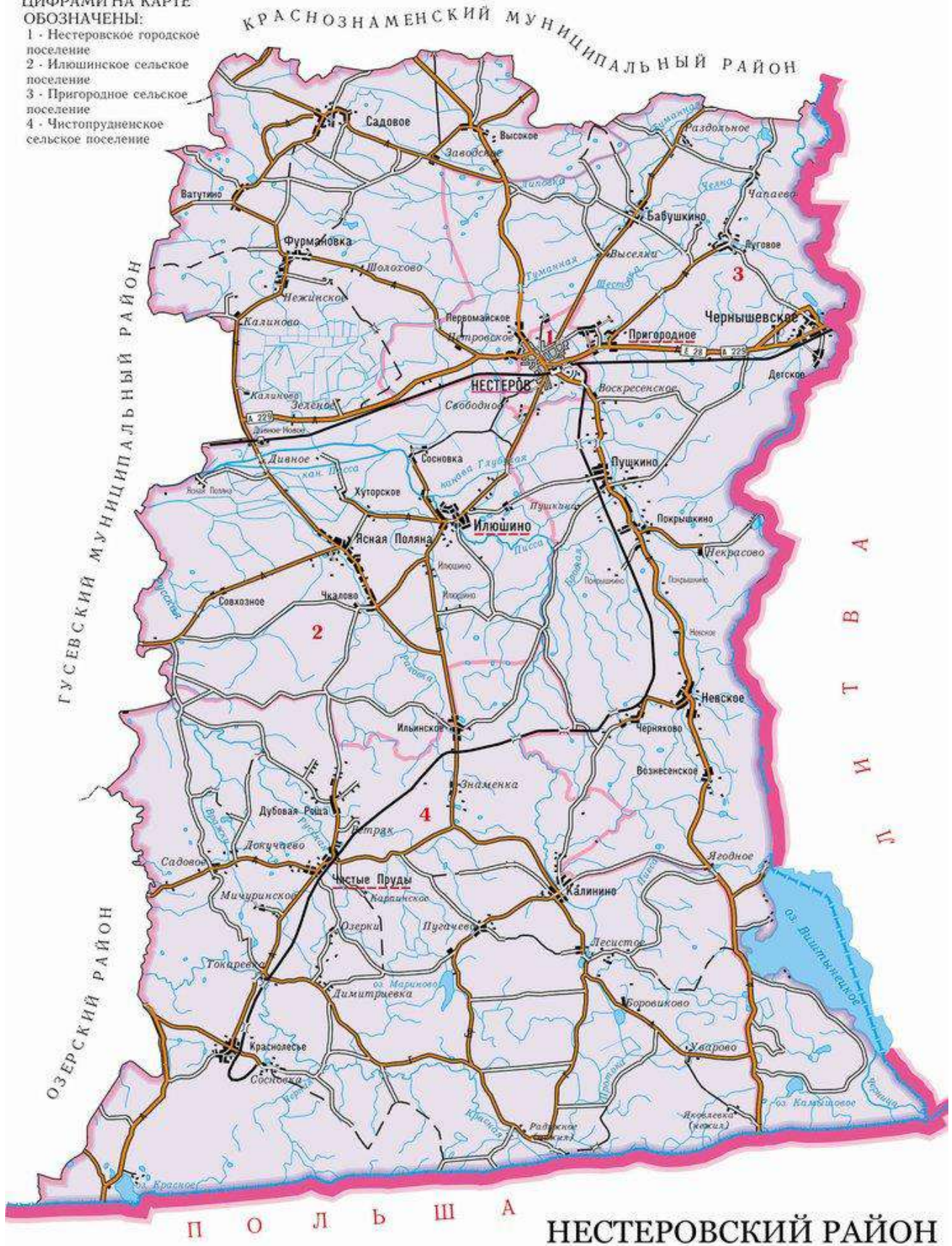

Маршрут по Нестеровскому району нашего проекта «По пути к загадочной Роминте» пролегает от посёлка Совхозное к посёлку Чистые Пруды через посёлки Ясная Поляна и Ильинское, и далее к границам Природного парка «Виштынецкий».

ЦИФРАМИ НА КАРТЕ
ОБОЗНАЧЕНЫ:

- 1 - Нестеровское городское поселение
- 2 - Илюшинское сельское поселение
- 3 - Пригородное сельское поселение
- 4 - Чистопрудненское сельское поселение

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
НЕСТЕРОВ центр района
Илюшино центры сельских администраций

НЕСТЕРОВСКИЙ РАЙОН

Масштаб 1:210 000
 В 1 сантиметре 2,1 километра
 км 42 21 0 42 84 км

Героем сопроводительного материала к туристическому маршруту, сюжетов и видеофильма станет Нестеровский район, где раскинулся Природный парк «Виштынецкий», отмечающий в этом году 10 лет с момента образования как особо охраняемой природной территории, так называемого ООПТ, где на государственном уровне в Пруссии выводили легендарную породу тракенов – «собственно прусских отличнейших лошадей», а с момента строительства железных дорог и налаживания сообщения между Россией и Пруссией останавливались поезда с русскими путешественниками.

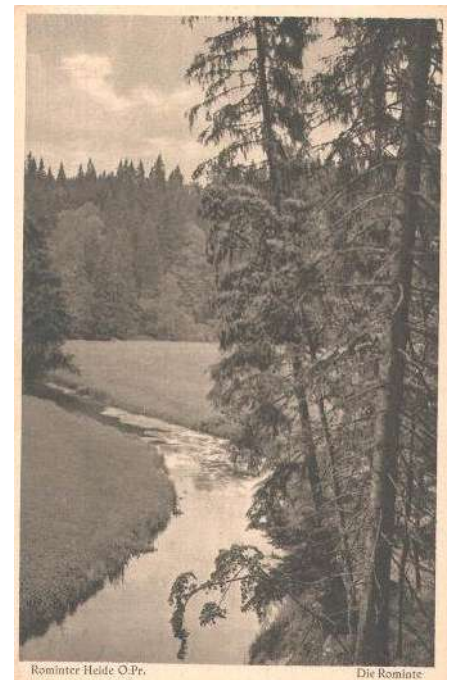

Ледник — создатель рельефа Виштынецкой возвышенности. Этот огромный лес с холмистым рельефом и многочисленными озерами был создан ледником почти 12 тысяч лет назад и представляет собой единое целое. Именно ледник определил особую красоту ландшафта, его богатое разнообразие флоры и фауны. В древние времена лес являлся частью «Великой пустоши»

простиравшейся на десятки тысяч квадратных километров от Куршской косы до Беловежской пущи. Кстати, пустошь – это пустынные густые леса от людей, шедшие за благородным оленем, представьте себе, именно здесь он и обитает сейчас.

Несмотря на заболоченность и наличие густого трудно проходимого леса, это место с самых древних времен привлекало сюда людей и стало пристанищем последних языческих племён. Малочисленные племена первых людей селились в основном по берегам рек, вели полуоседлый образ жизни, занимались исключительно охотой, рыболовством и бортничеством. С помощью примитивных орудий, сделанных из кремня, добывали себе пищу и огонь.

В средние века, проживавшие здесь последние языческие племена в Европе, стали постоянно притесняться (с середины XII века до середины XVI века) рыцарями Тевтонского ордена и католической церковью. В результате подписания в 1422 году на озере Мельно между Великим княжеством Литовскими и королевством Польским с одной стороны и Тевтонским орденом с другой мирного договора, здесь была установлена граница, которая, уже как 600 лет, является самой старой не измененной границей в Европе на сегодняшний день.

Rominter Heide O.Pr.

Die Rominte.

27 сентября 1422 года на берегу озера Мельно близ Радзыня в Пруссии был подписан мирный договор между Тевтонским орденом с одной стороны и Великим княжеством Литовским и королевством Польским – с другой стороны. Договор закрепил поражение Тевтонского ордена в т.н. Голубской войне.

Несмотря на поражение в битве при Грюнвальде в 1410 году крестоносцы продолжали претендовать на земли Жмуди (Жемайтии). Жмудины стали последним племенем региона, сохранявшим язычество. Жестокость крестоносцев, огнем и мечом заставлявших местные племена креститься, вызвала у жмудинов стойкую неприязнь к христианству.

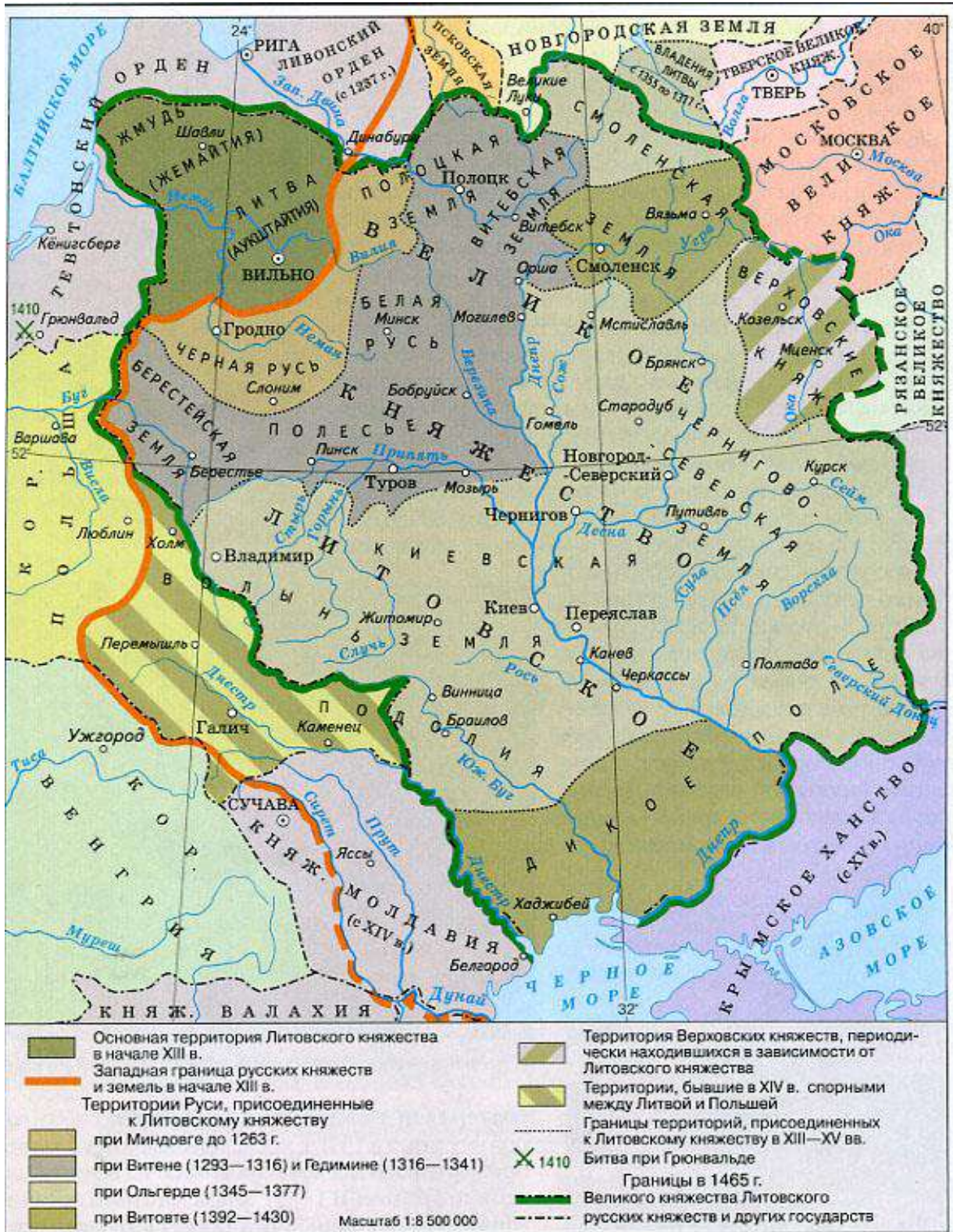
Великий князь Литовский Витовт традиционно уделял мало внимания западно-литовским землям. Будучи более славянином по крови и по духу, он стремился укрепить свою власть на территории нынешних Белоруссии, Украины и северо-запада России. Однако, будучи умным политиком, он обнаружил, что для крестоносцев язычество Жемайтии было оправданием их существования, оправданием агрессивной политики Тевтонского ордена на востоке. Витовт решил проблему и дипломатическим, и военным путём. Спор о Жемайтии был вынесен на Констанцкий собор, куда Витовт направил целую делегацию жмудинов с жалобами на кровожадность и жестокость крестоносцев, и с просьбой прислать для крещения племени более христианских священников, что и было сделано в 1417 году.

Ну а против Тевтонского ордена, не согласившегося с действиями Витовта в Жемайтии, великий князь организовал военный поход. Большую часть его войска, естественно, составляли русские полки из Полоцка, Витебска, Новогрудка, Гродно, Слуцка, Смоленска... Девять десятых населения государства Витовта составляли тогда славяне. Но не только из славянских земель Великого княжества Литовского пошли ратники в этот поход. К Витовту присоединилась дружина Великого княжества Тверского и войско Великого княжества Московского. Московский великий князь Василий Димитриевич, женатый на дочери Витовта Софии, не отказался в просьбе тестя помочь разгромить Тевтонский орден. Так, наряду с полоцкими, витебскими, смоленскими, новогрудскими, оршанскими полками, Пруссия увидела и московские полки.

Объединенное войско взяло штурмом немецкий замок Голуб и три месяца воевало во владениях Ордена, разоряя их, пока попрятавшиеся в своих замках крестоносцы не запросили мира. В орденской переписке московская и тверская дружины в отличие от славянских полков Великого княжества Литовского были названы «великие россияне». Отметим, что Тевтонский орден московскую и тверскую дружины выделил особо. Видимо, крестоносцам досталось-таки от москвичей.

Согласно Мельненскому мирному договору Великому княжеству Литовскому были навечно отданы Жемайтия и земли к западу от среднего течения Немана – Судовия. Крестоносцы также отдали Литве проход к Балтийскому морю между Палангой и Швентой, в результате чего от Тевтонского ордена было территориально отрезано его Ливонское отделение. Экспансии Тевтонского ордена на Восток был положен конец. В этом несомненна и заслуга союзных Витовту московских и тверских полков – тех самых «великих россиян», без которых в борьбе против Тевтонского ордена великий литовский князь не смог обойтись. Увы, жители Жемайтии давно уже забыли, благодаря кому они оказались-таки в составе Литвы и стали литовцами.

Источник https://vk.com/wall641800990_1432?hash=ddfab9fecc21f7f8c7

Bild 1. Die elf preußischen Gaue im 13. Jahrhundert und die spätere Grenze von Ostpreußen (nach Walter Görnitz). Die Namen der meisten Gaue blieben bis in die Gegenwart als Landschaftsnamen erhalten.

Из-за потери Орденом западной Пруссии, лесная зона Великой пустоши все более становилась значимой для заселения её людьми. В 1466 году территория «Великой пустоши», называвшаяся Надровией, окончательно стала собственностью крестоносцев.

В лесной глуши Роминтер Хайде (Heide – первое значение слова: язычник, второе: пустошь) Немецкий орден имел охотничий домик ещё с конца XIII века. Комтуры, а иногда и гроссмейстеры, отправлялись туда с многочисленным конвоем и гостями на большие охоты, которые иногда длились целыми неделями.

Разрешалось охотиться в лесных угодьях Роминтер Хайде и местным жителям, в обмен на пушнину, мёд, воск и дичь. Во время сбора лесных трофеев специально создавались заготовительные пункты – ягдбуде.

Охотничьи домики Немецкого ордена в глуши Роминтер Хайде, служившие заготовительными пунктами для сбора и переработки продуктов, появляются даже на старых картах на территории Пущи можно отыскать несколько изображений избушек с надписью Ягд- или Егерсбуде. Позже на высоком и обрывистом берегу р. Роминте, в самом живописном месте Роминтенской пущи, для охотников была установлена беседка для отдыха, а в 1582 году – на этом месте была выстроена охотничья сторожка. Многократно перестраиваемая, сторожка была нанесена картографом Хенненбергом на составляемую карту Пруссии. К концу XIX века таких сторожек было уже несколько.

Фрагмент карты Пруссии созданной Каспаром Хенненбергом 1625 год.

Историк XVIII века Огаст Херманн Луканус (August Hermann Lucanus, “Preussens uralter und heutiger Zustand, 1748) так описывает сторожку: *«Это возведённый на холме охотничий дом, отделанный толстыми досками и окруженный галереями, который был построен незадолго до начала правления Великого курфюрста Фридриха Вильгельма неподалёку от Киаутен (Kiauten, пос. Смирново Озёрского района). Также здесь жил лесничий, а в июле 1612 года на несколько дней останавливался курфюрст Иоганн Сигизмунд. Внизу под горой жили смотрители, лесные охранники, и находился длинный хлев для лошадей...»*

По материалам статей с сайта <http://vistenpark.ru> и <https://www.forum-kenig.ru/viewtopic.php?f=29&t=1198>

В XV – XVI столетиях происходит активное заселение территории Великой пустоши литовскими колонистами. Начинают появляться первые деревни. Корчуются лес под пашню, возделывается земля, начинают развиваться ремесла.

В то же время, в следствии преобразования Орденского государства в великосветское прусское герцогство, охота стала одним из развлечений придворной знати.

В лесу стали строиться охотничьи избушки, где во время охоты останавливалась прусская знать (одна из избушек находилась на берегу р. Роминте в д. Ягдбуде до 1880 года по дороге Дмитриевка-Радужное).

В них останавливались и первый герцог Пруссии Альбрехт Бранденбургский, маркграф Георг Фридрих, Великий курфюрст Фридрих Вильгельм.

Кажется невероятным количество и видов диких животных, которые добыл, охотившись в Роминтской пуще курфюрст Иоганн Сигизмунд.

В период с 1612 по 1619 годы этот вельможа добыл, согласно его архиву: 4 935 благородных оленя, 112 лосей, 52 медведя, 15 зубров, 45 глухарей, 215 волков и т. д.

В то время как в Вестфалии, например, последний бурый медведь был добыт в 1446 году, а в Тюрингии – в 1686-м, в Восточной Пруссии этот зверь в Средневековье был вполне обычен. Медвежатина, особенно в солёном и копчёном виде, была желанным блюдом на столе рыцарей Ордена. Как следует из сохранившегося путевого дневника маркграфа Иоганна Сигизмунда, с 1612 по 1619 год он убил 38 медведей. Из официальных документов региона следует, что медведь вплоть до 1729 года был в Роминтенской пуще объектом охоты, и регулярно заходил в соседние районы, вплоть до Вистулы.

Второй по размеру хищник, серый волк, оказывал очень большое влияние на состояние охотничьей фауны, и представлял постоянную опасность для домашнего скота. В 1696–1697 годах только в округах Рагнит и Инстербург волки зарезали 477 лошадей, 679 овец и коз, а также 226 свиней. Из докладов лесного министерства Восточной Пруссии по округу Мюллер от 1929 года можно узнать, что на 1800 год на востоке провинции обитало больше волков, чем зайцев или

косуль. Ещё в 1880 годах в Роминтенской и Иоганнесбургской пущах волки приносили потомство. Регулирование их численности входило в число основных обязанностей егерей и лесников.

Зубр, которого в Восточной Пруссии называли «ауэр», изначально был главным охотничьим животным региона. Но с приходом рыцарских орденов он довольно быстро исчез с большей части своего ареала. К концу XVI столетия места, где можно было встретить зубра, сжались до восточных округов провинции. Остатки стада сконцентрировались к концу XVII века в лесах близ Лабиау (ныне Полесск), к северо-востоку от Кёнигсберга. Там для них

устроивали кормушки, у которых зубров было легче поймать живьём. Живой зубр был излюбленным подарком для зарубежных владык и правителей. С 1717 по 1739 год с этой целью из и без того поредевшего стада было отловлено 28 зверей. Свой вклад в истребление зубра внесли и браконьеры. Последний зубр пал в 1755 году в обер-лесничестве Ляйпен, к северо-западу от Инстербурга (ныне Черняховск). Однако основную роль в исчезновении вида, вероятно, сыграл рост человеческого населения и сокращение площади доступных для зубра болот, лугов и пастбищ.

В 1938 году бывший директор зоопарка Берлина доктор Лутц Хекк проводил любопытный опыт: он скрестил испанских и южно-французских быков с корсиканским маточным поголовьем. В результате чего получился продукт весом минимум в 800 кг и внешне очень похожий на водившегося в большом количестве в Великой пустоши зубра. Стадо из 11 штук хорошо акклиматизировалось в Роминтенской пуще и к 1942 году увеличилось до 22 голов.

Послевоенная судьба их неизвестна.

До конца XVIII – начала XIX столетия судьба лося в Восточной Пруссии складывалась переменчиво. Вначале ему было легче, чем иным крупным копытным, удерживать свои позиции. Чернолесью, которое служит местом его обитания, ничего не угрожало, пока не началось сведение болот. Ещё в 1725 году лось был обычен во всех лесах восточнее реки Пассарге (ныне Паслёнка), от Остероде (ныне Оструда) до устья, и встречался даже к западу от Остероде. В правление короля Фридриха I (1701–1703) в Капронской пуще, у самых ворот Кёнигсберга, было добыто несколько сотен лосей. Фридрих Вильгельм I добыл в 1718 г. 40 голов и в 1731 г. – 56 голов.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 007156 / 12-198
Taschendorf, Gutsbezirk und Staatsforst, Kreis Eichmiederung, MT08093-5
Elch im Forst. (1935-1944). ©

К 1790 году положение изменилось и к 1800 году лось на западе полностью исчез. В 1840 году был убит последний мазурский лось, а в 1842 году – в Прусском Айлау (ныне Багратионовск). В 1852 году последние лоси исчезли из района между Ангербургом (ныне Венгожево) и Голдапом, однако причиной тому была не столько охота, сколько, в первую очередь, осушение болот и замещение дикого чернолесья коммерческими лесопосадками.

После Семилетней войны, наполеоновских войн и революции 1848 года поголовье лосей снизилось с приблизительно 500–600 особей до одиннадцати, согласно учётам численности 1849 года. С этого исторического минимума численность лося восстановилась, благодаря охране и биотехническим мероприятиям, до 300 голов в 1886 году. Поголовье продолжало расти до 700 особей в 1905 г. и порядка 800 к началу Первой мировой войны. После войны уцелело лишь 230 лосей. В двадцатые годы XX века целенаправленная программа по увеличению численности лосей позволила поднять поголовье до 500 особей к 1925 году, и до максимума в 1500 – в 1930-х.

Таким образом, в Восточной Пруссии поддерживалась устойчивая популяция лося, в то время как в остальной Германии этот зверь давно вымер.

К 1945 году популяция лося перестала существовать. В конце 1950 годов начали отмечаться заходы лосей из Литвы. В 1960-е годы были выпущены лоси из Белоруссии и Подмосковья, а к 1969 году их численность достигла 500 голов и была открыта охота. В последующие годы популяция лосей выросла до 1800 голов, а к 2005 году насчитывала 1300 голов, из которых добывается ежегодно 200–250.

Как часть Великой пустоши Роминтская пуца была местом приюта для исконно водившихся в Европе видов диких животных и пернатых: туров, диких лошадей, кабанов, косуль, бобров, рыси, тетеревов, орлана-белохвоста и других, почти всех известных представителей европейской фауны. Последний медведь в Роминтенской пуце был убит в 1788 году, зубр ещё раньше — 1755, бобер — 1941.

Когда речь заходит об охоте в Восточной Пруссии, естественно, нельзя не упомянуть о благородном олене, который издавна водился здесь в изобилии. По сохранившимся сведениям, в правление Иоганна Сигизмунда с 1612 по 1619 годы было добыто 1998 самцов, 2344 самок и 593 телёнка. Вес самого крупного из них был 7,5 центнеров, а самое большое число отростков на рогах – 26.

В 1725 году благородный олень обитал в 15 районах Восточной Пруссии. К ним принадлежали, между прочим, большие лесные угодья, такие как Иоганнесбургская, Боркенская и Роминтенская пуцы, Табербрюкерское лесничество и все леса между Остероде, Альт Кристбургом (ныне Стары Джержгон) и Дойч-Айлау (ныне Илава), а также леса в Мазурии между Растенбургом, Николайкеном и Сенсбургом (ныне Кенштин, Миколайки и Мрагово).

Как и в случае с лосем и по тем же причинам, в середине XVIII века численность благородного оленя начала снижаться. Помимо военных потрясений, свою роль сыграли браконьерство, неконтролируемая охота, «волчья чума» и в целом то, что местное население не было заинтересовано в охране природы.

Вот так получилось, что после революции 1848 года во всей Роминтенской пуше осталось всего 13 благородных оленей, из них две старых коровы, одна молодая, два телёнка и восемь самцов. Дальнейшее является личной заслугой лесничего Фридриха Вильгельма IV – Карла Райффа. Он испросил королевского разрешения выпустить благородных оленей из

Потсдамского зверинца в Роминтенскую пушу. Король Фридрих Вильгельм IV просьбу удовлетворил и зверей выделил. Посредством этой меры, а также неусыпных забот и хлопот, удалось сохранить и преумножить поголовье благородного оленя в Роминтенской пуше. В последующие десятилетия, благодаря самоотверженному труду Карла Райффа и его преемников, таких как лесничий Шпек фон Штернбург и старший лесничий фон Сен-Пол, Роминтенская пуша превратилась в одно из лучших угодий для охоты на благородного оленя.

В 1891-м году эти угодья впервые посетил кайзер Вильгельм II. По результатам поездки он объявил Роминтенскую пушу королевской охотой, включавшей в себя, помимо 24 тыс. га собственно пуши, ещё около 10 тыс. га примыкающих охотничьих угодий, которые были взяты в аренду в качестве заказников.

Из 2133 оленей, добытых кайзером за охотничью карьеру, 311 было добыто в Роминтенской пуше. Несколько памятных камней до сих пор напоминают об этих охотах. Кайзер приказал построить охотничий домик на берегу реки Роминте.

Здание в норвежском стиле было изготовлено из блоков в Норвегии же. Вместе с часовней Святого Хуберта, статуей оленя работы профессора Фризе, а также выполненными в едином стиле зданиями лесничества, школы и хозяйственными постройками Роминтенский охотничий домик стал излюбленным местом для экскурсий в Восточной Пруссии.

Но Восточная Пруссия была не только раем для копытного зверя. Как «Великая глушь», так и окультуренный ландшафт были местом обитания всех известных в Германии видов мелкой дичи. Фазаны и куропатки были не менее многочисленны, чем зайцы и кролики. В большинстве округов провинции плотность мелкой дичи была не ниже, чем в Силезии.

Бесчисленные озёра и болота предоставляли идеальную среду для процветания всех видов водоплавающей дичи, а также бобров и выдры. Даже тетерев нашёл здесь для себя подходящие уголья.

По материалам статей с сайта <http://vistenpark.ru> и Вольфганга фон Браухича «Охота в Восточной Пруссии».

Со стороны города Гусев по направлению к посёлку Ясная Поляна, где располагался легендарный конезавод Тракенен, остановимся в посёлке Совхозное, где, собственно, и произойдёт встреча с Нестеровским районом и не только...

«Кто путешествовал между обеими мировыми войнами по Восточной Пруссии, тот находил на кладбищах, а также в чистом поле, на улицах и даже в частных садах могилы, которые надписями и железными крестами свидетельствуют, что в них покоятся солдаты, напоминая о тяжёлой борьбе 1914-15 годов», – такими словами начинается труд Макса Денена «Воинские захоронения в Восточной Пруссии 1914/15».

«Маттишкемен» – место скорби

Воинский мемориал «Маттишкемен» находится в стороне от больших дорог, он в 15 километрах от города Нестерово Калининградской области, рядом с маленьким посёлком Совхозное. Но сегодня этот посёлок известен далеко за пределами России, потому как здесь самое крупное захоронение русских и немецких солдат, вступивших в смертельную

схватку в самом начале Первой мировой войны. 20 августа 1914 года во встречном бою части 3-го армейского корпуса Русской Императорской армии, прежде всего 27-й пехотной дивизии, нанесли поражение полкам 17-го армейского корпуса кайзеровской Германии в ходе кровопролитного Гумбиннен-Гольдапского сражения.

Несколько раз в году, в августе и ноябре, воинский мемориал «Маттишкемен» становится центром памятных мероприятий. В ласковые августовские и хмурые ноябрьские дни дань памяти павшим отдают местные жители, руководители района и области, гости из Германии, представители дипломатических ведомств Франции и Бельгии, воины Российской армии.

В скорбном молчании проходит процессия по центральной аллее, вдоль которой стоят вековые деревья. К стволам каждого из них прикреплены православные и католические кресты. Они как бы примирили солдат противоборствующих сторон, которые покоятся рядом под могильными плитами. И летит к Отцу Небесному молитва за упокой ратников, положивших живот за веру, царя и Отечество, просит католический священник Господа позаботиться о душах кайзеровских солдат.

Стоят в молчании потомки у воинских могил, и машина времени словно переносит их в далёкий 1914 год, год начала Мировой войны, которую в те времена в России называли Второй Отечественной.

Мемориал «Маттишкемен» создавался в 20-х годах XX века, после Первой мировой войны. На него были перенесены останки погибших солдат Русской Императорской и Германской армий из первичных захоронений на фронте 27-й пехотной дивизии (командующий — генерал-

лейтенант К. М. Адарида) 17 германского армейского корпуса (командующий — генерал А. фон Маккензен), созданных после Гумбинненского сражения.

Мемориал расположен в роще, находящейся у дороги, ведущей к мемориалу от посёлка Совхозное, на позиции пехоты 105 пехотного Оренбургского полка и 106 пехотного Уфимского полка.

Описания хода боя на этом участке многочисленны. Свои воспоминания оставили участники сражения. Целый ряд трудов различного объёма принадлежит военным историкам. Мемориал находится в центре Гумбиннен-Гольдапского сражения, где решался его исход.

Мемориал сохранился до сегодняшнего дня. В 1960-х годах его даже официально (наряду с мемориалом «Вальдаукадель», крупного захоронения русских и немецких солдат в пос. Степное Нестеровского района) поставили на учёт и включили в список памятников истории. Позже из этого списка мемориал «Маттишкемен» был исключён, но разрушению не подвергся. В начале 1980-х годов благодаря деятельности начальника отдела

культуры Нестеровского района Дубовой Ольги Евгеньевны это захоронение было вновь «обнаружено» и приведено в порядок одним из первых в Калининградской области. С 1993 по 1994 годы на мемориале работали представители германского «Народного союза» по уходу за воинскими захоронениями.

В Калининградской области на самом крупном в России мемориале Первой мировой войны впервые поименно увековечены русские офицеры.

Они погибли в битве, исход которой спас Францию от германской оккупации в 1914 году.

Памятная плита с именами 30 офицеров Русской Императорской армии, погибших в самом начале Первой мировой войны, была открыта на территории воинского

кладбища Маттишкемен. Здесь в августе 1914 года развернулось сражение, вписанное золотыми буквами в историю Франции: РУССКИЕ СПАСЛИ ФРАНЦИЮ.

Летом того года немецкие войска перешли французскую границу и готовились оккупировать Париж. И в этот момент русская армия ударила по Германии в Восточной Пруссии. Разгром корпуса прославленного генерал-фельдмаршала Августа фон Маккензена смешал планы кайзера.

Благодаря победе русских под Гумбинненом (ныне г. Гусев) немцы вынуждены были перебросить свои резервы из-под Парижа на восток для защиты Кёнигсберга. Именно этих резервов не хватило, чтобы закрыть образовавшийся между двумя германскими армиями разрыв. В эту брешь и вклинились французы, одержав победу в битве на Марне. Знаменитый маршал Франции Фердинанд Фош так оценил значение Гумбинненского сражения: *«Если Франция не стерта с лица земли, то этим прежде всего мы обязаны России»*.

Французы и сегодня чтут память русских солдат, спасших столетие назад их страну. В Калининградскую область на открытие памятной плиты с увековеченными именами русских офицеров в 2018 году приезжал военный атташе посольства Франции в России Пьер-Мари Лежен. На церемонии он сказал: *«Сегодня мы преклоняемся перед храбростью русских солдат, благодаря которым 104 года назад блицкриг, предпринятый Германией, потерпел крах. Да здравствует российско-французская дружба!»*

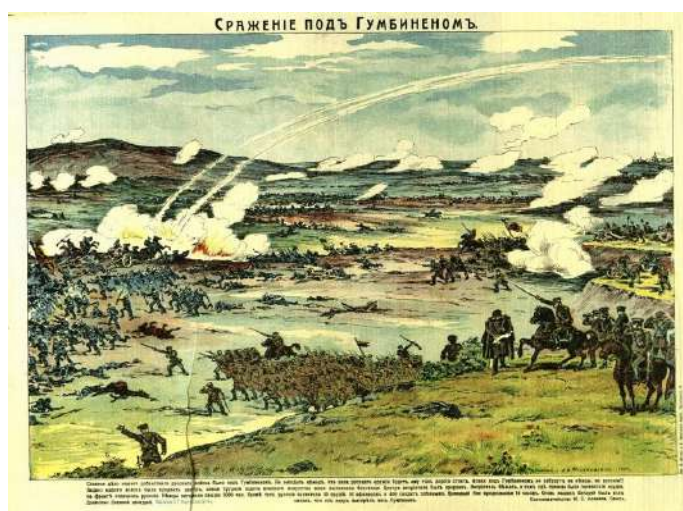
В 2010 году, когда поисковики-общественники открывали на мемориале Маттишкемен доску с информацией о сражении, заместитель полпреда Президента РФ в СЗФО Роман Балашов сказал на церемонии: *«Память о подвиге русского солдата и наших союзников – французских солдат – это великое связующее звено, которое соединяет наши страны».*

Сегодня на мемориальной плите увековечены имена офицеров семи пехотных полков и трех артиллерийских бригад Русской Императорской армии. Подпоручики, штабс-капитаны, полковники...

Калининградская область – единственный в России регион, где гремела Первая мировая. А под Гумбинненом решалась судьба Европы, и был дан отпор захватническим пангерманским планам, которые, без преувеличения, предшествовали планам гитлеровского фашизма.

«Первая мировая была названа Лениным «империалистической», то есть захватнической. Но это, по моему мнению, не совсем соответствует действительности. Ведь 1 августа 1914 года Германия объявила войну России. Не Россия была ее зачинщиком, хотя, надо быть откровенным, Николай II мечтал покорить черноморские проливы. Однако это спорный вопрос российско-османских, но никак не российско-германских отношений. Яблоко раздора России и Германии (а точнее – Австро-Венгрии, поскольку Берлин поддержал Вену, лишь чтобы не «остыл» casus belli, повод к войне) – отношения с Сербией. И в этом плане Россия, защищая малое православное государство, выполняла свой интернациональный долг. Понимаю, меня могут обвинить в модернизации истории, но именно так и воспринималась Сербия в Российской империи; наверное, как Кубинская революция – в СССР», – поясняет Дмитрий Суржик историк, исполнительный секретарь Российско-белорусской ассоциации историков «Союзная инициатива памяти и согласия».

Во время Первой мировой войны посёлок Маттишкемен 20 (7) августа 1914 года оказался в центре Гумбинненского сражения. Через него проходила позиция 27 пехотной дивизии под командованием генерала А.М. Адариди в составе I Русской армии под командованием генерала П.К. Ренненкампа, а сам посёлок был занят 106-м Уфимским пехотным полком.

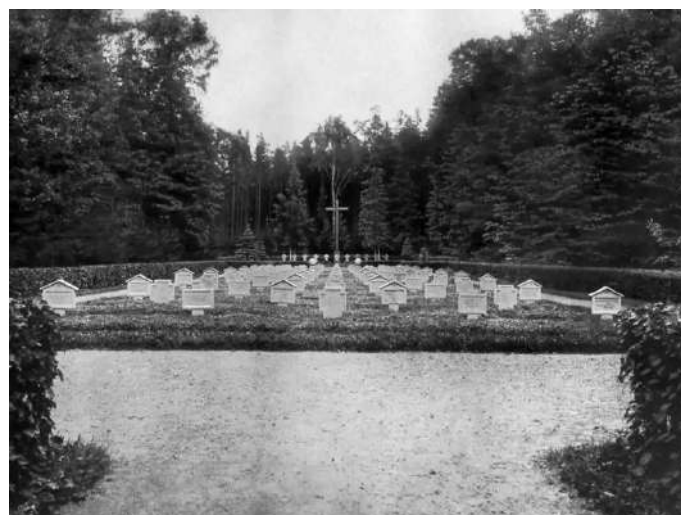
В течение всего дня части Русской Императорской армии в районе посёлка

сдерживали натиск германского 17 армейского корпуса под командованием генерала Августа фон Маккензена. К концу дня русские полки пошли в контратаку и опрокинули противника. Итогом боя в районе посёлка Маттишкемен стал разгром центра 8-ой Германской армии под командованием генерала Максимилиана фон Притвица, который в результате принял решение отступить за Вислу. В ходе сражения посёлок получил повреждения.

Результатом сражения стала переброска германских резервов с Западного фронта и спасение Франции от поражения в Битве на Марне и капитуляции, что привело к срыву германского плана молниеносной войны и поражению Германии и её союзников в войне.

В 1914-15 годах Восточная Пруссия стала местом ожесточённых столкновений, с августа 1914-го по март 1915-го протекали на её территории бои и сражения: Шталлупененское столкновение, Гумбиннен-Голдапское сражение, Танненбергское сражение, битва на Мазурских озёрах, битва в Августовских лесах и другие, менее крупные. Немым напоминание о тех событиях стали многочисленные воинские захоронения, раскиданные по всей территории региона.

После каждого сражения специальные команды войсковых подразделений, зачастую совместно с местными жителями, обыскивали поле боя и заботились о захоронении своих и чужих павших воинов. Если близко было кладбище, то погибших солдат хоронили на нём, но чаще приходилось это делать непосредственно на поле сражения, там, где они и нашли свою смерть. Немцы хоронили и своих и чужих, в данном случае – русских воинов.

Heldenfriedhof in Mattischkeken (Vorwerk des Hauptorts Trakohen)
Hier ruhen an der Schlacht bei Gumbinnen am 20. August 1914 insgesamt 1081 Krieger, davon 443 Deutsche und 438 Russen

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 011366
Ebenrode, Stadt, Kreis Ebenrode, MT13101-0. Kriegsgräber von 1914/18. (1920-1944). ©

Некоторая планомерность солдатских захоронений была в городах, которые располагали гарнизонными кладбищами или в которых резервным лазаретам отводилась часть городского кладбища. В ряде городов удавалось даже хоронить на кладбищах по религиозным конфессиям – евангелическим, католическим, еврейским. Павшие предавались

земле с воинскими почестями, был ли это немецкий или русский солдат не имело значения. Могилы русских солдат, как и все захоронения на кладбищах, в которых противники нашли свой последний покой, содержались и приводились в порядок силами общины.

После Первой мировой войны повсюду, где были могилы немецких солдат, начались перезахоронения на крупные военные кладбища. Эти мероприятия проводились в соответствии с Женевской конвенцией о праве погибших на захоронение. Для Восточной Пруссии и захоронений на её территории это имело малое значение, поскольку здешнее население «было близко привязано» к павшим. В большинстве случаев жители отказывались от перенесения могил на общие военные кладбища, а иногда даже перезахоранивали своих близких, павших на других фронтах, на местных кладбищах.

Многочисленные солдатские могилы порой значительно препятствовали обработке полей, но ни один землевладелец не настаивал на перезахоронении, наоборот, он гордился тем, что на своей земле может ухаживать за воинским захоронением. Общины и частные собственники-землевладельцы соревновались в уходе за могилами, летом они утопали в цветах и зелени, при этом и захоронения русских

солдат не были забыты. Поскольку соотечественники не могли каждый год посещать их, во многих случаях церковные общины и молодёжные группы брали на себя уход за этими захоронениями.

В канун десятилетней годовщины началась установка памятников в честь погибших на разных фронтах войны местных жителей. Почти в каждом населённом пункте провинции были установлены различные памятники и памятные знаки жителям города или церковного прихода (Kirchspiel). В большей части эти памятники стояли возле кирх, выложенные из обработанных камней, с мраморными плитами, на которых были перечислены фамилии жителей церковного прихода. Или же это были огромные валуны, с изображением Железного креста или немецкой каски и лаконичной надписью.

На 1939 год в Восточной Пруссии было около 2200 воинских захоронений Первой мировой войны, от крупных кладбищ до одиночных индивидуальных могил, в которых покоилось более 61 тысячи человек. Помимо погребённых немцев и русских были представители и других стран – австрийцы, англичане, бельгийцы, румыны, французы, оказавшиеся на территории Восточной Пруссии в качестве военнопленных.

На самом крупном воинском захоронении Первой Мировой войны в Калининградской области, крупнейшем в России на местах боёв ПМВ — воинском мемориале «Маттишкемен» в посёлке Совхозное Нестеровского района покоятся 438 русских и 646 германских воинов, павших в Гумбинненском сражении.

Ежегодно, с 2010 года, на мемориале «Маттишкемен» в начале августа и 11 ноября проводятся памятные мероприятия,

посвященные Гумбинненскому сражению и окончанию Первой мировой войны. В 2010 году посёлок посещал военный атташе Посольства Франции в России Дени Морель и Наталия Нарочницкая, в 2011 году военный атташе Посольства Франции в России Эрик Фурно, в 2012-м Стефан Фраппа, почетный консул Франции в Калининграде и Гийом Шоке, вице-консул Бельгии в Санкт-Петербурге, в 2014 году российский режиссёр Сергей Дебижев.

По материалам статей Александра Казённова «Захоронения и памятники Первой мировой войны (период 1914-1945)»

https://visitprussia.com/prussia/zahoroneniya_i_pamyatniki_pervoj_mirovoj_vojny_period_1914_1945/

«Спасти Париж и умереть» с сайта <https://starover.livejournal.com/654560.html>

и Валерия Штицберга «Гумбинненский рубеж»

<http://archive.redstar.ru/index.php/advice/item/16067-gumbinnenskij-rubezh>

В секторе, где похоронены немецкие солдаты, на надгробиях выбиты фамилии. Но вот что странно. Практически на каждой плите встречаются польские фамилии. Przybyszewski, Jablonski, Schalapski, Rzepinski, Wroblewski, — вот лишь некоторые в маттишкеменском некрополе. Как объяснили корреспонденту EADaily краеведы, по всей видимости, эти были этнические поляки, жившие на

территории Германской империи и соответственно призванные на войну против Российской императорской армии, в которой немало служило польских солдат и офицеров.

Откуда взялись «польские» фамилии у германских солдат?

«Польские» фамилии носили мазуры, а не поляки. 17-й армейский корпус Маккензена дислоцировался в Восточной Пруссии. Штаб находился в Алленштайне (ныне польский город Ольштын). В нём служили местные жители, среди которых было очень много мазуров», — сообщил протоиерей Георгий Бирюков, настоятель Свято-Духова Храма в городе Нестеров.

Для мазуров XX века характерны:

1. Лютеранская вера (поляки же — католики);
2. Двуязычие. Кроме мазурского языка (основа польская, но сильное влияние немецкого), мазуры обычно хорошо говорили на немецком;
3. Осознание себя гражданами Германии (плебисцит 1920 года после Первой мировой войны это показал — мазуры добровольно выбрали Германию и отделили себя от Польши. После 1945 года подавляющее большинство мазуров уехало в Германию.

В сегодняшней Польше Мазуры являются этнической группой, насчитывающей тысяч пять человек.

Источник <https://eadaily.com/ru/news/2018/11/12/neizvestnye-russkie-kaliningradcy-spasayut-ot-bespamyatstva-pervuyu-mirovuyu>

В 2019 году на мемориальном захоронении «Маттишкемен» в посёлке Совхозное освещён **камень в основании часовни Преображения Господня** в память воинов Российской Императорской армии, павших 19 и 20 августа 1914 года в Гумбиннен-Гольдапском сражении.

Посёлок Маттишкемен впервые упоминается в документах в 1580 году, как уже существовавшее ранее поселение. С 1788 года конюшни, расположенные в посёлке, входили в состав Тракененского конезавода, на них содержались жеребцы.

С июля 1945 года в Сальские степи – в зону традиционного российского коневодства начали поступать эшелоны трофейных лошадей из Германии. Это были, так называемые, полукровные лошади различных верховых пород; восточно-пруссские, бранденбургские, нейштатские, ганноверские, венгерские, но самые многочисленной была группа лошадей Тракененского завода, имевших тавро в виде одного семиконечного рога лося на правом бедре.

Нельзя сказать, что эти породы были совершенно новыми для нашего коневодства. Ещё в 1925 – 1928 годах, когда Восточная Пруссия испытывала кризис со сбытом лошадей в связи с сокращением армии по Версальскому Договору, в Россию было продано 5 000 верховых и 300 племенных лошадей. Часть из них поступила на конезавод имени Первой Конной Армии. Внук одной из этих восточно-пруссских кобыл Сатрап и

выдающиеся спортивные лошади Пластун и Порыв (Ковер) начали показывать блестящие результаты уже в пятидесятые годы. Также успешно выступал поступивший из Германии жеребец Оссиан, 1937 году, родившийся в Тракененском заводе. Через 10 лет целая плеяда тракененских лошадей появилась на спортивных аренах Союза. Спортсмены, выступавшие на тракененских лошадях, почти не оставляли призовых мест для соперников на пьедесталах почёта. Тракененские лошади были признаны лучшими спортивными лошадьми.

Во время последней войны на территории Восточной Пруссии принимал участие А. С. Красников, впоследствии заведующий кафедрой коневодства в Московской сельскохозяйственной Академии. Ему удалось собрать и отправить в Академию почти полный комплект восточно-пруссских племенных книг, в которых давался анализ состояния восточно-прусского коневодства по периодам.

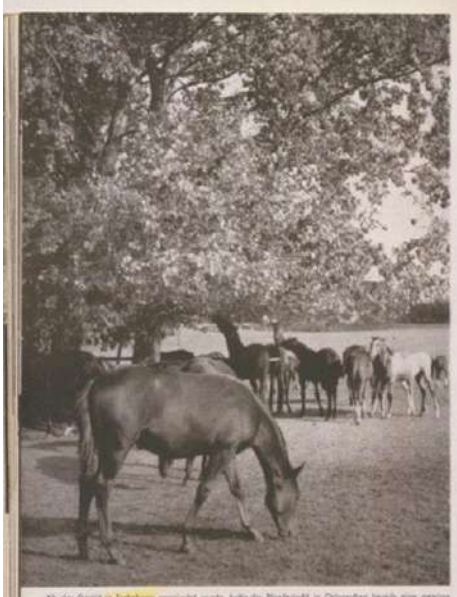
www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 016445
Groß Trakehnen, Kreis Ebenrode, MT14100-2.
Trakehner auf der Weide. (1930-1933), © The New-York Times, Berlin

К концу XIII века Тевтонский орден смог закрепиться на прусских землях, основав государство с таким же названием. Основой сильного государства того времени была конница. Для ведения боевых действий каждый рыцарь обязан

был выставить одного тяжело-вооружённого и двух лёгких всадников. Для лёгкой конницы использовались местные и польские лошади. За такую лошадь в рыцарские времена давали трёх рабов. Для воспроизводства тяжёлых лошадей орден имел 31 конный завод с поголовьем 14 тысяч лошадей. Основой этих заводов послужили местные прусские лошади, которые из поколения в поколение улучшались тяжёлыми рыцарскими жеребцами. Оставили свой след в начальный период и восточные жеребцы, приведённые из крестовых походов, подкупавшие своей красотой и резвостью.

Конные заводы принадлежали немецкой и местной знати. Для сельскохозяйственных нужд использовались местные прусские лошадки, происходящие от тарпанов, живущих тогда ещё в прибалтийских лесах. Последний тарпан был убит в 1644 году. Это были мелкие, простые, слабосильные лошади, которых немцы презрительно называли «швайками» (грязные).

Эти невзрачные лошадки станут потом основой восточно-прусского коневодства, сохранив выносливость и приспособленность местных предков в природе. Иногда и сейчас в тракененской породе можно встретить гнедых лошадей с чёрным ремнём по спине, унаследованным от древних предков.

О коневодстве в период государства Тевтонского ордена имеются отрывочные сведения. В 1440 году после большого падежа из Скандинавии были завезены 900 тяжёлых рабочих лошадей и распределены между поселенцами. Прусские лошади конных заводов рыцарей и дворянства высоко ценились за границей, но они мало оказывали влияние на улучшение качества крестьянских лошадей. В 1656 году прусское коневодство понесло большие потери от нашествия татар, а в 1709 – 1711 годах – от эпидемии чумы.

В 1618 году герцогство Пруссия объединяется с княжеством Бранденбург. А в 1701 году в Кёнигсберге происходит пышная коронация первого короля Пруссии Фридриха I. Вместе с королём и его двором в Пруссию прибыли 1000 верховых и 30 тысяч упряжных лошадей, принадлежавших свите короля. До эпидемии 1709 – 1711 годов в королевских конюшнях по отзывам современников стояло 1310 голов «собственно прусских отличнейших лошадей». Конечно, это были потомки рыцарских и восточных лошадей.

В 1713 году королём Пруссии становится Фридрих Вильгельм I. Он уделял много внимания укреплению армии и хозяйственным вопросам. В первый год своего правления **Фридрих Вильгельм I** издаёт эдикт об улучшении коневодства в Пруссии, в котором излагает основные принципы содержания и выращивания лошадей. Для восстановления поголовья из королевской казны выделяются огромные суммы на покупку 210 племенных молодых испанских лошадей, а также 269 «простых испанских».

König Friedrich Wilhelm I.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 016147
Trakehnen, Kreis Ebenrode, MT14100-3. Pferdekoppel. (1900-1912). ©

Часть лошадей из сохранившихся конюшен была переведена в опустевшие после чумы конюшни Восточной Пруссии. К 1730 году в 10-ти королевских конюшнях стояло 1039 лошадей, в том числе в 7-ми из них 713 племенных кобыл.

По совету князя фон Дессау король в 1725 году решил объединить свои конные заводы в одно место.

Выбор короля пал на болотистую местность, заросшую низким березняком, ольхой, вербой и камышом. Эти земли постоянно затоплялись тальми водами, по-литовски такие места называются «тракас». Он лично составил план осушения бывшего ловчего округа литовских князей в заболоченной и заросшей кустарником местности, по которой протекала тихая речка Писса. Для увеличения территории будущего завода к этой земле присоединено имение Тракениен, а на средства короля были куплены поместья Викинлаукен и Иодслаукен.

Под руководством инженера-гидрографа с русской фамилией Суходолец (фамилия соответствовала поставленной задаче) по выполненному им проекту в 1726 году 600 солдат из Мемеля приступили к прокладке каналов и расчистке кустарников.

За 6 лет был прорыт магистральный Писса-канал протяженностью 7 километров и целая сеть осушительных каналов на площади 4 000 гектар. На осушенных землях началась постройка конюшен «отличавшихся изящной простотой». Для выполнения необходимых работ на новое место было переселено 60 семей ремесленников и 150 крестьян из Зальцбурга и Франции.

Новый завод был назван «Тракениен».

По указу короля Фридриха Вильгельма I от 11 июля 1731 года после завершения всех подготовительных работ из 8-ми королевских конюшен в Тракениен были сведены 1101 лошадь, в том числе 513 племенных кобыл. По свидетельству И. Домхардта дела в заводе пошли плохо. Большинство лошадей происходило из рыцарских предков и «кровосмешение доходило до степени, не соответствующей правилам улучшения коннозаводства».

Официальным же годом открытия конного завода «Тракенен» принято считать 1732-й.

В первые десять лет до 1742 года в заводе использовалось 32 жеребца: 1 неаполитанский, 1 варварийский, 5 английских, 5 розенбургских, 1 тракененский, 19 без происхождений.

Из последних 8 жеребцов имели отметку «розенбургский» и назывались «Неуклюжий», «Большой», «Прекрасный», «Длинная голова», «Толстый», «Тощий» и т.д. Видимо, качество этих жеребцов было не высоким. К потомкам этих 13-ти розенбургских жеребцов восходил первоначальный состав завода.

Через несколько лет осушенные пастбища вновь стали заболачиваться, что привело к недостатку кормов и большому отходу лошадей.

После этого король охладел к своей затее и в 1739 году подарил завод **кронпринцу, будущему Фридриху Великому**, который сам взялся за наведение порядка в заводе. Он поселился в маленьком домике в Тракенене и занялся коннозаводством. В тот же год он начал

обновлять состав жеребцов. Были куплены английский жеребец Гоке и испанский Рейнсбергер, «оба прекрасных статей», которые до 18 лет очень успешно использовались в случке.

В подарок от герцога Курляндского был получен серый жеребец Персианер, «драгоценный для заводского предназначения», который за 9 лет оставил в заводе большое потомство и стал основателем первой линии. Судя по кличке, он был персидским жеребцом. В то время было принято давать клички жеребцам по месту их происхождения. Из восточных жеребцов, стоявших в Тракенене, мы находим Арабера, Багдадли, Тегерана, Персера, Йемена и других, названных по месту их приобретения.

В 1740 году скончался Фридрих Вильгельм I, и более важные государственные дела отвлекли внимание молодого короля от Тракененского завода.

В 1742 году король прислал из Богемии 36 жеребцов, 138 кобыл и 107 голов молодняка неаполитанской породы. По словам ланд-шталмейстера Тракененского завода фон Браухича эти лошади были «большого роста, с длинными шеями горбоносые и слабые задом. Порода сия не удовлетворяла заводской цели и вскоре уничтожилась». В 1746 году король прислал ещё 3-х богемских жеребцов, «но и они были не лучше первых».

Далее до 1764 года вообще нет сведений об использовании жеребцов, известны только клички некоторых из них, выбывших в период с 1742 по 1749 годы без указания происхождения. Известно также, что с 1748 по 1770 годы использовались жеребцы преимущественно без примет, а после стали и допускаться и с приметами, но в основном вороных, т.е. племенная работа в заводе в этот

период была подчинена требованиям и моде королевского двора. Лучшие лошади уходили на продажу и в королевские конюшни, а в заводе оставались посредственный материал.

Фридрих Второй постановил, что Пруссия должна сама выращивать лошадей для кавалерии. Однако на тот момент ни конезавод Тракенен, ни землевладельцы не имели возможности предоставить армии лошадей в достаточном количестве. Не помогая заводу материально, Фридрих забирал себе всех четырехлетних жеребцов.

Управляющий должен был просить особого разрешения использовать жеребцов, предназначенных для случки с заводскими кобылами. Лучших лошадей король раздаривал придворным, продавал по высоким ценам, а прошения обер-шталмейстера (главного управляющего коннозаводством) о покупке племенных жеребцов оставлял без внимания, считая, что это пустая трата денег. Лошади из

Королевского завода не устраивали Фридриха, прибыль от продажи лошадей казалась ему слишком незначительной, и он постоянно угрожал Тракенену расформированием.

До 1746 года в Тракенене было два управляющих: один занимался коннозаводством (шталмейстер), второй – хозяйственной деятельностью. Каждый непосредственно отчитывался перед королём.

В 1746 году король назначает камер-директором Тракенена Иоганна фон Домхардта, шталмейстера завода с 1739 года, с местом жительства в Гумбинене. На него возлагалось всё руководство Тракененским конезаводом, которое сохраняется и после назначения в 1771 году Иоганна Фридриха фон Домхардта оберпрезидентом Военной государственной земельной палаты Пруссии в Кёнигсберге.

Хозяйственными делами завода продолжают заниматься часто сменяемые управляющие.

По состоянию на 1746 год в Тракенене имелось 1196 голов, в том числе 865 лошадей своего завода, 228 неаполитанских из Богемии, 103 головы лошадей и ослов для мулопроизводства, для чего было выделено 55 кобыл, и 512 для кобыл для коннозаводства. Воспроизводство лошадей было на уровне 35 – 40%. К 1748 году поголовье увеличилось до 1256 голов и

трудности с кормами ещё более выросли. Домхардт ходатайствует перед королём о сокращении поголовья завода и, получив разрешение, оставляет из 482 племенных кобыл 300 и только 150 молодняка. При этом выбыли все лошади неаполитанской породы.

Поскольку до этого лучшие лошади уходили в королевские конюшни, Домхардт добивается возвращения в завод из Берлина 32 тракененских жеребцов. Посторонних жеребцов не поступало, так как все средства государства были направлены на содержание армии и военные действия.

В годы Семилетней войны (1756 – 1763 годы), в которой Пруссия потерпела поражение от России, по указанию русской оккупационной администрации были куплены 4 жеребца «русских пород», которые вскоре были выбракованы.

После окончания войны, наконец, были выделены деньги на покупку 3 английских и 3 датских жеребцов. Из Георгенбурга был приведён внук Пасиандера Спинола.

Лучшим из английских жеребцов был тёмно-гнедой Питт, «небольшого роста превосходных статей». Он имел отметку «Победитель в бегах». В чистокровный стутбук он не был включён. О его происхождении можно только догадываться.

Внук Питта, сын Тамерлана, о котором не осталось никаких сведений, Адлер 1773 года рождения имел такую же тёмно-рыжую с чёрными пятнами масть, как знаменитый Эклипс, 1764 года рождения. По предположению Бургсдорфа, возможно, Питт также происходил от Дарлей Арабиана. Он стал родоначальником одной из 3-х линий в Тракененском заводе через 3-х сыновей и 6 внуков, из которых Адлер «признавался тогда единственной и прекрасной лошастью».

Все эти жеребцы были выведены из производящего состава в 1787 году.

От другого английского полукровного жеребца Мальборо, а также от одного из датских жеребцов Ахиллеса I было оставлено по 1-2 сыновей, которые выбыли после нескольких лет использования.

В 1765 году были приведены 2 хороших турецких жеребца Барбе и Мустафа, а в 1766 году – 2 английских и 2 испанских, из которых только от английского полукровного Вильямса осталось два сына, стоявших в заводе до 1780 года.

В 1769 году за очень большую сумму был куплен английский полукровный жеребец Милорд, а также 3 датских жеребца «не отличавшихся достоинствами» и почти не использовавшиеся. От Милорда 3 сына и 1 внук стояли в заводе до 1787 года, а 2 внука использовались уже в 1802-04 годах.

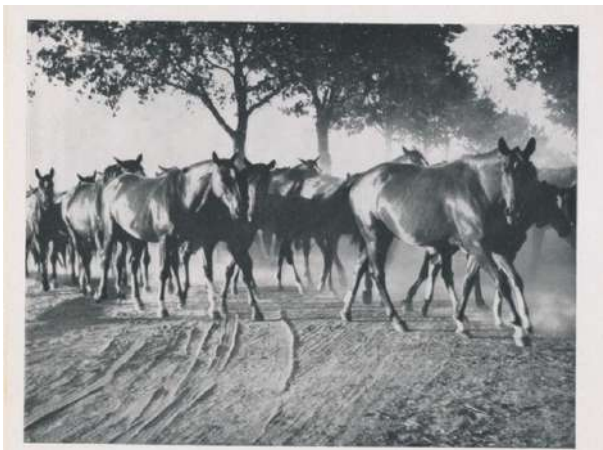

В 1771 году король прислал в Тракенен английских жеребцов Гарисона и Адмирала, и турецких жеребцов: Басса, Принца и Эфенди. Самым ценным оказался тёмно-гнедой полукровный английский Адмирал. Он стал основателем линии: 3 его сына использовались до 1787 года, а внук Брутус-II, 1786 года рождения, за 11 лет до 1807 года оставил 123 головы потомства. Сыновья и внуки Брутуса-II продолжали линию до 1813 года.

В эти годы в Тракенене получила своё развитие линия Персианера.

Поступивший в завод в 1739 году серый Персианер 1728 года рождения использовался 9 лет и в возрасте 20 лет был продан частному владельцу. О сыновьях Персиандера нет сведений. В 1764 года из Георгенбурга был приведён серый Спинола 1759 года рождения – потомок Персианера, использовавшийся в Тракенене до 1780 года, который мог быть только ему внуком. Второй потомок Персиандера – Персиандер-I, серый, 1763 года рождения, записанный от Альтер-Персиандера, также по возрасту мог быть только ему внуком. Очевидно, сыном Персиандера был упоминаемый в племенных книгах Альтер-Персиандер, о которых не сохранилось сведений.

От Спинолы в Тракенене использовались 2 сына и 2 внука. Персиандер-I оставил 3 сыновей, 2 внуков и правнука. Его сын Аполло-I, серый, 1772 года рождения, стоял в заводе 19 лет, а сын его, тоже серый, Пуппе 1780 года рождения – 17 лет. Жеребцы этой линии, в большинстве были серыми, среднего роста 162-165 см. Эта линия просуществовала 66 лет на протяжении 5-ти поколений и оставила значительный след в заводе. Много дочерей Спинолы поступило в маточный состав

Тракененского завода и хозяйств Восточной Пруссии.

Таким образом, Домхардт первый перешёл от бессистемного скрещивания лошадей различных пород к разведению по линиям и создал первые из них. Король Домхардту постоянно отказывал в средствах в покупке жеребцов, и в последующие 15 лет до 1787 года в Тракенен поступило только 10 жеребцов различных пород, которые случайно поступали в завод: египетский, болгарский, арабский, турецкие. От них не осталось заметного следа в заводе.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 016148
Groß Trakehnen, Kreis Ebenrode, MT14100-2. Schloß (Landstallmeisterhaus). (1900-1912), ©

По проектам Иоганна Фридриха фон Домхардта продолжилось осушение земель местности, улучшилось благосостояние завода.

Он начал с облагораживания тракененской породы путём примешивания к ней крови английской и арабской пород. В подборе производителей он руководствовался утверждением, что «сила не в количестве, а в качестве».

Иоганн Домхардт первым предложил королю использовать жеребцов из Тракенена для улучшения крестьянского коневодства и выделить средства на постройку специальной конюшни для племенных жеребцов, где кобылы сельских хозяев бесплатно покрывались бы породистыми тракененскими жеребцами.

В 1775 году Домхардт под свою ответственность попытался выделить в Тракенене 10 общенациональных жеребцов-производителей. Это стало началом государственного подхода к созданию племенного фонда для развития коневодства.

Сначала желающих было мало, но, когда в 1783 году один из крестьян продал 3-х летнего жеребца за цену в 8 раз превышавшую цену простой крестьянской лошади, спрос на тракененских жеребцов стал быстро расти. Количество жеребцов было увеличено до 20-ти. Жеребцы содержались за счёт казны и случка проводилась бесплатно. Домхардт не дождался первого успеха использования тракененских жеребцов. Он скончался в 1781 году, и последующие 6 лет Тракененским заводом управляли чиновники из Кёнигсбега.

Домхардт разработал проект общественного конного завода для края, основанный на французской системе. Этот проект неоднократно представляли королю, но Фридрих Великий отклонял его со словами: «Я стар, рассмотрение этого дела я предоставляю своему наследнику».

По сведениям составителя I-го тома Племенной книги Королевского Прусского Главного завода Тракенен И. Френтцеля, за период с момента основания до 1787 года в Тракенене использовалось 356 жеребцов.

Тракененский завод поставлял лошадей для армейской конницы и придворной конюшни. Тракененские лошади превосходно зарекомендовали себя в упряжи – расстояние из Берлина в Потсдам они преодолевали всего за 2 часа, на 30 минут опережая мекленбургских, английских и русских лошадей.

В 1786 году, после смерти Фридриха Великого, Тракенен перешел в собственность государства, оставив в названии титул «Королевский». С этого момента отношение прусских монархов к Тракенену изменилось коренным образом.

Новый король Фридрих Вильгельм II поручает всем коневодством Пруссии обер-ланд-шталмейстеру графу Линденау.

Это был потомственный коневод. Его отец состоял в должности обер-шталмейстер Саксонии. Молодой граф изучил курс зооветеринарных наук в Дрездене, посетил многие конные заводы, был в Англии, где познакомился с лучшей в мире системой коннозаводства. Он был отличным всадником и любителем парфорсных охот (с гончими собаками). С большой энергией граф Линденау принялся за дело.

Главной своей задачей он считал обеспечение потребности в лошадях армии. В первую очередь он занялся ревизией Тракененского завода. В 1787 года граф сам лично осмотрел всё поголовье лошадей завода и произвёл жёсткую выбраковку. Из 38 жеребцов были выбракованы 25, в первую очередь потомки английских полукровных жеребцов.

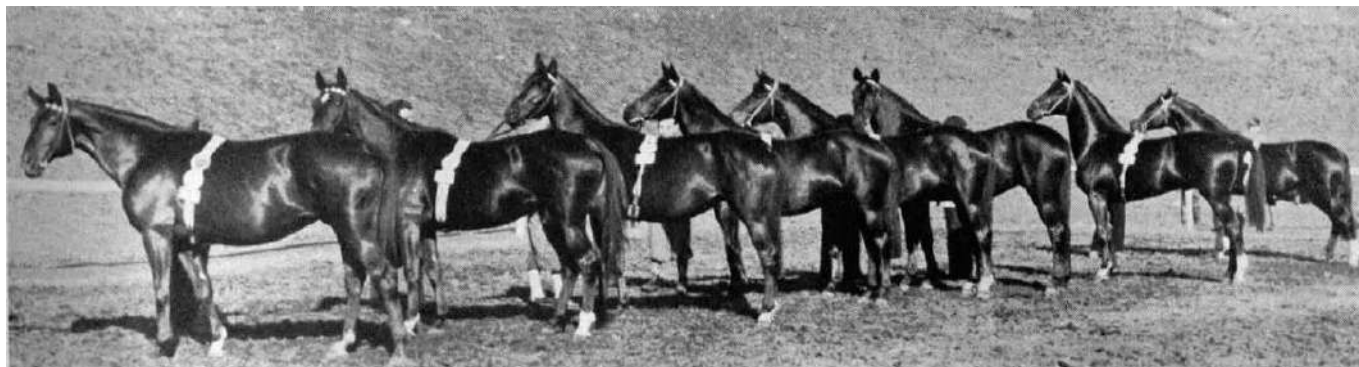
Из оставленных 13 жеребцов прежнего состава были только 4 верховых жеребца, все серой масти: потомок Персиандера Аполло-I и его сын Пуппе, турецкий Муфте и англо-арабский Тамерлан из Цвайбрюккена. Остальные 9 жеребцов были молодыми, первый год покрывавшие в Тракенене. Многие из них выбыли после 2-3 лет использования.

Такой же строгой выбраковке подвергся маточный состав завода: из 381 кобылы осталось 237 (65%). Выбракованные кобылы были узкогруды, вислозады, беднокостны, имели курбу (артроз), шпат (остеоартроз), размёт (разворот копыт наружу), козинец (выпячивание запястного сустава), X-образность. Кроме того, они были мелки. По

данным «Племенной книги Тракенов», составленной бароном Штиллфридом, в 1801 году средний рост кобылы завода составлял 157/146 см при минимальном росте 146/140 см. В то время рост измерялся лентой, что на 8-10 см превышает измерение палкой, которое было введено только в 80-х годов XIX века.

Кобылы Тракененского завода были поделены по мастям на 4 табуна: вороные, гнедые, рыжие упряжного типа и смешанные верхового типа. Такой порядок размещения кобыл сохранялся до последних дней завода. В дальнейшем, под влиянием используемых жеребцов, каждый табун приобрёл определённый тип.

Лишь во второй половине 18 века в Тракенене развивалась чёткая селекционная линия. Большая роль в этом принадлежит фон Линденау. Линденау распорядился использовать только чистокровных и арабских производителей – «чистую кровь» он считал золотом селекции. Тогда же были разделены на четыре группы кобылы. В Тракенене были собраны матки верхового типа различных мастей. В других конюшнях были собраны упряжные матки, разделенные по мастям на гнедых, вороных и рыжих. Он ввёл в тракененскую породу крупных английских полукровных лошадей, чтобы увеличить размеры измельчавших к тому времени тракенов – потомков старой племенной кобылы по кличке Швайке.

Так благодаря целенаправленной селекции в Тракенене более 200 лет назад возникла уникальная порода – Восточно-прусская лошадь тракененской селекции.

С 1787 года все верховые лошади, рожденные в Тракенене, получали клеймо на правом бедре в виде 7-конечного лосиного рога. Тракененский завод оказывал существенное влияние на развитие коневодства в стране.

Граф Линденау по достоинству оценил начинание Домхардта по улучшению сельского коневодства. Он приказал теперь ежегодно оставлять в Тракенене по 100 жеребцов для случки крестьянских кобыл. Кроме того, в 1789 году в Восточной Пруссии были организованы ещё 3 сельских конных завода (заводских конюшен жеребцов) в Рагните, Инстербурге и Олецко, для которых в спешном порядке были закуплены 200 жеребцов из Саарбрюккена, Гольштейна, Мекленбурга и Пруссии. Они были не лучшего качества и вскоре выбыли, вытесненные жеребцами Тракененского завода.

Руководство всеми заводами было возложено на Фридриха фон Браухича (1755 – 1839), которому было присвоено звание ланд-шталмейстера Литвы с постоянным местом жительства в Тракенене. Его через два года сменил новый ланд-шталмейстер Литвы Фридрих фон Белов (1750 – 1814), которому в дальнейшем выпали все тяготы военных лет.

Восточно-прусское коневодство стало основным поставщиком ремонтных лошадей для армии.

В период наполеоновских войн Европе было не до коневодства. Тракененский завод в 1806 году срочно эвакуируется через Мемель в имение графа Зубова «Щавли» Ковенской губернии, при этом много лошадей погибло и было потеряно. К случному сезону 1807 года от 310 кобыл маточного состава осталось лишь только 218. После заключения Тильзитского мира между Россией и Францией в 1807 году Тракененский завод осенью возвратился домой.

Вскоре после возвращения из последней эвакуации Тракененского завода домой в 1814 году скончался ланд-шталмейстер Литвы фон Белов, в подчинении которого находился кроме Тракенена сельские конные заводы по

всей Восточной Пруссии.

Приемником фон Белова стал Вильгельм Карл Фридрих фон Бургсдорфф. Бургсдорфф с 18-летнего возраста принимал участие в войне против революционной Франции в должности мастера походной королевской конюшни. В 1801 году он назначается ланд-шталмейстером Мюнстервальде, с 1808 года становится ассистентом фон Бюлова и руководит эвакуацией Тракененского завода. После

смерти фон Бюлова принимает Тракененский завод. Сельские конные заводы теперь имеют собственных ланд-шталмейстеров.

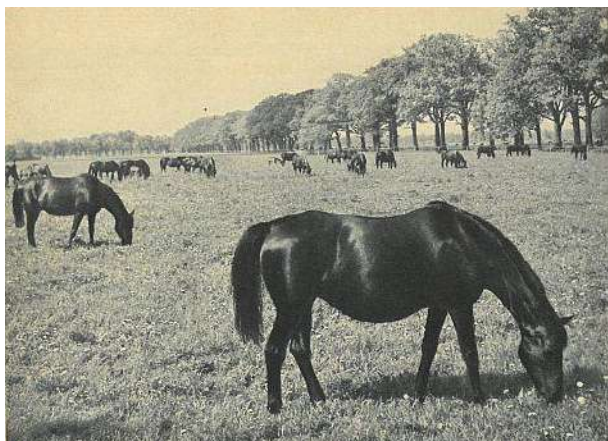
К началу самостоятельного руководства Тракененом фон Бургсдорфф очень хорошо знал все проблемы завода. Ему досталось хозяйство, разорённое войной, в плачевном состоянии. Часть построек была разрушена, поля и пастбища запущены, поголовье лошадей сократилось вдвое. В первую очередь необходимо было восстановить маточное поголовье.

Войска Наполеона в 1806 году забрали более 75 тысяч восточно-прусских лошадей и в 1812 году ещё около 104 тысяч. В заводских конюшнях сохранилось всего 195 сельских производителей, и в случку 1814 года пошло только 5004 кобыл частных владельцев. В 1807 году конезавод в Рагните прекратил своё существование, а конезавод в Олецко работал лишь до 1823 года, а затем был переведён в Гудваллен.

За 4 года с 1814 по 1818 годы количество кобыл увеличилось с 213 до 332.

В 1815 году было ликвидировано мулопроизводство, и 25 кобыл массивного типа поступили в маточный состав завода.

Бургсдорф обратился к правительству Пруссии с просьбой о выделении средств для покупки жеребцов, которая была удовлетворена. Он был большим поклонником арабских лошадей и в 1816 году отправляет потомственного врача Тракененского завода Георга Аммона в экспедицию за жеребцами через Россию в Турцию и Персию. Сам Бургсдорф в 1817 году едет в Англию за английскими жеребцами. С них началось прилитие английской крови

тракененским и восточно-пруссским лошадям. В эти годы были куплены кобылы различных пород: в Англии – 10 чистокровных и 6 полукровных, из России – 5 донских, из завода Фридриха Вильгельма – 5 англо-арабских и другие. Кобылы были поделены на табуны по мастям, и типам – верховому и упряжному.

В 1821 году были учреждены десять, так называемых, «Депо для пополнения конского состава», из которых 5 находились в Восточной Пруссии. В 1821 году впервые прусская кавалерия располагала достаточным количеством лошадей. По состоянию 1826 года на квадратную милю территории приходилось в Восточной Пруссии – 470 лошадей, в Вестфалии – 255 лошадей, а в Западной Пруссии – 250.

У Вильгельма фон Бургсдорфа счастливо сочетался талант селекционера и организатора. За время своей деятельности он три раза присоединяет к Тракенену дополнительные земли. Посетители завода обращали внимания на прекрасные поля, луга и пастбища, которые позволяли вволю кормить лошадей. В конюшнях был идеальный порядок. Каждая лошадь имела этикетку с именем, годом

рождения и происхождением. Дважды в день чистились лошади, находившиеся в денниках. Если раньше молодые жеребцы уходили в сельские конюшни даже не заезженными, то теперь был организован тренинг молодняка.

Лучших молодых жеребцов Бургсдорф распределял по сельским конным заводам, а затем собирал ремонт (поставка, замена лошадей) для армии. Остальных жеребцов продавали с 1839 года на аукционах частным владельцам и офицерам. В Тракенене была восстановлена заводская конюшня жеребцов для частных владельцев кобыл.

Бургсдорф благоустроил усадьбу в Тракенене. В административном здании был основан музей, где стали собирать портреты знаменитых лошадей, изображённых на картинах и фарфоре. Благодаря этому мы можем иметь представление о типе тракененских лошадей того времени. В 1816 году были открыты школы для детей работников завода, что через несколько лет

сказалось на повышении культурного уровня персонала. Почти половину жизни – 35 лет отдал Бургсдорф Тракененскому заводу.

Земельный Тракененский конезавод в 1877 году был переведён в Растербург. С тех пор на Главном конезаводе занимались только выращиванием жеребцов – основных производителей породы.

С 1888 года Западная и Восточная Пруссия, наряду с провинциями Позен (Познань) и Ганновер были провинциями, которые поставляли лошадей только для кавалерии. Восточная Пруссия в это время была самой богатой лошадьми провинцией во всей Пруссии; здесь выращивалось лошадей больше, чем в провинциях Позен, Ганновер и Западная Пруссия, вместе взятых.

В 1890 году была создана племенная книга восточно-прусских лошадей, с **1888 года им на левом бедре стали выжигать тавро «двойной семиконечный рог лося»**. В 1891 году возник современный конезавод в Браунсберге, а 8 лет спустя Инстербургский конезавод перевели в Георгенбург.

К окончанию XIX века в жилах каждой лошади на территории Пруссии присутствовала тракененская кровь. Тракененскую породу ценили за её мощь, грузоподъёмность и выносливость. Спрос на тракененских лошадей рос, тракененская кровь распространялась не только по Восточной Пруссии, но и за её пределами.

По всей стране для улучшения крестьянского коневодства учреждались случные конюшни и так называемые «сельские» конные заводы, которые в значительной мере комплектовались жеребцами из Тракенена.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 012626 / 7-70-86
Grünau, Ort, Kreis Elchniederung, MT10095-5. Geholt Timmas. (1935-1944). ©

На коренные изменения в племенной работе Тракененского завода решился **Бурхард фон Эттинген**. Он родился в 1850 году в Риге. Его отец был управляющим в Лифляндской конюшне. Лифляндия тогда входила в состав России, и отец по служебным делам часто и длительное время находился в Петербурге, куда брал с собой всю свою семью. Там Бурхард фон Эттинген освоил русский язык и подружился с двумя сыновьями Бисмарка, который был в те годы прусским посланником при царском дворе. В дальнейшем эта дружба с младшим сыном Бисмарка, который стал обер-президентом Восточной Пруссии, помогла Эттигену в получении средств для строительства в Тракенене. Бурхард получил прозвище «Маленький русский». Он окончил математический факультет в Дерптском университете в 1873 году и был призван в армию, где прослужил в артиллерии, как специалист по математике и по лошадям, 17 лет. После увольнения из армии с 1888 года – 5 лет ланд-шталмейстер сельского завода

Гудваллен, затем 2 года в конном заводе в Бебербек (Гессен/Нассау). Эти подробности позволяют понять деятельность Эттингена в Тракененском заводе, куда он получил назначение в 1895 году.

Незадолго до назначения Эттингена к Тракененскому заводу было присоединено около 200 га земли, и общая площадь хозяйства составила 4 150 га. Эттинген ввёл целую систему улучшения лугов, создал левадное хозяйство с огороженными пастбищами, заменил табунную бессистемную пастьбу на свободный выпас лошадей в левадах, построил лагерь для жеребцов-производителей с

индивидуальными летними домиками и травяными поддоками для пастьбы, огороженными двухметровой каменной стеной. Обильное кормление со свободной пастьбой и движениями Эттинген считал необходимой основой выращивания крупных, сильных, благородных лошадей. Эти меры позволили значительно увеличить поголовье лошадей Тракененского завода: в 1900 году имелось всего 1550 голов, в том числе 21 производитель и 411 маток.

Эттинген был поклонником чистокровных лошадей. Он решил изменить тип лошадей без снижения кровности.

Для укрупнения лошадей Тракененского завода Эттинген сразу с переходом в Тракенен забирает из Бебербекского завода жеребца Оптимуса, вороного, 1880 года рождения, 178/168 см, восточно-прусского происхождения, имевшего 80% английской и 5% арабской крови. Кроме английских чистокровных предков он имел и английских полукровных, а также предков, рождённых в Градитце, Тракенене и заводе Фридриха Вильгельма. Несмотря на такую насыщенную английскую кровь, это был очень крупный, костистый, грубоватый жеребец. В Тракенене стояли производителями 6 его сыновей.

Все внуки Оптимуса ушли в сельское конное производство, после ухода Эттингена работа с линией в Тракенене прекратилась. Но дочери и внучки Оптимуса оказали большое влияние на формирование нового типа тракененских лошадей, более массивного и костистого.

В 1899 году Эттинген приводит из Бебербека рыжего Обелиска 1881 года рождения, 171/163 см, родословная которого аналогична родословной Оптимуса. Он имел 82% английской и 6% арабской крови. За 5 лет Обелиск дал в Тракенене 148 голов приплода и был продан в частный завод фона Цицевица. В своём заводе стояли 3 сына и 3 внука Обелиска. Все ни были рыжие, крупного роста 162 – 172 см, массивного типа, на низкой ноге. Жеребцы Оптимус и Обелиск, происходившие от градитцкого высококровного Одоардо, были совершенно разного типа и стали основателями самостоятельных линий с характерными для каждого признаками.

Большое внимание продолжал уделять Эттинген использованию английских чистокровных жеребцов.

За 18 лет его работы в Тракенене использовались 42 чистокровных жеребца: из Франции – 12, из Англии – 11, из Германии (в основном из Градитца) – 9, из Ирландии – 3, из России, Америки и Австралии – по одному, местные – 3. Большинство из них оценивались в Тракенене по 2-3-4 года и передавались в другие заводы. Только лучшие, зарекомендовавшие себя хорошим приплодом, оставались в Тракенене.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 027251
Groß Trakehnen, Kreis Ebenrode, MT14100-2. Teilansicht des Gestüts von Westen, Luftbild. (1931), ©

Ланд-шталмейстер фон Эттинген построил на территории Тракенена новые сооружения и ввёл новые методы в содержании и кормлении лошадей.

Trakehner Hauptgeschäfer „Perfektist“, geb. 1911 in Trakehnen von Morgenztrahl u. d. Fuchshäherin v. Perfektistka

В 1903 году он совместно с графом Лендорфом приобрёл в Англии чистокровного жеребца по кличке **Перфекционист**, который вскоре предоставил великолепный материал для разведения и в том числе стал родоначальником знаменитой линии Темпельхютера. Хотя он лишь три года служил главным производителем, но внёс более весомый вклад в формирование тракененского типа чем какой-либо жеребец в истории конезавода.

Таким образом облагораживанием тракененской породы фон Эттинген удовлетворил потребность армии в быстрых и сильных лошадях. Успех этой селекции отразился в том, что в 1890 – 1914 годы более 50% лошадей для немецкой армии закупались в Восточной Пруссии.

В Тракенене Эттинген коренным образом изменил направление племенной работы, систему содержания и тренинга лошадей, облик завода.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 008483
Groß Trakehnen, Kreis Ebenrode, MT14100-2. Jagdwagen vor dem Jagdstall mit Pavillon. (1935) ©

Большая часть зданий завода, которые мы сегодня ещё можем видеть в посёлке Ясная Поляна Нестеровского района, бывшем Тракенене, построены при Эттингене по проектам архитектора Куебарта, племянник которого – Рейнгольд Куебарт создал потом скульптуру Темпельхютера. Для размещения тренируемых лошадей был построен, так

называемый, Новый двор.

К 1900 году были построены: конюшня на 70 голов для лошадей в тренинге, «Охотничья конюшня», а также школа наездников. Для детей работников завода было построено 5 школ. Велось строительство жилых домов. Было обеспечено медицинское обслуживание населения. Эттинген пользовался всеобщим уважением. Бурхард фон Эттинген известен как автор многих работ по чистокровному и полукровному коневодству, разведению и содержанию лошадей, племенных книг.

Trakehnen - Sechsergespann

По его инициативе осенью 1890 года в Инстербурге состоялась первая скачка для молодых жеребцов-производителей на дистанцию 1000 метров без ограничения веса. Дистанция в следующие годы была увеличена до 1200 метров, потом – до 1600 метров с весом до 75 кг. Цель этих испытаний – выявить наиболее выносливых лошадей, которых требовала армия. В Инстербурге испытывались жеребцы Тракенена,

Георгенбурга и Гудваллена.

С 1892 года к испытаниям стали допускать и жеребцов частных владельцев, прошедших подготовительные скачки. Жеребцы участвовали в скачках под седлом офицеров армейских частей, стоявших в Пруссии. Позже стали скакать на своих лошадях и работники заводов.

С приходом в 1895 году Эттинген сразу взялся за организацию тренинга.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 008494
Groß Trakehnen, Kreis Ebenrode, MT14100-2. Aufstellung zur Jagd. (1937), ©

Постройкой «Охотничьей конюшни» в 1898 году появляется возможность передерживать жеребцов для участия в парфорсных (с гончими собаками) охотах. В 1907 году Эттинген приобретает свору гончих собак, для которых строится специальное помещение. С весны начинали тренинги 2,5-летних жеребцов по трассам охоты. На площади 6000 га 350 имелось препятствий. За год проводилось 60 испытаний различной сложности.

С 1911 года в Тракенене стали проводиться скачки с препятствиями на 5000 метров, а с 1919 года – парфорсная езда на дистанцию 12 км с 45 препятствиями вошла в программу «Большого многоборья», включавшего, кроме того, выездку и конкур. В парфорсных охотах принимали участие армейские офицеры и любители-спортсмены на своих лошадях. Общество любителей турниров и скачек было образовано в Кёнигсберге в 1830 году, в Инстербурге – 1839 году. С этого же времени начались ежегодные состязания по конкурсу, который с 1919 года назывался «Большой приз Восточной Пруссии», состоявший из 20 препятствий с 29 прыжками на маршруте 1640 метров.

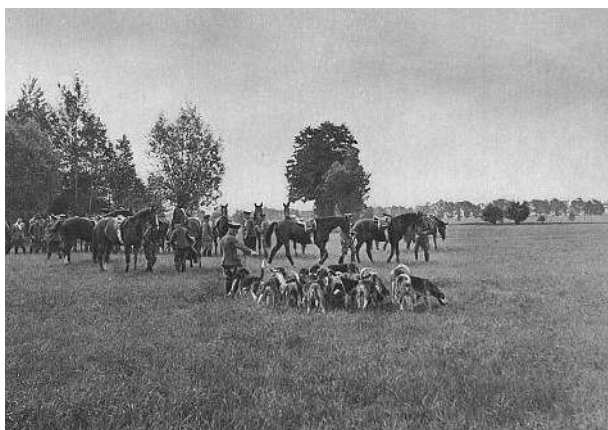

На дальнейший ход эволюции тракененской породы повлияли результаты Первой мировой войны. По условиям Версальского договора Германии было запрещено иметь кавалерию, и из 110 кавалерийских полков, комплектовавшихся восточно-пруссскими лошадьми, осталось только 18. Пришлось переориентироваться на разведение лошадей для сельского хозяйства.

В 1919 году возобновились конноспортивные соревнования в Инстербурге и в Тракенене. Однако спрос на верховых лошадей резко сократился. Основным потреблением лошадей стало сельское хозяйство. В соответствии с этими потребностями изменилась и система испытаний.

В Цвионе, переданном Тракененскому заводу, в 1921 году организуется трен-депо ремонтных жеребцов-производителей. Комиссия сельскохозяйственного Центрального Союза стала ежегодно отбирать в Тракенене и других хозяйствах Восточной Пруссии 100 лучших молодых жеребцов. Осенью в возрасте 2,5 лет они закупаются и ставились в Цвион, где проходили заездку под седлом и в качалке. В течение года молодые жеребцы получали тренинг на пересечённой местности с преодолением несложных препятствий.

Осенью следующего года для них в Тракенене проводились 3-дневные испытания. В первые два дня жеребцы под всадниками должны были преодолеть дистанцию в 10 км с 10-ю препятствиями, с контрольным временем 4 минуты на 1 км. На третий день к этой дистанции добавлялся ещё заключительной галоп на 3 км.

После полевых испытаний проводилась выбраковка и оценка состояния жеребцов по качеству движений, прыжкам, темпераменту, характеру, выносливости и упитанности. Отбраковка составляла около 10%, в результате в производящий состав попадали лучшие жеребцы породы.

После 1920 года Главному конезаводу в Тракенен были подчинены пять земельных конезаводов в Мариенвердере, Гудваллене, Георгенбурге, Растенбурге и Браунсберге.

Окончательно территориальная структура восточно-пруссского конезавода сложилась в 1929 году, когда земельный конезавод в Гудваллене был слит с конезаводом в Георгенбурге.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 013353
Groß Trakehnen, Kreis Ebenrode, MT14100-2.
Landstallmeister Siegfried Lehndorff 1922 bis 1931. (1922-1931), ©

В 1922 году ланд-шталмейстером конного завода Тракенен назначается **Зигфрид фон Лендорф**. На его долю пришелся период «усиления» уникальной породы восточно-прусской лошади тракененской селекции.

Зигфрид фон Лендорф родился в Градитце в 1869 году. Его отец был обер-ланд-шталмейстером до 1912 года. В 27 лет Зигфрид возглавляет завод Фридриха Вильгельме в Нойштадте, а с 1906 по 1922 год руководит чистокровным коневодством в Градитце. В период работы З. ф. Лендорфа в Тракенене закладываются все линии XX века.

Работа с линией Темпельхютера, полученного Эттингеном в 1905 году и поставленным графом Шпонекком в Тракенен в 1916 году, была продолжена графом Лендорфом. Темпельхютер простоял в Тракенене до своей смерти в 1932 году и оставил 366 голов потомства только в своём заводе, не считая 7 лет использования в Браунсберге.

Это был эталонный жеребец во всех отношениях. К 200-летию Тракененского завода скульптор Рейнгольд Куебарт создал бронзовый памятник Темпельхютеру в натуральную величину ещё при жизни этого жеребца, который был установлен перед Тракененским замком.

Фанрбесчюлер Тракенен
Фанрбесчюлер Темпельхютер
www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 027288
Groß Trakehnen, Kreis Ebenrode, MT14100-2.
Hengst Tempelhüter, 1905 geboren.. (1908-1910), ©

При З. ф. Лендорфе стали измерять, кроме роста лошадей, косую длину, обхват груди и пясти. **Темпельхютер** имел следующие параметры: 159-166-193-20,5 см. От него было получено 59 производителей и 60 маток для своего завода. Дочери Темпельхютера были прекрасными матками дали родоначальников линии Пифагораза, Пильгера, Купферхаммера и других известных жеребцов.

В Тракенене использовались 6 сыновей и 2 внука Темпельхютера, по 3-4 одновременно. Основным продолжателем линии стал рыжий

Пират, 1914 года рождения у частного владельца, который первые 3 года был сельским производителем, а с 1920 года – 9 лет производителем в Тракенене. Он дал 29 производителей, из которых 3 стояли в Тракенене. Основным опять же был рыжий жеребец массивного типа Посейдон, 1925 года рождения (163-200-21), оставивший 156 голов потомства, а затем сельский производитель до 1944 года.

Вторую мировую войну пережили 3 сына Посейдона, 1 внук Пирата, и даже сын и внук Темпельхютера, всего 13 жеребцов. Тракененский завод продолжил комплектоваться восточно-пруссскими жеребцами. За 10 лет с 1922 года в Тракенен были приведено 15 восточно-пруссских жеребцов, в том числе из Градитца, Бебербек и Цвион – заводов, которые в это время переформировывались.

Число чистокровных производителей было резко сокращено, зато широко использовались полукровные жеребцы местной селекции, такие как Темпельхютер, Ягдхельд, Сатурн, Парсиваль и другие. Довольно спорным для того времени было привлечение в главный конный завод восточно-пруссского жеребца **Дампфросса**, рожденного в частном хозяйстве. Но этот некрупный рыжий жеребец с

отличными движениями дал для тракененского коннозаводства производителей Пифагора и Хипериона, присутствие которых в родословной лошади и сегодня является гарантией её качеств.

Однако в результате конфликта с берлинским руководством министерства сельского хозяйства в 1931 году Лендорф был смещен со своего поста, который поменялся местами с ланд-шталмейстером Браунсберга доктором Э. Элертом.

Отставку Зигфрида фон Лендорфа коневоды считали большой ошибкой.

В 1926 году в Цвионе по инициативе Зигфрида фон Лендорфа, мастера по селекции жеребцов, появилась первая в Германии испытательная станция, где ежегодно проводилась строжайшая экспертиза будущих случных жеребцов.

Конезавод Цвион принадлежал имению семьи Симпсонов в Георгенбурге с 1875 года и был продан государству вместе со всей его собственностью в 1899 году.

Жеребцы проходили строгую однолетнюю оценку их работоспособности, при этом проверялись их производительность, особенности характера и темперамента. Лишь жеребцы, выдержавшие сложный и строгий «выпускной экзамен», допускались к наследованию – становились осеменителями.

Оценивались три вида аллюра, поведение жеребца в тележной и тяжёлой упряжке, а также под наездником, в тоже время оценивалось его поведение перед автомобилем и тяжёлым поездом – эксперты распределялись по фиксированным точкам вдоль трасс, где оценивалось состояние жеребца во время непрерывной езды – 200 км за три дня со средней скоростью 11 км/ч.

Только тогда животных отправляли на конный завод в качестве племенных.

Племенных же кобыл испытывали в возрасте 2-х с половиной лет.

Кобыл по работоспособности оценивали по качеству движений под седлом, в пароконной повозке с грузом 30 центнеров на расстоянии 45 км или 30-40 центнеров на 35-40 км.

С 1936 года испытания усложнили. В один день кобыла должна была выполнить следующие работы:

А – вспахать пароконным плугом 2,2 моргана (0,6 га) за 4 часа;

В – перевезти груз 25 центнеров на 25 км со скоростью: начальные 21 км произвольным шагом и рысью со скоростью 6 минут на 1 км; последние 4 км шагом за 11 минут на 1 км;

С – пройти под всадником произвольным аллюром 2 км за 50 минут 30 секунд.

Между испытаниями А и В делался перерыв 2 часа, между В и С – 30 минут. К испытаниям допускались кобылы не моложе 6 лет, обязательно жеребье и занесённые в племенную книгу.

Тех, кого не включали в разведение, направляли на работы в сельском хозяйстве или шли в охотничьи конюшни, где их обучали верховой езде, а затем предлагали для продажи армии.

Цвион являлся частью конезавода в Георгенбурге.

В 1929 году Цвион присоединили к сельской общине Ляйпенингкен, годом ранее переименованной в Георгенталь.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 027284
Groß Trakehnen, Kreis Ebenrode, MT14100-2. Vierspänniger Arbeitswagen im Hauptgestüt. (1938), ©

короткими конечностями. При этом должен сохраниться тип благородной лошади тракененского происхождения. Темперамент лошади должен быть «спокойный и трудолюбивый», движения свободные, конституция крепкая и здоровая.

Для достижения этой модели в первую очередь пришлось изменить работу Тракененского завода, в котором резко сократили использование чистокровных жеребцов, прекратили работу с линией верхового типа, были поставлены более массивные восточно-пруссские жеребцы, ставшие основателями новых линий.

Для восточно-пруссских кобыл были введены испытания по рабочим качествам.

В сельском коневодстве получили распространение линии, идущие не от тракененских жеребцов.

Линии восточно-пруссского сельского коневодства в большей степени специализировались на производстве рабочих лошадей. Тракененский завод также начал работать в этом направлении.

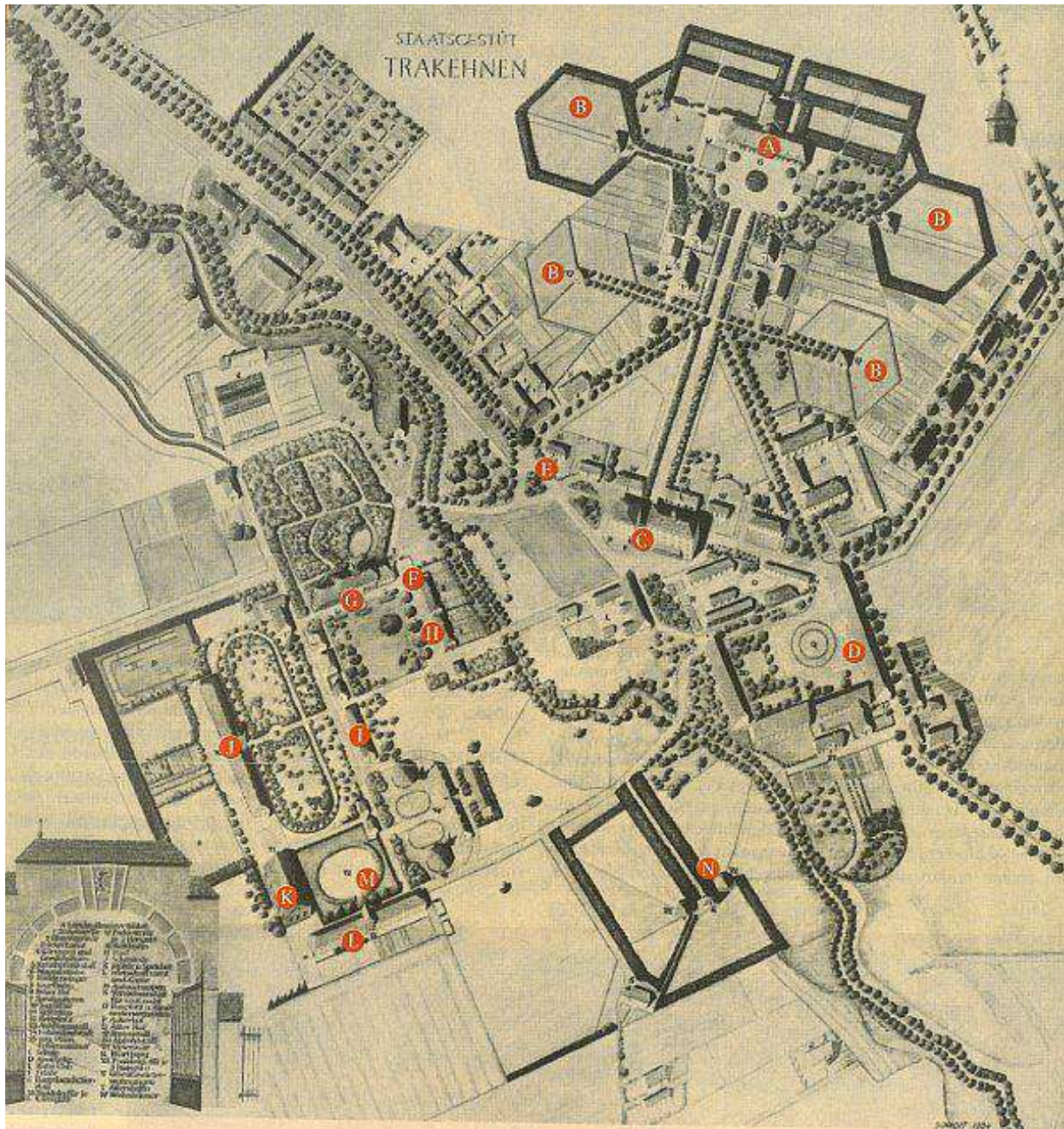

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 027266
Groß Trakehnen, Kreis Ebenrode, MT14100-2. Durchfahrt beim Getreidespeicher. (1938), ©

К 200-летию Тракенен подошёл в полном расцвете. К этому времени были преодолены последствия послевоенного кризиса.

В связи с изменившимися требованиями к типам лошадей, потребителям которых с 1919 года становится сельское хозяйство, это должны быть средних размеров с промерами: высота в холке – 156-162 см, обхват груди – 180-200 см, пясть – не менее 20 см. Косая длина должна превышать высоту в холке на 3-5%, т.е. корпус должен быть прямоугольным, глубоким и широким, с относительно

Übersicht Hauptvorwerk Trakehnen:

A = Hauptbeschäler-Stall
 B = Hengst-Paddock
 C = Speicher und Mühle
 D = Alter Hof (Fuchs-Stutenherde)
 E = Post
 F = Trakehner Tor
 G = Schloß (Sitz des Landstallmeisters)

H = Sekretariat
 I = Reitburschenhaus
 J = Jagdstall
 K = Reithalle
 L = Auktionsstall
 M = Reitplatz
 N = Wartburg (Sieben-Hengst-Paddocks)

Тракенен был крупнейшим заводом общей площадью более 6000 га, из которых 2427 га занимали луга и пастбища, 3850 га – пашня, 175 га – леса, 425 га – усадьбы.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 013369
Groß Trakehnen, Kreis Ebenrode, MT14100-2. Der "Neue Hof" des Hauptgestüts 1931. (1931). ©

В заводе имелось 350 кобыл, поделённых на 4 табуна по мастям: рыжий, гнедой, вороной и смешанный. Каждый табун имел преимущественно кровь определённых родоначальников.

К 1931 году лошади Тракененского конного завода полностью отвечали

всем потребностям времени, но новый директор завода Эрнст Элерт не собирался останавливаться на достигнутом.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 013352
Groß Trakehnen, Kreis Ebenrode, MT14100-2
Landstallmeister Dr. Ernst Ehler 1931 bis 1944. (1940-1944). ©

Большое внимание Элерт уделял типу, считая, что «у

тракенов внутренняя гармония должна быть следствием их внешнего облика» – плодовитость, неприхотливость, выносливость. Тракены испытывались под седлом и в упряжи, велась селекция на послушание и добронравие.

Широко использовались Пифагораз,

Хиртензанг, Термит, Пильгер, Креон, Тореро — эти жеребцы оставили в породе яркий след. Кроме полукровных и чистокровных жеребцов доктор Элерт широко использует арабских жеребцов Фетиша, Ловеласа и Гаруна аль Рашида.

Из-за демилитаризации Германии и механизации сельского хозяйства приоритеты в разведении лошадей тракененской породы были существенно смещены. Рынок нуждался в крупных, благородных и нарядных лошадях для стремительно набирающего популярность конного спорта и местной аристократии. В те времена тракененская порода входила в число лучших спортивных пород мира. В производящий состав для последующего использования в племенной работе приобретались чистокровные жеребцы, неоднократные победители престижных скачек. Большая часть в успехах селекционной работы приходилась на долю частных коневодческих предприятий.

„Partisan“, geb. Trak. 1931 v. Farsival u. d. Partilur v. Pomp XX unter dem
Leiter der Trainer-Anstalt Dr. Uppenborn, Trakehnen.
(Phot. A. Schmidt, Insterburg.)

Восточно-прусские конезаводчики производили лошадей больше, чем требовалось для нужд провинции. Ежегодно более 30 000 лошадей из Восточной Пруссии продавалось почти во все концы света. У верховых армейских лошадей всегда ценились резвость и выносливость, способность к выезде и преодолению препятствий, от которых зависели успех боя и жизнь всадника. Созданием таких лошадей занимались специалисты Тракененского завода со времени графа Линденау в течение 140 лет.

Приобретение и использование в племенном деле английских чистокровных жеребцов-победителей в скачках и стипль-чезах, с выдающимися предками в родословных, испытания и отбор по спортивным качествам племенного материала привели к созданию, по признанию специалистов, лучших в мире армейской лошади.

С приобретением тракененских лошадей в личное пользование, в первую очередь офицерским составом, проявился интерес к проведению спортивных состязаний. В 1833 году в Кёнигсберге образуется «Общество любителей турниров и скачек». Такие же общества создаются в 1939 году в Инстербурге, в 1897-99 году в Остероде, Растенбурге и Ликке. Эти общества стали проводить состязания любителей, как в гладких скачках, так и в преодолении препятствий.

До начала Второй Мировой войны лошади тракененской породы неоднократно становились призерами и победителями Олимпийских игр.

В 1912 году конный спорт был включён в программу Олимпийских игр. В Копенгагене в тот год мерин Пекколини взял золото в выезде – командное первенство выиграли спортсмены Швеции на восточно-прусских лошадях. Этот факт усилил интерес в Восточной Пруссии к спортивным соревнованиям.

В 1913 году проводился первый большой турнир на ипподроме в Инстербуге, включавший выездку, скачки с препятствиями и заезды в экипажах. В Тракенене с 1911 года стал проводиться стипль-чез «Фон дер Гольц Кверфельд» на 6200 метров (с 1938 года – 6900 метров) с 33 препятствиями. Он вошёл составной частью в «Большое многоборье», включавшее ещё выездку и конкур. С 1919 года в Инстербуге стал проводиться «Большой приз Восточной Пруссии» по конкурсу на дистанции

1640 метров с 20-ю препятствиями и 29 прыжками. В Инстербуге и в Тракенене проходила подготовка немецкой команды к Олимпийским играм 1928 года в Амстердаме и 1940 года в Хельсинки.

Успех к немецким всадникам на Олимпийских играх пришёл не сразу.

В 1920 году на Олимпиаде в Антверпене тракененский Сабель под шведским всадником занял 2-е место в «Большом призе» по выездке. На Олимпиаде 1924 года в Париже выступали 7 восточно-пруссских лошадей под иностранными всадниками. «Большой приз» выиграл шведский генерал на рыжем тракененском Пикколомини из линии Обелиска, Сабель стал 4-м, мерин Балтэ под голландским всадником в троеборье также стал олимпийским чемпионом. В Олимпиаде 1928 года принимали участие 10 восточно-пруссских лошадей иностранных всадников – тракененский Гюнстлинг и Илья привезли своим владельцам по бронзовой медали в выездке и многоборье.

Восточно-пруссские лошади в предвоенные годы показывали высокие результаты на чемпионатах Германии, Победителями Германского «Прыжкового Дерби» были: тракененские рыжий Моргенгланц в 1930 году, гнедой Бахарахт в 1932 году, серые Нанук, Посидонус, Какаду успешно выступали на крупнейших соревнованиях.

Тракененская и инстербургская стипль-чезные трассы были хорошей базой для подготовки лошадей международного класса. С 1923 по 1936 годы восточно-пруссские лошади 9 раз побеждали в труднейшем Пардубицком стипль-чезе, имеющем 30 препятствий на дистанции 6900 метров. В частности, жеребец Витязь 5 раз занимал призовые места в Пардубице. В 1935 году победителем в «Призе наций» в Нью-Йорке стал восточно-пруссский серый Дедо, обеспечивший с другими участниками победу немецкой команде.

Триумфальным для Тракенена и всей Восточной Пруссии стал 1936 год. На XI Олимпиаде в Берлине первое и второе места в «Большом призе» по выездке завоевали восточно-пруссские лошади Кронос и Абзинтх, а вместе с чистокровным Гимпелем немецкие офицеры получили золотую медаль в командном зачёте в троеборье – этот год стал поистине триумфальным для тракененцев. Для проведения Олимпийского пятиборья было отобрано 43 лошади из кавалерийских частей,

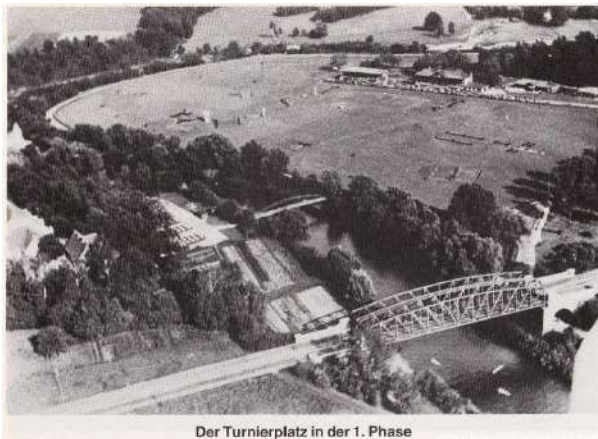
из которых 39 лошадей были восточно-пруссскими. Кросс 5000 метров с 22 препятствиями 26 лошадей из них закончили чисто. Тракененские и восточно-пруссские лошади начали успешно осваивать новую перспективную нишу — конный спорт.

Фрагменты работы Борислава Камзолова «История Тракененской лошади».

«Победивший в Инстербурге может победить везде», – рассуждал легендарный Оскар Ленгвик, неоднократный чемпион европейского «Большого турнира» в Инстербурге.

Последний конный турнир в августе 1939 года – юбилейный, отметил 100-летнюю дату с момента их проведения.

Der Turnierplatz in der 1. Phase

Последний Национальный приз был выигран сборной командой 1-го Инстербургского кавалерийского полка и конной артиллерии... у команды Советского Союза. На протяжении 6.900 метров нужно было сделать 30 мощных прыжков. Наши «срубились» на 25-м прыжке. Но знатоки конного спорта (свидетельствует тогдашняя пресса) высоко оценили мастерство советских наездников в преодолении водных преград. Кто же знал, что через шесть лет эти

же водные преграды будут братья совершенно иначе...

28 августа – 4 сентября 1938 года в Инстербурге и Гросс-Тракенене была проведена самая крупная Международная «Инстербургская турнирная неделя». На участие в турнире было подано около тысячи заявок. Больше всего спортсменов заявили команды Германии, Финляндии, Румынии и Польши.

Состязания 1938 года были последней репетицией для немецкой сборной перед Олимпийскими играми в Хельсинки 1940 года, которые впоследствии не состоялись. В программу соревнований вошли: от военных состязаний, скачек по пересеченной местности в Тракенене и скачек с препятствиями до показательных номеров.

Конезавод Георгенбург в рамках турнирной недели устраивал здесь настоящие шоу с конными кадрилиями, представлениями конных упряжек и демонстрациями с участием трехлеток с испытательной станции жеребцов в Цвионе. В свою очередь, размещавшийся в Инстербурге 1-й кавалерийский полк во время турниров демонстрировал кавалерийскую выучку своих эскадронов, которая была выше всех похвал.

В день открытия, в воскресенье 28 августа, было исключительно тепло. На стоянке и на площадке для поло было около 800 автомобилей. Городские троллейбусы доставляли все новые толпы зрителей к кассам. При входе их встречала бронзовая фигура лошади по имени Констанция работы Кубарта. Близлежащие рестораны работали на полную мощность. Рекою лилось знаменитое инстербургское пиво. У касс тотализаторов задолго до старта работа кипела вовсю. Тысячи зрителей, среди которых были знатоки и любители конного спорта, с нетерпением ждали начала состязаний на турнирном поле, которое талантливо построил отставной полковник Эрих Вельки. Он же был организатором и душой Инстербургского турнира.

Главным действующим лицом «Инстербургской недели» стала, конечно же, лошадь тракененской породы. Вот как описывается эта порода в одном из довоенных изданий: «Благодаря красоте и гармоничности всего сложения корпуса тракененские лошади особенно ценятся женщинами-наездницами. Кроме красивого экстерьера, эта лошадь

отличается легкими и благородными движениями. Благодаря прекрасному и благородному виду, благодаря выразительной голове, жгучим глазам, гордой постановке шеи и лоснящейся коже тракененская лошадь получила репутацию самой красивой парадной лошади мира».

Турнир начался только после прибытия командующего военным округом и гауляйтера Восточной Пруссии. Распорядитель турнира, типичный прусский аристократ в цилиндре, подал сигнал, после чего с судейской башни раздался звук трубы.

Первым выехал всадник на белой лошади, отбивая дробь на барабанах. За ним появилась группа всадников-трубачей. Так началась «Инстербургская неделя».

В этом турнире победила команда Польши. «Большой приз Восточной Пруссии» получил капитан Ломбардо ди Кулия (Италия) на Урбинате. Призерами также стали подполковник Брикман (Германия) на Бароне IV и капитан Теме (Германия) на Нордланде. «Большой приз принцессы Фридерике» взял комендант подполковник Дреус (Восточная Пруссия) на Зигмунде.

Послевоенная судьба ипподрома печальна. Сначала на территории ипподрома стояли танки, а в помещениях трибун разместилась пекарня. Все сооружения и препятствия со временем пришли в негодность и окончательно были разрушены несанкционированными действиями одной из воинских частей Черняховского гарнизона, расположившей на месте ипподрома склады ГСМ и химзащиты. От былой славы осталось только название улицы «Ипподромная».

Статья Геннадия Разумного, опубликованная в альманахе «Берег Анграпы» 2'2006.

Однако безоблачное существование Тракенена было прервано поражением Германии во Второй мировой войне. Советские войска наступали, но эвакуация главного конного завода могла стать причиной паники населения, и партийные начальники как могли оттягивали этот момент. Директор Тракененского завода Эрнст Элерт с июля 1944 года писал прошения о вывозе лошадей, но получал резкие отказы.

В августе бомбы падали уже рядом с заводом, а разрешения на эвакуацию все не было. Лишь в сентябре поступило распоряжение вывезти нескольких наиболее ценных производителей. Элерту удалось убедить английского офицера выдать пропуск на вывоз из оккупационной зоны, куда вот-вот должны были войти русские, жеребцов-производителей и «отдельных лучших кобыл».

С 1 по 15 сентября доктор Элерт отгружает в Градитц 12 тракененских жеребцов, 129 маток, в Нойштадт/Доссе ещё 10 кобыл, в Цвион 8 производителей, а также 34 жеребят, в Хюннесрюк (Шверин) 58 жеребят, на конезавод «Лабес» (Памерания) – 60 жеребят и 79 кобылок. На этом отгрузка по железной дороге была прекращена. Всего было отгружено 390 голов. В заводе оставалось ещё 423 племенные и более 300 голов рабочих лошадей.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 072251
Groß Trakehnen, Kreis Ebersvode, MT14100-2
Dr. Ernst Ehlerdt der letzte Landstallmeister, kurz vor der Flucht 1944. (1944), ©

Через Тракенен шли многочисленные беженцы с большими стадами скота. Ежедневно на пастбищах завода паслись до 5000 голов скота и более 700 оставшихся лошадей, что было чрезмерной нагрузкой, и животные быстро теряли упитанность.

17 октября в 5 утра поступил приказ о срочной эвакуации всех лошадей из Тракенена в Георгенбург. Все лошади были поделены на 10 табунов, который каждый сопровождали 3 человека возрастом старше 65 лет или ученики школы жокеев моложе 16-ти лет, взрослое население было мобилизовано в «фольксштурм». Двигаясь на короткой рыси без остановок, не растягиваясь, по полевым дорогам, так как основные дороги были уже не проходимы, лошади около полудня покинули Тракенен и около 18 часов 30 минут прибыли в Георгенбург. Особенно трудно было обойти Гумбиннен, который весь горел и был разрушен. В пути была потеряна только одна молодая кобылка вследствие тяжёлого ранения, все остальные лошади благополучно прибыли в пункт назначения, не имея даже хромоты. В Тракенене остались лошади, которые не могли выдержать этот переход: 22 кобылы с новорожденными жеребцами, одна кобыла 1943 года рождения и 12 кобылок 1944 года – всего 57 голов.

Приказ об эвакуации населения поступил только 20 октября. Всё имущество завода и архив было погружено на подводы и также обходными дорогами отправлено в Георгенбург вместе с 3400 беженцами – жителями завода. По прибытию на место руководство завода разместилось в Георгенбурге, а лошадей поставили в Цвионе.

20 по 31 октября производилась отгрузка племенных лошадей по железной дороге. Обоз с имуществом Тракененского завода двинулась на Запад через Пр. Эйлау. В связи с дальнейшим наступлением советских войск, основным пунктом эвакуации Тракененского завода был определён Перлин (около Макленбурга). Туда же в конце ноября 1944 года прибыло имущество, а в начале декабря и руководство завода. В конце июня 1945 года стало известно о возможности оккупации Перина русскими войсками, и доктор Элерт принял решение продвигаться дальше на запад, но английское командование не дало разрешение на вывод всех лошадей. Английский генерал Болтон выдал пропуск на 2-х производителей и 28 кобыл с 6-ю подсосными жеребятами.

30 июня 1945 года эти лошади своим ходом через Ратцебург были переведены в Шлезвиг-Гольштинию и переданы на попечение организованного в Виммеркампе (Гамбург) Общества восточно-пруссских лошадей, преобразованного в 1947 году Тракененский союз (Союз заводчиков полукровной лошади тракененского происхождения), они же стояли у истоков возрождения тракененской породы в Германии.

С 1 июля 1945 года в Перлин вступили русские войска. С 12 июля доктор Элерт был отстранён от управления заводом и руководство было перешло к русскому старшему лейтенанту. Кормлением и содержанием лошадей занимался офицер ветеринар. Они ввели ночную пастьбу лошадей, но по рекомендации доктора Элерта отказались от неё, так как в Германии в этом не было необходимости.

31 августа 1945 года часть ремонтных лошадей и 278 лошадей Тракененского завода были погружены в вагоны и отправлены в СССР. Вместе с лошадьми был отгружен и архив Тракененского завода, а также портреты 50-ти знаменитых жеребцов и кобыл известных мастеров.

Последний ланд-шталмейстер Тракененского завода доктор Элерт покинул Перлин 19 ноября 1945 года и перебрался в Хюннесрюк, где возглавил новый завод. Умер он 2 сентября 1957 года в возрасте 82 лет.

Сохранились списки кобыл на немецком языке, отправленных из Тракенена в Градитц в количестве 114 голов 1 сентября 1944 года. Из них только 2 кобылы попали в Советский Союз, одна – в ФРГ, остальные не встречаются в послевоенное время ни в одной из стран, получивших тракененских лошадей. При неоднократных перевозках и перемещениях из 14 тракененских жеребцов остались живы 4, из 378 маток конного завода Тракенен эвакуацию пережили только 154.

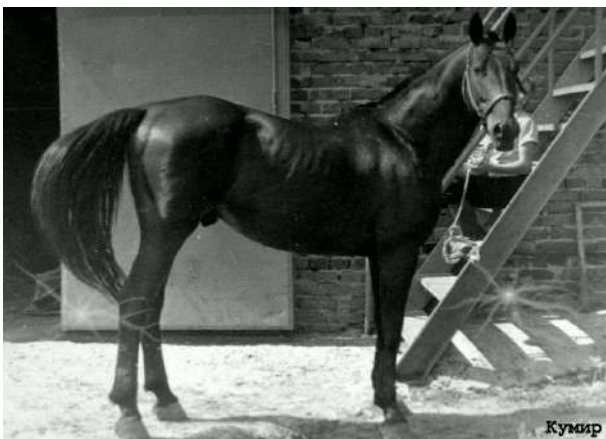
На первой послевоенной Олимпиаде 1948 года в Лондоне шведский всадник на тракененском Триумфе занял 3-е место по выездке. На следующей Олимпиаде 1952 года в Хельсинки команда ФРГ заняла 3-е место с конём Адуляр и кобылой Африка. Через 4 года на Олимпиаде в Стокгольме команда ФРГ по выездке улучшила результаты, выйдя на 2-е место, на тракененском коне Иллюстере шведский всадник стал победителем в троеборье.

Восточно-прусская лошадь Витязь с утерянным происхождением, попавший в Чехословакию, в 1946, 1949, 1950 и 1954 годах занимал 2-е и 3-е места, а в 1952 году был победителем в Большом Пардубицком стипль-чезе.

С выбытием лошадей – выходцев из Восточной Пруссии, тракены стали уступать другим породам. На это имелось несколько причин. После войны в ФРГ попало свыше 80 голов жеребцов из восточно-пруссских заводских конюшен, из них 55 рождённых в Тракенене, и около 5000 восточно-пруссских кобыл, принадлежавших частным владельцам. Кобыл Тракененского завода, имевших наследственные качества верховых спортивных лошадей, попало только 28. Из этого поголовья только 600 кобыл, в том числе 25 тракененских, и 15 оригинальных тракененских жеребцов использовались в дальнейшем в разведении. По сравнению с поголовьем племенных лошадей Восточной Пруссии возможности отбора и подбора сократились в 100 раз. Лошади вместе с их владельцами первые годы находились на положении беженцев, переносили трудности кормления и размещения, не использовались в разведении и ожидали возвращения на родину.

Большая часть кобыл принадлежала бывшим крестьянам и относилась к сельскохозяйственному типу. С целью сохранить породу была «закрыта» племенная книга, и велось чистопородное разведение, в то время как тракененские лошади отставали по росту от других немецких пород в результате калибровки в предвоенные годы. Не было возможности иметь ценных чистокровных жеребцов, а основные жеребцы Тракененского завода почти все пропали во время войны. Потребовались многие годы для восстановления былой славы тракенов.

В 1945 году тракены попали в СССР, на конный завод имени Кирова, расположенный в Ростовской области. Это были лучшие представители породы. Лошади, которые родились в эти годы, брали самые высокие места на скачках в начале 60-х годов.

Впрочем, на новой родине тракененским лошадям пришлось несладко. Из-за нетипичных условий содержания, незнания генофонда и болезней, часть поголовья погибла.

Для того, чтобы «освежить кровь» из Польши были импортированы жеребцы упряжного типа, чистота породы которых оставляла желать лучшего. Это привело к ухудшению рабочих качеств тракененских лошадей. В начале 70-х годов XX века разведением тракененской породы стали заниматься новые племенные хозяйства и конные заводы. Это привело к восстановлению поголовья и возвращению жеребцов в селекцию. В 1974 году был выпущен первый том Государственной племенной книги тракененской породы. В международной практике было закреплено понятие «русский тракен». Возобновились и высокие спортивные достижения тракененских лошадей.

Фрагменты работы Борислава Камзолова «История Тракененской лошади».

В Советском Союзе тракененские лошади прочно занимали лидирующие позиции в спорте. Знаменитый Пепел Елены Петушковой был известен даже людям, далеким от лошадей. А Ковер, Эспандор, Топкий! Да и за границей тракены с честью носят свое традиционное тавро «двойной рог лося». В активе породы, начало которой было положено в Восточной Пруссии 270 лет назад, – олимпийские медали и всевозможные чемпионские звания. И сейчас тракененская порода одна из самых популярных у наших спортсменов.

Если учесть, что большинство современных спортивных пород приобрели свои верховые качества за последние полвека, а до этого предназначались в основном в упряжь, то окажется, что тракененская порода – старейшая среди полукровных верховых.

История ее создания начинается в 1732 году, когда прусский король Фридрих Вильгельм I основал в болотистой пойме Писсы конный завод. Основу завода составили лошади из королевских конюшен, преимущественно восточного происхождения, – в те времена было принято дарить королям именно восточных скакунов.

В течение XVIII века в Тракенене использовались в основном восточные и английские полукровные жеребцы, а также испанские, датские и другие. С середины XIX века на первое место выходят английские чистокровные производители, окончательно вытеснив восточных жеребцов. До 20-х годов XX века влияние английской крови постоянно росло, в 1913 году под чистокровных производителей подбиралось уже 80% маток.

Двести лет направленной селекции не прошли даром: перед Второй Мировой войной Восточная Пруссия (тогда уже ставшая частью Германии) обладала лучшей полукровной верховой породой в Европе. Однако разгром фашистской Германии имел для тракененской породы роковые последствия. Из 378 маток конного завода Тракенен эвакуацию пережили только 154, из четырнадцати жеребцов остались четверо. Сам завод перестал существовать, а поголовье восточно-пруссских и тракененских лошадей, переживших войну, оказалось в разных странах...

В послевоенной Германии никто не верил в возрождение породы. Последнему ланд-шталмейстеру Тракененского завода Элерту удалось в конце войны переправить на Запад лишь двадцать восемь кобыл. Двадцать две из них впоследствии использовались в разведении, но почти все остальное уцелевшее маточное поголовье относилось к восточно-пруссской породе.

Однако уже в 1947 году в ФРГ был создан Союз коневодов и любителей полукровной лошади тракененского происхождения (Тракененский Союз). Теперь тракененскими стали считаться все восточно-пруссские лошади. Правда, к происхождению тракенов стали предъявлять весьма жесткие требования: чистопородными считались только лошади, чьи родословные полностью восходили к жеребцам и кобылам, выведенным из Восточной Пруссии.

К 1967 году в ФРГ насчитывалось 1163 матки и 113 жеребцов. Большое значение для восстановления породы имели жеребцы – сыновья довоенных производителей Тракенена: Тотилас от Пифагораза, Комет от Креона, Абглянц и Тропенвальд от Термита – они стали основными продолжателями линий. Западной Германии удалось первой закрепить за собой права на довоенное тавро восточно-пруссских лошадей тракененского происхождения – «двойной рог лося», и с тех пор она стала законодательницей мод в тракененской породе.

Однако возрождение тракененского коневодства шло весьма непросто.

Неразбериха первых послевоенных лет, разобщенность владельцев лошадей и множество других проблем привели к тому, что многие частные тракененские жеребцы так и не оставили потомства. Нехватку тракененских производителей приходилось компенсировать чистокровными верховыми жеребцами, а это могло привести к потере типа породы.

В результате Тракененский Союз наложил весьма жесткое ограничение на английскую кровь. К сожалению, этот запрет совпал по времени с широким использованием в голштинской породе Леди Киллера, а в ганноверской – Марлона, чистокровных жеребцов, выдвинувших эти породы на первое место по результатам в спорте. С большим трудом удалось преодолеть это ограничение и привлечь в тракененскую породу англо-арабского Бурнуса, выступавшего в троеборье, – впоследствии он стал основателем линии, давшей много лошадей для спорта.

В наше время порода ведется в чистоте, исключение сделано только для чистокровной верховой и арабской пород. Прилитие английской и арабской крови не ограничивается, главное условие – сохранение характерного типа. Надо сказать, тракененская порода оказалась благодатной почвой для прилития арабской крови. Наиболее распространенная сегодня в Германии линия восходит к арабскому чистокровному Фетишу. Правда, поначалу арабской крови Тракененский Союз сопротивлялся еще больше, чем английской – сын Фетиша Фамулюс «пробился» в породу только при поддержке известного ипполога доктора Шилке.

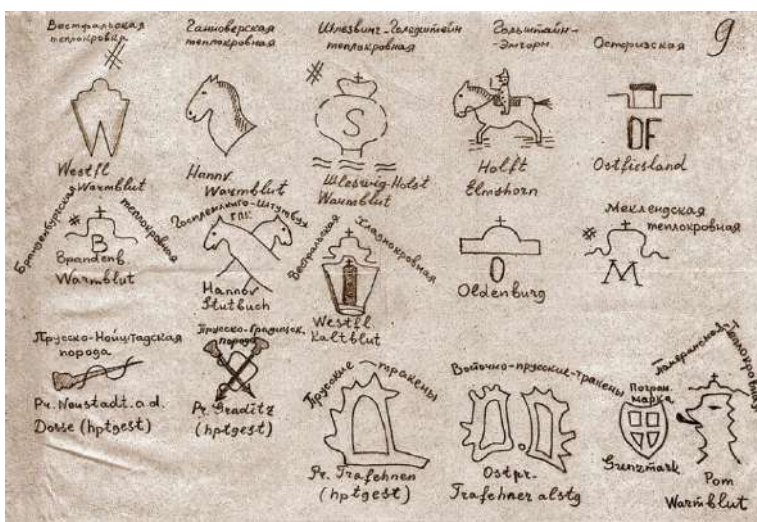

Сегодня тракененская порода распространилась практически по всему миру. Тракененский Союз Германии насчитывает почти 5500 членов, во владении которых находятся 5000 кобыл. Значительным тракененским поголовьем обладают Дания, Швейцария, Англия, Нидерланды. Тракененские ассоциации существуют даже в далеких от Европы Новой Зеландии и США, последняя – одна из крупнейших в мире.

По-разному складывалась судьба тракенов в Западной и Восточной Германии.

В ГДР, по данным первого послевоенного исследования, проведенного в 1953 году, насчитывалось 919 кобыл и около пятидесяти жеребцов тракененского происхождения. Однако большая часть этих лошадей не оставила следа в тракененском коневодстве – они использовались в других полукровных породах. В чистопородном разведении в ГДР придерживались своих правил. Так, с 1977 года кобылы записывались в ГПК только после испытаний работоспособности. Жеребцы, предварительно отобранные в саморемонт, не только проходили полевые испытания, но и заезжались в упряжь. Система отбора по спортивным качествам и добронравности позволила тракенам из Восточной Германии заявить о себе в большом спорте. Правда, они не были так красивы, как тракены из ФРГ, отличались капитальностью форм и были более костистыми.

Первое время после войны в Восточной Германии тоже таврили лошадей «двойным рогом лося», но потом западные немцы предъявили свои права, и в ГДР пришлось придумать для своих тракенов новое тавро – «стрела, обвитая змеей». К моменту объединения Германии в 1990 году в ГДР насчитывалось десять государственных конных заводов, занимавшихся разведением тракененской породы. Восточные

немцы были бы очень рады увидеть на своих тракенах тавро «двойной рог лося».

Однако оказалось, что такие конкуренты не устраивают Тракененский Союз: вскоре почти все заводы были расформированы, а производящий состав разошелся по частным владельцам. Что и говорить, для людей, посвятивших породе всю свою жизнь, это стало трагедией. В настоящее время жеребцы селекции ГДР практически не используются. В небольшом количестве их прямые потомки через Фальстаффа и Аларма сохранились в России и странах СНГ.

это А. Дорофеев

Однако вернемся в 1945 год и проследим путь тракненских лошадей на восток.

В конце войны Советский Союз сумел вывезти из Восточной Пруссии уникальный трофей – конный завод Тракенен. Почти все табуны, эвакуированные из завода в разное время и разными дорогами, в конечном итоге попали в зону оккупации Советской Армии и были переправлены в конный завод им. Кирова. Так наша страна получила «концентрат» тракненской крови, с материнской стороны уходящий к старо-тракненским семействам, основанным еще в XVIII веке.

В секретных отчетах сотрудников НКВД порода проходила под кодовым названием «английская высококровная» – надо сказать, в принципе это соответствовало действительности. На лошадей составили опись, навесили на них бирки с кличками, погрузили в товарные вагоны и переправили в Сальскую степь.

Лошади, ослабленные тяжелыми условиями эвакуации, длительными перегонами и долгой железнодорожной перевозкой, пришли в конный завод им. Кирова в истощенном состоянии. Многие погибли от болезней и не перенесли на редкость морозной зимы 1945 года. Серьезным испытанием для лошадей, привыкших к конюшенному содержанию, стали табунные условия и сушеный бурьян вместо сена сеянных трав. Однако люди делали все возможное, чтобы сберечь лошадей.

Существует версия, что первоначально была идея создать новую породу – кировскую, «смешав» тракенов и других трофейных лошадей. Впрочем, от этой модной тогда идеи отказались и продолжали разводить тракненских лошадей в чистоте. Их брали в кавалерию, погранвойска, спортивные общества страны Советов. Породу курировали

Институт коневодства и лично профессор В. О. Витт. Судьба тракенов находилась под пристальным вниманием С. М. Буденного.

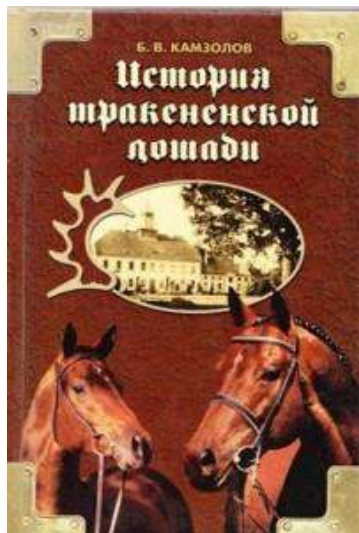
Существование породы было поставлено под угрозу после расформирования кавалерии в 1953 году. При Хрущеве под нож шли целые конные заводы. Беда не обошла стороной и конный завод им. Кирова. В 1949 году в заводе насчитывалось 378 племенных маток, а к 1958 году их число сократилось до 87 голов, из них тракненских было около 70. Так были потеряны очень ценные матки, дочери кобыл, выведенных из Тракенена.

В то же время интерес к конному спорту рос, а наши спортсмены и тренеры, участвовавшие в Олимпиаде 1952 года, оценили спортивный потенциал западноевропейских полукровных пород. Племенное поголовье было решено увеличить. Однако в работе с породой допускались серьезные просчеты. Недостаточно бережным было отношение к племенному материалу, выведенному из Тракененского завода. К примеру, четырнадцать лучших тракененских кобыл

были отправлены в Польшу в качестве возмещения ущерба, нанесенного во время войны, – тогда в СССР были вывезены многие польские арабы.

Одновременно начался ввоз тракененских производителей из Польши. В отличие от «кировских» лошадей, они происходили от восточно-прусских кобыл и относились скорее к упряжному типу породы. Многие из них были нечистопородными – имели в родословной познаньскую, великопольскую, мазурскую, ганноверскую кровь. Тем не менее польскими тракенами были укомплектованы Старожиловский, Починковский и Нямунский конные заводы. В дальнейшем селекционеры этих хозяйств приложили немало усилий, чтобы снизить влияние «польских» кровей.

Борислав Викторович Камзолов, начкон (главный селекционер) Старожиловского конного завода, в конце 60-х годов фактически спас для породы несколько тракененских линий. Он вернул из спорта и поставил в производящий состав жеребцов, напрямую происходивших от лошадей Тракенена: Этюда от Эйнгарда, Тока от Термита, Глухаря от Гвидо, Помпея от Пилигрима. Позже, работая уже в конном заводе им. Доватора, он сумел собрать производителей, дававших классных спортивных лошадей: Эпиграфа, арабского Профиля, Галопа, Века.

На основании своего опыта и архивных документов Б. В. Камзолов написал монографию «История тракененской лошади». Б. В. Камзолов принимает активное участие в работе Ассоциации тракененского коннозаводства России.

Фрагмент статьи Анны Дорофеевой и Натальи Горской «Самые русские немцы» с сайта журнала «Конный мир» <https://horseworld.ru>

Подробный рассказ о тракенах – восточно-прусская лошадь тракененской селекции – приглашает познакомиться с легендарной породой, рождённой в Пруссии, и посёлком Ясная Поляна, с сохранившимися постройками знаменитого конезавода – старейшего в мире по выведению типа среди полукровных верховых коней. В бывшем здании главного управления первого в мире конезавода, создавшего

собственный вид лошадей, в настоящее время располагается Замковая средняя школа посёлка Ясная Поляна и музей Тракененского завода восточно-прусская породы верховых лошадей.

Проект «История. Люди. Память» создал репортаж о бывшем тракененском конезаводе в посёлке Ясная Поляна Нестеровского района «Тракены из Тракенена» <https://www.youtube.com/watch?v=ESWakXcdhow>

А наш путь по Нестеровскому району далее ведёт к Роминте через **посёлок Ильинское, бывший Кассубен.**

Посёлок Ильинское примечателен памятным местом ранения Степана Кузьмича Нестерова – в посёлке установлен знак, к которому мы специально подойдём, а также на здании почты, бывшего пасторского дома, – памятная доска об этом событии, случившегося в октябре 1944 года в момент форсирования реки Писса.

Одной из тяжелых преград на пути советских войск была река Писса, небольшая, но с очень неудобными для прохода танков берегами. Когда наши танки подошли к реке вплотную, противник встретил их сильным артиллерийским огнем. Гвардии полковник Нестеров, выбрав наиболее уязвимое место во вражеской обороне, приказал танковым десантам форсировать Писсу. Противник меньше всего ожидал удара со стороны заболоченного участка реки. У местечка Кассубен реку удалось форсировать.

В разгар боя 20 октября 1944 года гвардии полковник Степан Кузьмич Нестеров западнее местечка Кассубен получил ранение от немецкой пули. Однако операция, начатая С.К. Нестеровым, была завершена. Развивая наступление танкисты 25-й танковой бригады 2-го гвардейского Краснознамённого Тацинского танкового корпуса, поддерживаемые мотострелковой бригадой, вышли к городу Шталлупёнен (город Нестеров), перед которым неделю бились, не в силах преодолеть линию дотов.

Затем немцы подтянули резервы, ударили и окружили советские войска под Гумбинненом. 2-му гвардейскому танковому корпусу пришлось пробивать кольцо окружения и выводить из него пять стрелковых дивизий.

Отступив, советские войска перешли к обороне и в завершении не совсем удачной наступательной операции, неожиданно для себя, овладели Шталлупёненом – по городу и

его окрестностям неделю била советская тяжёлая артиллерия, разрушив и большую его часть, и вражеские доты. Наконец, 25 октября немецкие войска оставили город и укрепились на высотах в двух-трёх километрах к северо-востоку, где держались до января 1945 года. Подчиненные Степана Нестерова взяли город Шталлупёнен и фашистская дивизия «Герман Геринг» была разбита. Плацдарм для генерального наступления Красной Армии на Восточную Пруссию был завоёван.

Наверное, самым чудесным и сильным по своей энергетике в посёлке Ильинское окажется парк, оборудованный фонарями, скамейками, и сохранившимся захоронением погибших в августе 1914 года в ходе Первой мировой войны. Парк и памятное место начала XX века найти не сложно – по дороге в посёлке автобусная остановка, которая и послужит ориентиром. С 1985 года в посёлке образован, вернее обозначен некогда усадебный, дендрологический парк

«Ильинское» площадью 12 га, к нему от шоссе ведёт дубовая аллея, в нём произрастают редкие породы деревьев, а по периметру парка протекает ручей, на территории которого имеются два пруда.

Парк является образчиком пейзажной планировки регулярного стиля. Главная аллея великолепных дубов ведёт к воинскому захоронению, где покоятся 66 русских и 77 немецких солдат Первой мировой войны.

Оценить образец планировки господского парка поможет ещё одна чудесно сохранившаяся грабовая аллея.

В парке на открытом месте, освещаемом лучами солнца, по канонам планировки регулярных парков, как основная достопримечательность, растёт американская чёрная сосна.

Основанием для признания парка «Ильинское» памятником природы в 1985 году послужило ценное разнообразие древесных пород и экзотов – это дуб черешчатый пирамидальной формы, дуб красный, липа сердцевидная, клен остролистный, клен американский, клен ясенелистный, сосна американская черная, лиственница европейская и другие, кустарники: аморфа, калина, пузыреплодник калинолистный, жимолость лесная и другие. К тому же парк «Ильинское» имеет научное значение, поскольку здесь произрастают редкие для Калининградской области деревья – возраст некоторых достигает 200 лет.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 011493
Kaseuben, Kreis Ebenrode, MT14101-6.
Kirche und Pfarrhaus im Winter. (1910-1912), © Gotheil & Sohn, Königsberg

В 1908 году в Кассубене была построена кирха. Заложена она была германской императрицей и королевой Пруссии Августой Викторией (1858-1921), женой кайзера Вильгельма II, в честь 200-летнего юбилея коронации первого прусского короля Фридриха I. Кирха сооружалась одновременно с домом пастора по проекту архитектора Дрabitиу, стоимость строительства составила 106 тыс. марок. В 1908 году кирха была торжественно освящена и в ней же была установлена памятная доска в честь двухсотлетия Прусского королевства, хранившаяся в школьном музее посёлка Пушкино, а позднее переданная в музей города Нестеров.

В ходе боевых действий Второй мировой войны кирха не пострадала, с первых послевоенных лет до 1970-х годов в здании размещался Дом культуры, после чего здание стали разбирать. В 2000-х годах оставались руины башни, на июль 2012 года остался фрагмент стены и обломки здания, территория заросла кустарником и травой. В бывшем доме пастора размещается почта.

Во время Первой мировой войны в августе 1914 года район Кассубена оказался в зоне боевых действий в ходе Гумбиннен-Гольдапского сражения, растянувшегося на 50 км от современного города Гусев и до города Голдап в Польше.

До Второй мировой войны в посёлке Кассубен проживали от 220 до 240 человек, сегодня в посёлке Ильинское – чуть больше 150 жителей.

В районе посёлка Ильинское, в 2,5 км восточнее от него, сохранился мост через реку Писса, подойти к нему можно по сохранившейся насыпи когда-то пролежавшего здесь железнодорожного полотна.

Своей конструкцией мост отличается от знаменитого «собрата» в

посёлке Токаревка через реку Красная, но построен он был в тоже время – на рубеже XIX – XX веков для открытой в 1901 году железнодорожной линии Шталлупёнен – Гольдап через Толльмингкемен (пос. Чистые Пруды) и Гросс Роминтен (пос. Краснолесье).

Протяжённость пути из конца в конец составила 50 км. Между Гольдапом и Шталлупёненом было 10 станций. Время нахождения в пути составляло чуть более полутора часов. При проектировании предполагалось, что железнодорожная линия пройдёт по живописным местам, в стороне от центральных дорог и шоссе. В конечном итоге так и вышло, железная дорога лишь в некоторых местах проходила вдоль автодорог, а преимущественно шла по холмам и лугам, через поля и леса. В процессе строительства железной дороги были возведены впечатляющие мосты. А в результате – все основные населённые пункты Роминтской Пущи оказались объединены надёжной грузопассажирской транспортной системой.

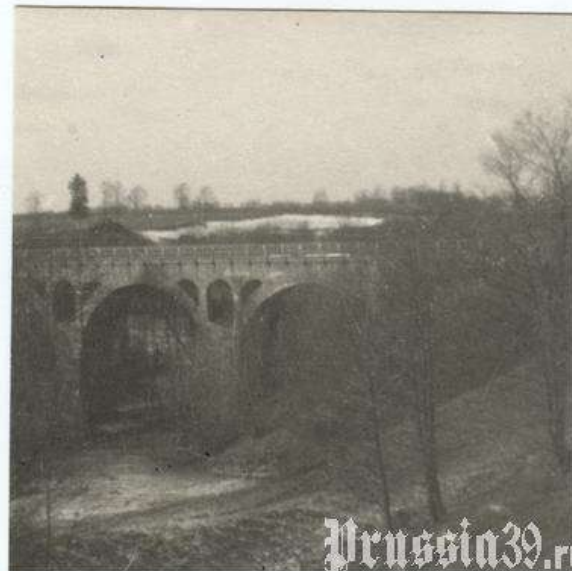
Построенный по образцу древнеримских акведуков, пятиарочный мост в Макунишкене (пос. Токаревка) соединяет два крутых берега реки Красной. Его высота 25 метров, длина 60 метров. Первоначально мост был кирпичный, но затем его оштукатурили, арочные просветы между колоннами заложили.

В настоящий момент мост в посёлке Токаревка является местной достопримечательностью, но как объект культурного или архитектурного значения нигде не числится.

Железнодорожный мост близ Кассубен, в настоящее время посёлок Ильинское, представлял собой арочный каркас, как и мост в Макунишкене, однако в ходе боевых действий Первой мировой войны он был взорван русскими войсками. После того как русские войска отошли из Восточной Пруссии, всё было кратчайшие сроки восстановлено, поскольку железная дорога использовалась для перевозки войск, техники и раненых. Мост в Кассубене перестроили и арочные каменные пролёты заменили на прямые металлические. Тем не менее, высота моста позволяет оценить сложный рельеф местности, изрезанного живописными оврагами и долинами рек на подступах к загадочной Роминте.

Во время Второй мировой войны железнодорожное сообщение имело большое значение. Поезда использовались для перевозки войск и техники на восточный фронт. По железной дороге везли природный камень для строительства оборонительных укреплений в районе Мазурских озёр.

После окончания Второй мировой войны линию Гумбиннен – Шиткемен (Житкеймы в Польше) посчитали ненужной, утратившей своё значение (вследствие раздела восточно-прусских земель между СССР и Польшей), и в 1945-46 годах линию разобрали.

Линия Шталлупёнен – Гольдап сохранилась частично на участке Шталлупёнен (г. Нестеров) – Гросс Роминтен (Краснолесье, до песчаного карьера на окраине посёлка). Самый последний по времени постройки участок железной дороги в Роминтской пуше между Шиткемен и Гольдапом

также был разобран к 1950 году.

На фотографии фрагмент сохранившейся рельсы со старинным клеймом «А.Ю.Р.З.Б.О.» – завода в городе Днепр «Александровский Южный Российский Завод Брянского Акционерного Общества».

В разное время в Роминтской Пуще также существовали узкоколейные пути локального значения, предназначенные для перевозок почты и небольшого количества пассажиров. Ныне единственный сохранившийся участок железной дороги от Нестерова до Краснолесья практически не используется. Хотя по нему могли бы курсировать туристические поезда – линия проходит по очень живописным местам.

По материалам статей на сайтах НФ «Исток» <https://istok39.ru/ilinskoye> и <https://www.prussia39.ru>, а также «Железнодорожное сообщение в Роминтской пуще» краеведа Александра Казённова https://visitprussia.com/prussia/zheleznodorozhnoe_soobwennie_v_romintskoj_puwe/

Токаревский мост расположен в посёлке Краснолесье, куда и пролегает наш маршрут, а мы в свою очередь держим путь к посёлку Чистые Пруды.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015380
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0. Kirche und Kirchenwiese. (1890). © Louise Rothe, Tollmingen

Место для церкви и дома пастора было выбрано ещё в конце XVI века. Выбрано не случайно, а обдуманно и разумно. Это место связано с посёлком Толльмингкемен, но в тоже время выделяется из него. На юге от холмика, где стоит церковь, открываются равнинные поля, за ними вдали расстилается Роминтская пуща – в XX веке Роминтская пуща имела 24 000 гектаров, но в XVIII веке она должна была быть

ещё больше. Извиваясь по полям, речка Швентайне приближается к холму, на котором стоит церквушка, но на расстоянии 50 метров от юго-восточного края холма её течение затихает и почти останавливается перед последующим поворотом. А потом вприпрыжку несётся дальше, журча вливаясь в воды реки Роминты. Название реки Швентайне образовано от литовского слова Швентас (святой) – Святыня. Новые жители посёлка дали речке своё имя – Русская.

В прежние времена христианские церкви часто строились на старых местах жертвоприношений язычников. В Малой Литве известно несколько таких мест. Одно из них – Шталлупённен (Сталупенай) (stalas – стол, уре – река). Здесь, в Шталлупёнене, и работал три года, по окончании Кёнигсбергского университета, Кристионас Донелайтис. Само название местности свидетельствует о древности поселения, ещё со времён язычества.

Недалеко от церкви в Шталлупёнене когда-то стоял жертвенник, а рядом с ним – изображение божества язычников. Вблизи протекала речка. До 1730 года каждой весной, на праздник Вознесения Господня, верующие собирались здесь и проводили свои языческие обряды. На гербе города Шталлупёнена были изображены стол и река.

Церковь городка Желвы (нем. – Saalau, ныне – Каменское), что находится поодаль от замка, на холме, окружённом болотистой равниной, также построена на месте культовых обрядов язычников.

Возможно, в расположении церквушки Толльмингкемена ещё в XVI веке было святое место дохристианских обрядов, где горел вечный огонь в честь бога Праамжюса и совершалось

жертвоприношения. Это подтверждают и ещё недавно бывшие в употреблении наименования местности: речка Швентайне, река Роминта, поселение Большая Роминта (нем. – Gross Rominten, ныне – Краснолесье), Роминтская пуца, два посёлка с похожими названиями – Швентайнис и Швентайняй, также Великие Швентишкяй (нем. – Grosse Swentischken, ныне – Пугачёво).

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015498
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0. Gut. Beim Drillen. (1920-1935), © Louise Rothe, Tollmingen

От уже упомянутого холмика на юге стелющаяся равнина чуть поворачивает в сторону Толльмингкемена, а на севере и западе колосятся холмистые поля.

После Реформации построенные Орденом католические церкви стали евангелическими. В годы правления герцога Альбрехта (1525 – 1568) первые лютеранско-евангелические церкви стали строить на малонаселённых, опустошённых частыми войнами землях.

В 1598 – 1612 годах возведена церковь в городе Тильзит (Тильже): она была трёхнефная, каменная, внутри перекрытие среднего нефа в виде цилиндрического свода из досок, а потолок боковых нефов плоский.

Почти одновременно с ней была построена церковь в Инстербурге (Исрутисе), в которой внутреннее пространство было также трёхнефным, однако, потолок всех трёх нефов был плоский.

Проект внутреннего пространства этих церквей стал образцом для многих других храмов Восточной Пруссии.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015629
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0. Kirche, Innenansicht. (1920-1935), ©

Интерьер церкви Толльмингкемена в XVIII веке обустроен по образцу церкви в Тильзите.

Постепенно распространилось строительство так называемых проповедных церквей (Prediktkirchen): в них ставили много скамеек, а по бокам сооружали галереи. Однако всё ещё чувствовалось влияние архитектуры церквей орденских времён, хотя уже и начали штукатурить фасады, упрощать формы архитектуры.

Во второй половине XVII века строительство церквей стало более медленным – из-за множества войн.

Снова более интенсивно стали строить в конце XVII и в начале XVIII веков. В архитектуре сакральных строений появились **признаки стиля барокко**: в г. Тильзите в 1699 году была построена самая красивая в регионе церковная башня в стиле барокко.

Кроме того, в XVII веке церкви Восточной Пруссии стали украшать скульптурами этого стиля, резными изделиями. В XVIII веке церковная архитектура снова стала сдержанней. Это было вызвано не только изменениями вкуса, но и, по причине экономических трудностей, необходимостью быстро строить простые здания.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 062133 / 1-17_2133
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0.
Deutsche Str. 2, das alte humanistische Gymnasium. (1850-1926), ©

В начале XVIII века для всей провинции Восточной Пруссии был назначен всего лишь один директор строительного надзора. С 1724 года ему были приданы четверо помощников, для следующих областей: Сембы, Литвы, Нотанги и Оберланда. В Малой Литве был назначен Йохан Фридрих Фишер. Он должен был присматривать за строительством в волостях Инстербург, Тильзит, Рагнит (Рагайне) и Клайпеда.

Согласно сообщению Вальтера Губача (Walter Hubatsch, 1915 – 1984), немецкого историка, уроженца Кёнигсберга, – после Второй мировой войны работал в Гёттингене, затем профессором в Бонне, где заведовал кафедрой истории Средних веков и Нового времени), – в перечисленные районы после войн и эпидемий чумы король Пруссии намеревался отстроить и заселить. С 1766 года архитектором литовской области стал Эрнст Людвик из Шлихтинга.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015625
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0. Kirche. (1920-1930), ©

О строительстве церкви заботилась центральная власть; большая часть средств выделялась из кассы короля. В сельской местности из неё выплачивалось аж две трети средств, нужных для строительства церкви. В 1756 году для возведения новой церкви Толльмингкемена также были выделены средства.

Теперь требовалось строить небольшие, более дешёвые церкви. В XVII веке окончательно освободились от влияния архитектуры церкви Орденского времени. Чаще всего стали строить прямоугольные залы, рядом с ними вместо башен – скромные колокольни. Церкви этого времени в литературе иногда называют «церквами убожества» (Notkirchen). Чтобы вместить в церковь большое число верующих, в новых зданиях сооружали боковые галереи, часто упирающиеся в восточную стену. Да и в старых церквях боковые галереи не были редкостью.

С окончанием XVII века в формировании внутреннего пространства церкви Восточной Пруссии появился новый элемент. Алтарь и амвон (проповедная) соединяются, но проповедная приподнимается вверх и становится выше алтаря. Новая мода, впервые появившаяся в Восточной Пруссии, перекочевала в другие края Германии, но дольше всех сохранялась опять-таки в Восточной Пруссии.

Центральная королевская власть оказывала поддержку строительству церкви в Восточной Пруссии и в XIX веке. В. Губач пишет: «...выяснилось, что в начале правления страной король Фридрих Вильгельм IV добился по существу права проверки и приведения заново в порядок церковных строений. В 1842 году он издал распоряжение о том, что духовенство имеет право обслуживать не более 5000 человек. Поэтому нужно было создавать новые приходы, строить церкви. Этот план особенно был характерен для областей, в которых сто лет назад проводилась политика заселения (Retablissement), т.е. и для волости Гумбиннен. Кроме того, в XVIII веке в церковных планах Клайпедский край ещё не играл никакой роли. А в XIX веке там уже особенно тщательно создавались приходы и строились новые церкви».

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015405
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0.
Die Eintrone wird zum Gut gebracht. (1920), © Louise Rothe, Tollmingen

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015628
Tollmingen, Kreis Goldap, MT 15100-0.
Kirche. (1925-1935), © C. E. Herbst, Gumbinnen

В архитектуре построенных церквей в XVII – XVIII веках ещё можно было заметить религиозные особенности отдельных областей (Нотанги, Оберланда, Сембы, Литвы, Мазурии). Нередко в них отражалось происхождение жителей каждой из областей, форма заселения, особенности ландшафта, влияние старых традиций. Обобщая выводы некоторых исследователей церквей Восточной Пруссии В. Губач утверждает, что в XVII – XVIII веках «литовцы сильно были привязаны к своей церкви», чувствуется, что *«для литовцев и мазуров Божий дом занимал главное место в их ежедневной жизни»*.

«В XIX веке об этих особенностях церковной архитектуры некоторых областей уже не могло быть и речи. Восточная Пруссия уже стала частью всей монархии Пруссии, а её центром – Берлин». Поэтому в середине XIX века строить

церкви предлагается лишь по типовым проектам, протезируются неороманский и неоготический стили церквей с нештукатуренными фасадами. Начато отделение амвона от алтарей. Во многих местах к уже стоящим церквям пристраиваются башни. Примерно в 1820 году к основному фасаду церкви Толльмингкемена также была пристроена высокая башня.

В начале XX века, к памятной дате 400-летия начала Реформации, строились так называемые юбилейные церкви. После Первой Мировой Войны при строительстве церквей уже меньше придерживались разных регламентов и принимали более свободные решения. По словам В. Губача, большинство церковных целей, намеченных ещё в XIX веке, было достигнуто: уменьшены приходы до 5000 человек, улучшено состояние церквей в приграничных зонах. Проявлялось больше внимания и интереса к уже существующим зданиям, к художественным ценностям».

В 1926 году было решено создать музей церквей Восточной Пруссии, который впоследствии стал частью музея Пруссии в Кёнигсберге. В музее старались раскрыть историю церквей Восточной Пруссии, их особенности. Здесь были «заново найдены» сельские церкви, которые «прятали неожиданные богатства». Появились

обращения к духовенству – писать историю сельских церквей. Тогда и были выпущены издания Агатона Гарноха, Адольфа Бётихера, Антона Ульбриха, Карла Клазена.

Как уже было упомянуто, от Инстербурга на восток приходы основывались со второй половины XVI века. В 1589 году от того же прихода Инстербург отделились одиннадцать церквей, среди них – Гумбиннен, Шталлупёнен, Толльмингкемен. Приход последней основал староста этой местности – фон Пленас.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015618
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0. Schule, Blick Richtung Reiterhof. (1925-1931), ©

Вацловас Биржишка указывает, что приход Толльмингкемена основан в 1589 году, а строительство церкви закончено в 1598-м. Гуго Фрайберг писал, что первая церковь Толльмингкемена была построена в 1598 году. Советник края Бернер Голдпа в государственном архиве Кёнигсберга нашёл документ, в котором написано, что 1588 год и есть тот год, когда был основан приход Толльмингкемена.

В XVI веке приход Толльмингкемена был чисто литовским, т.е. литовцы жили здесь с древних времён. В 1590 году в приходе ещё не было жителей немецкой национальности. Известно также, что посёлок Миелкиемис был причислен к Толльмингкемену, т.к. в нём жил немец Лукас Волтер. Это было сделано потому, что около 1590 года во всём приходе Толльмингкемена не нашлось ни одного жителя немецкой национальности и, по установленным требованиям, некого было назначить старшим церкви. Выводы, что приход тогда был литовским, подтверждаются и названиями рек, и старыми наименованиями деревень, принадлежащих приходу. Например, деревни, наименования которых заканчивается на *-kiemis*, – а таких много, – разумеется, литовского происхождения. Название деревни часто происходило от фамилии жителя. В 1539 году упоминаются фамилии первых крестьян этой местности – Талмин, от которого происходит Толльмингкемен (Толминкемис); Шакалис – Шакеляй, Будвайтис – Будшеделен (Будседеляй).

Между прочим, не случайно среди 62 пасторов, позже (1719?) требовавших перевода «Малого Катехизиса» М. Лютера на литовский язык, есть и фамилия тогдашнего пастора Гештадт. Пастор церкви должен был знать литовский, чтобы мог читать проповеди прихожанам на их родном языке. Около 1640 года приходу Толльмингкемена принадлежало 38 деревень и около 600 убов (хубов/хуфов) земли (1 уб/хуб/хуф = 10 – 15 га).

По материалам статьи Наполеонаса Киткаускас и Лаймуте Киткаускене «Приход Толльмингкемена» из книги «Мемориал Кристионаса Донелайтиса в п. Чистые Пруды (Толльмингкемен, Толминкемис). История создания».

Когда в Толльменгкемене строили церковь, к рабочим подлетел чёрт и спросил, что они строят. Рабочие побоялись говорить ему правду и сказали, что строят трактир. Обрадовавшийся чёрт пообещал помочь им и принялся усердно таскать камни, но однажды, когда строительство было почти завершено, он понял, что его обманывали. Со злости он схватил огромный валун, взлетел выше деревьев и хотел бросить его на церковь, но тут в доме пастора трижды прокричал петух. Не выносивший этого звука чёрт затрепетал, камень выпал из его когтей и упал в Пуце. С тех пор он там так и лежит.

Dat weer de groate Steen / Wischtyter Deutsche – damals

Образовавшиеся в ледниковый период холмы и долины перемежаются живописными озёрами и реками. Современный рельеф Роминтенской пуши сформировался в результате последнего ледникового периода, около 15 000 лет назад. Ледник оставил после себя многочисленные камни и валуны, перенесённые сюда из Скандинавии. Некоторые камни получили даже имена собственные, например, «Анита» или «Чёртов камень», о происхождении которого и

повествует та сохранившаяся до наших дней легенда.

В поселке Чистые Пруды Нестеровского района на высоком холме, среди высоких вековых деревьев, лугов и крестьянских усадеб стоит здание бывшей лютеранской кирхи и недалеко от нее — скромный пасторский дом. В середине XVIII века в этом посёлке, который носил названия Толльмингкемен и Толльминген, жил и служил священник Кристионас Донелайтис, считающийся основоположником классической литовской литературы.

В кирхе и доме, где трудился и жил Донелайтис ныне расположен музей – 11 октября 1979 года под сводами кирхи был открыт Мемориальный музей К. Донелайтиса.

С первых дней своего существования музей стал культурным центром. Здесь проводятся литературные вечера, творческие встречи и Дни поэзии, систематически организуются выставки. С экспозицией музея посетителей знакомят экскурсоводы.

1 января в небольшой деревушке Лаздинеляй, что неподалёку от Гумбиннена (г. Гусев) в крестьянской семье, которую пощадила ужасная чума начала XVIII века, в 1714 году родился мальчик. Назвали его Кристионас – Кристионас Донелайтис...

Его имя спустя сто лет стало широко известным. Именно он создал удивительное поэтическое произведение одно из первых на литовском языке, став классиком литовской литературы. Теперь его поэма «Времена года» переведена на многие языки мира. Она была написана в одном из живописных уголков Восточной Пруссии на окраине Роминтенской пуши в посёлке Толльмингкемен.

Именно здесь Кристионас Донелайтис прожил большую часть своей жизни и был похоронен в 1780 году в крипте той самой кирхи, в которой служил людям и Господу. Будучи пастором, он был одним из тех, кто был влюблён в свою землю и свой народ, кто чутко воспринимал окружающий мир. Но он был единственным, кто смог простым и правдивым языком в те далёкие времена выразить свои чувства, запечатлеть их на бумаге, облакая в стихи.

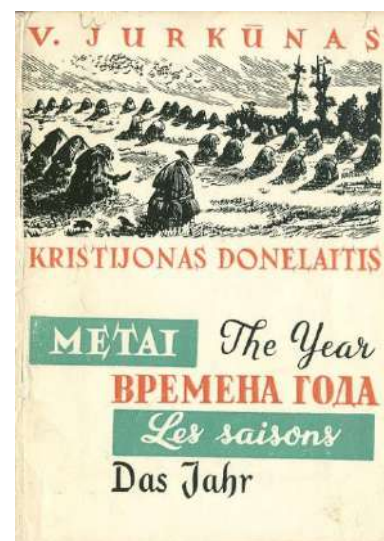

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015387
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0. Bei der Roggenernte I. (1890). © Louise Rothe, Tollmingen

Мир людей, мир природы и предков переплетены в них необычайным образом. Читая строки поэмы, иногда кажется, что за окном возникают картины прошлого. Память земли, память времени, память поколений. Это настоящий литературный памятник, созданный четверть тысячелетия назад очевидцем.

Читая поэму можно узнать многое и о непростом крестьянском труде, и о пище простых людей, во что одевались, что сеяли и, как отдыхали и радовались, справляя праздники. Можно узнать о нравах разных, о разных народах и сословиях, живших на этой земле в далёком XVIII веке, соприкасаясь с творением Кристионаса Донелайтиса. И конечно, читая поэму, Вы узнаете о великой природе, её всепобеждающей силе и мудрости Творца, о самом времени, которое в чередё лет повторяет круг времён года и замыкает круг человеческой жизни.

Имя Кристионаса Донелайтиса в 1977 году было включено в список 240 авторов, перу которых принадлежат шедевры европейской литературы от античности до 1940 года.

TOLMINKIEMIS,
kame gyvena ir būrė Kristijonas Donelaitis. Kairiajame kampe (nė medžių) —
klebonija, dešiniaje — Tolminkiemio bažnyčia, apačioj — našių prieglaudos na-
mų, pastatytų Donelaičio tėvomis.

Деятельный, разносторонне талантливый человек, Кристионас Донелайтис всеми силами старался принести пользу своему народу, помочь крестьянам. Вместо обветшавшей полностью деревянной кирхи он построил в 1756 году новую каменную, перестроил здание пасторского дома, построил на свои средства дом для пасторских вдов и новую школу вместо сгоревшей старой. Своими проповедями на литовском языке К. Донелайтис вселял веру в будущее, в добро и справедливость, часто

используя в них отрывки из своих произведений, в том числе из поэмы «Времена года». В свободное время он сочинял стихи и музыку, занимался механикой и садоводством.

Кстати, прижизненных изображений Донелайтиса не осталось, но со временем литовцы смогли восстановить облик поэта по его черепу, используя метод антрополога Герасимова.

Однако, мысль найти могилу пастора, восстановить кирху, воздвигнутую под руководством и по проекту самого Донелайтиса, и создать музей поэта пришла работникам областного исполкома КПСС Калининградской области в 1964 году. Совет Министров СССР и ЦК партии решили тогда широко отметить 250-летие Донелайтиса. Было принято решение о реставрации здания бывшей лютеранской кирхи в посёлке Чистые Пруды.

Восстановительные и реставрационные работы были проведены коллективом Каунасских мастерских республиканского треста реставрации памятников культуры. Работами руководил известный литовский архитектор и археолог Наполеонас Киткаускас.

После Второй Мировой войны здание было целым, но из-за отсутствия ухода и надзора быстро разрушилось. К 1964 году сохранились только стены высотой не более 3-х метров. Восстановительные работы в Чистых Прудах начались в 1975-1976 годах, под эгидой Калининградского историко-художественного музея.

Литовский архитектор Наполеонас Киткаускас сделал проект, по которому кирху предстояло реконструировать. 10 лет он занимался изысканиями – в 1967 году была организована научная экспедиция, которая занималась поисками останков К. Донелайтиса в развалинах церкви в посёлке Чистые Пруды. Были найдены графические изображения кирхи, подняты фотографии... из бюджета

Калининградской области на реставрацию церкви было выделено 48.000 рублей, 40.000 рублей выделили соседи. Литовцы оплачивали работу реставраторов и строительные материалы. Подходили к процессу с фантастической ответственностью: когда надо было восстановить “историческую” черепицу – специально был восстановлен черепичный заводик!

Интересно, что, когда работы по реконструкции были только запущены, состоялся специальный партийно-хозяйственный актив: перед директорами совхозов и председателями колхозов выступили специалисты, объясняя, кто такой Донелайтис. Читали его стихи. В общем, тогда все понимали, что назвать Донелайтиса только пастором – всё равно, что о Пушкине сказать, что он камер-юнкер...

Согласно письменным источникам, Донелайтиса, как приходского пастора евангелистов-лютеран, похоронили в приходской кирхе. Всего могил под полами кирхи было двадцать три... Но какая из них Донелайтиса? В результате длительных размышлений и дискуссий ученые пришли к выводу о том, что, вероятнее всего, пастор прихода должен быть погребен недалеко от алтаря, другие признаки также указывали на то,

что в одной из двух могил, находящихся в означенном месте, покоятся останки Донелайтиса. Их обозначили осторожно, подчеркнув необходимость исследований, – захоронения №1 и №2. Но уже скоро стало ясно: в одной могиле похоронен поэт, в другой – управляющий местным поместьем Теофил Руйгис.

Оказывается, Руйгис был идейным противником пастора Донелайтиса. Управляющий жестоко ущемлял интересы общины и посягал на ее земли, которые до конца своей жизни Донелайтис пытался у него отвоевать. Противостояние это было поистине эпическим, и не закончилось оно даже после их смерти. Теперь перед учеными стоял вопрос: кто из этих двоих – великий литовский поэт, а кто – его заклятый враг?

У Донелайтиса в браке не было детей, но он был из многодетной крестьянской семьи, а в Восточной Пруссии делопроизводство (и гражданское, и церковное) всегда было на высоте. В Германии удалось разыскать родственников и сделать сравнительный анализ ДНК. Но на это потребовались годы. Поэтому решено было восстанавливать облик и пастора, и его недруга.

Для того чтобы «воскресить» Донелайтиса, пришлось «воскресить» и Руйгиса – ученик знаменитого М. М. Герасимова В. Урбанавичюс сделал по черепу и портрет Руйгиса.

Урбанавичюс много думал о внутреннем мире поэта. Создавая портрет, он ездил, например, к известному лютеранскому пастору — спрашивал об одежде церковных лиц свыше двухвекового прошлого, о причёске, быте, погребальном обряде. Но еще больше ему дало другое — Урбанавичюс читал и перечитывал письма, записки, басни, поэму Донелайтиса. Он понял святую для поэта мысль: ниточка памяти никогда не должна обрываться; она связывает разные поколения людей, разбросанные во времени.

В 1979 году в поселке Чистые Пруды Нестеровского района Калининградской области было восстановлено старинное здание бывшей лютеранской церкви, построенной в 1756 году. В июне были перезахоронены останки поэта в крипте отреставрированной кирхи.

А в октябре был открыт Мемориальный музей Кристионаса Донелайтиса. Более 200 экспонатов музея рассказывают об эпохе, в которой жил поэт, о его жизненном пути, творческой и общественной деятельности. В экспозиции представлены факсимильные издания произведений К. Донелайтиса, предметы этнографии. Частью оформления музея являются цветные сюжетные витражи в окнах, созданные А. Гарбаускасом. На них изображен поэт и герои его знаменитой поэмы. Экспонатов в коллекции музея немного. Но все они давались очень дорого. Академики из Литвы сами клеили, оформляли витрины... Из Италии специально на открытие музея привезли уникальную выставку литовской графики, в том числе знаменитых работ Чюрлёниса.

Около кирхи можно увидеть частично сохранившееся кладбище.

В 1998 году Каунасским реставрационным управлением был отреставрирован и пасторский дом, вошедший в мемориальный комплекс музея. Во время ремонта пасторского дома, в котором жил и работал Кристионас Донелайтис, в 2020 году нашли клише для гравюры с изображением литовского поэта XVIII века.

Металлическую пластинку с отзеркаленным изображением мужского лица и надписью на латинице нашли на чердаке во время разборки дымохода. Сотрудники музея выяснили, что клише создано в середине XX века художником-иллюстратором книг Витаутасом Юркунасом.

«На нём — портрет литовского классика с авторской сигнатурой. Это иллюстрация к книге Донелайтиса „Времена года“, которая была выпущена в 1956 году. Год спустя за работу над изданием Витаутаса Юркунаса наградили Государственной премией», — рассказали в музее.

Постановлением Правительства Калининградской области от 23 марта 2007 года № 132 кирха получила статус объекта культурного наследия регионального значения.

По материалам статей Алексея Соколова, директора Виштынецкого эколого-исторического музея, с сайта Калининградского областного историко-художественного музея <http://museum.ru/westrussia/pastor-house.html>, а также Ларисы Чухиль <https://klarissa45.livejournal.com/65184.html>

Остановимся в посёлке Чистые Пруды, позаглядываем в уютные уголки, полюбуемся долинами рек на границе Роминтенской пуши.

По окончании Второй мировой войны робкие малочисленные посетители Калининградской области из Литвы искали в крае бывших уездов Малой Литвы следы поэта бурасов – крестьян-летувининков. Поселение Толльмингкемен словно прячется за холмом, прикрываясь им, втиснувшийся в окружённую деревьями долину. Взгляду путешественника он открывается внезапно, видно, этот самобытный рельеф ландшафта помог местечку остаться в войну неразрушенным. Посередине долины петляет речка, до войны она имела своеобразное литовское название – Швентайне, образованное от литовского слова Швентас (святой) – Святыня. Новые жители посёлка дали речке своё имя – Русская.

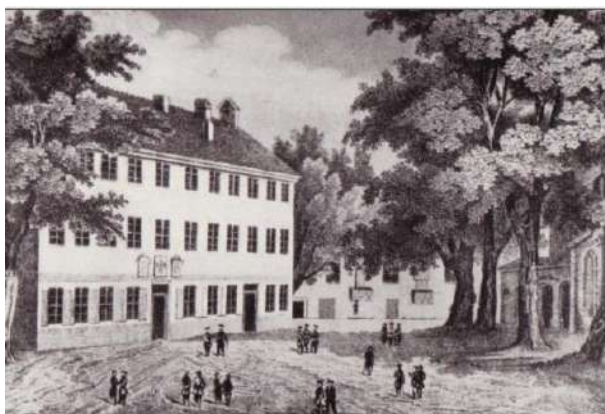

«Среди вековых дубов стояла целёхонькая церковь, у которой ещё в 1946 – 1947 годах с удовольствием фотографировались колонисты Малой Литвы XX века», – вспоминал Бернардас Алекнавичус в «Размышлениях о захоронении К. Донелайтиса». Первые послевоенные жители посёлка Чистые Пруды Нестеровского района уже тогда гордились тем, что их местечко теснейшим образом связано с основоположником литовской литературы Кристионасом Донелайтисом.

О том, насколько творчество поэта Донелайтиса и его культурное подвижничество ценили в Советском Союзе, свидетельствуют не малозначащие факты: в 1943 году, в разгар Великой Отечественной войны, в Москве отмечали 125-ю годовщину первого издания поэмы Донелайтиса «Времена года»! В 1944 году были опубликованы на русском языке фрагменты этого произведения. А в 1946-м – **опубликована вся книга...**

Повилас Пакарклис, а по его предложению, и преподаватель Вильнюсского университета языковед Й. Круопас, в сентябре 1945 года были включены в состав археографической экспедиции АН СССР, посланной в Калининград осмотреть университет, архивы, библиотеки и другие научно-культурные учреждения. Во время поездки в Лохштедский замок, поисковая группа обнаружила рукопись «Времена года» К. Донелайтиса, несколько рукописей Кёнигсбергского профессора Людвиг Резы и немало старинных изданий на литовском языке.

Родившийся в бедной семье, говорящий на языке, который в тогдашней Восточной Пруссии считался второсортным, Донелайтис закончил в Кнайпхофе школу для бедных, в 1736 году поступил на теологический факультет Кёнигсбергского университета. Он изучал теологию, латынь, иврит, греческий и французский языки, музыку. При теологическом факультете Кёнигсбергского университета с 1723 года действовал семинар по литовскому языку. Его посещал и Кристионас Донелайтис, который там ознакомился как со старинными, так и с недавно изданными литовскими книгами. Молодой человек уехал из Кёнигсберга, получив высшее образование и сохранив как культурное, так и духовное единение со своим народом.

Донелайтис жил фактически в нищете, подрабатывал в церкви и усердно изучал античную и европейскую литературу, руководил церковным хором, знал устройство многих музыкальных инструментов...

Wochenmarkt in Stallupönen.

После университета он получил назначение в Шталупённен (г. Нестеров) – стал учителем музыки и руководителем хора в местной школе, где познакомился со своей будущей женой, вдовой ректора шталупённенской школы Анной Региной Олефант. Через три года, сдав специальный экзамен, Донелайтис 21 октября 1743 года был посвящен в пасторы и получил назначение в лютеранский приход

Толльмингкемен (по-литовски Толминкемис), где и прожил 37 лет почти безвыездно. Поэт сделал предложение Анне Регине, когда получил место пастора в Толькминкене. 24 ноября 1743 года Кристионас Донелайтис был торжественно введен в кирху как её настоятель, а 11 октября 1744 года женился.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015627
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0. Gasthaus Karl Malée. (1920-1930), ©

Очень тяжелыми для него были первые годы пасторства. Литовцев в приходе было всего 30%, школы и больницы были очень далеко, Кёнигсберг еще дальше, от тяжелой жизни многие мужчины напивались до скотского состояния и гоняли жен и детей. А рядом была любимая жена. Надо было строить кирху, учить и лечить, воспитывать и помогать. Пастор был абсолютно непритязателен, свои стихи читал,

как проповеди, с церковного амвона. Причем, в стихах, которые дошли до нас, можно встретить крепкие "мужицкие" словечки (наследие тяжелого крестьянского детства). Он лечил окрестных жителей, растил и воспитывал их детей... учил любить свою землю и блюсти обычаи, завещанные отцами и дедами. По субботам и воскресеньям К. Донелайтис вел службу и читал проповеди в кирхе на двух языках: по утрам – по-немецки, после обеда – по-литовски.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015503
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0.
Gut, Feld mit zusammengestellten Korngarben. (1925-1930), © Vogtländer

Но природа, которую очень любил Донелайтис, была великолепна.

Донелайтис был не просто пастором, он был учителем и инспектором пяти приходских школ, отстаивал перед властями интересы крестьян, построил каменную церковь на месте старой деревянной, школу и дом для пасторских вдов.

В свободное время Донелайтис сооружал самодельные метеорологические приборы, занимался астрономией, сам шлифовал линзы, сделал микроскоп и телескоп, смастерил три клавесина...

По своей разносторонней одарённости Донелайтис литовский Михаил Ломоносов, которого, как известно, называют “человеком-университетом”. И он же, в сущности, литовский Пушкин. Его произведение “Времена года”, кроме художественных достоинств и подробнейшего описания жизни литовских крестьян, уникально ещё и тем, что именно с него начинается расцвет литовской национальной поэзии. В общем, переоценить роль Донелайтиса в становлении литовской культуры невозможно.

Своё поэтическое наследие К. Донелайтис не стал публиковать. Он лишь позволил своим друзьям – пасторам Й. Иорданасу и Й. Холфелту – переписать поэму и басни.

Его произведения увидели свет благодаря профессору Кёнигсбергского университета **Людвикасу Резе**, через много лет после смерти поэта – в 1818 году. Л. Реза познакомил с творчеством безвестного литовского автора крупнейших авторитетов немецкой культуры того времени – В. фон Гумбольдта и И. В. Гёте, а также польского поэта А. Мицкевича. В Большой Литве во второй половине XIX века всё ещё была под запретом литовская письменность.

Супруга пастора пережила его на 15 лет, эти годы она смогла прожить рядом с могилой мужа.

На двадцатилетие совместной жизни пастор ничего не подарил жене, жили они весьма скромно, но именно в этот год было закончено строительство "вдовьего дома", поскольку жильё у пасторов было служебным. В Пруссии пасторской вдове выделялся один убас (т. е. 21–42 га) земли. Она имела право бесплатно пользоваться этой землей или же сдавать ее в аренду. Полученная арендная плата сдавалась в церковную кассу. Вдовы жили в предназначенном для них доме, построенном недалеко от церкви. О вдовьем доме в Тольминкемисе упоминается уже в середине XVII века. В 1764 году заботами К. Донелайтиса было построено новое деревянное здание. В нем вдова поэта Анна Регина прожила 15 лет.

*Жизнь моя да будет честной,
Пусть добро меня ведёт:
Сеять благо повсеместно —
Сердце лишь к тому зовёт.*

*Мудрость и долготерпенье:
Бога и людей любить,
Зла вовеки не чинить —
В том да будет долг с рожденья.*

Кристионас Донелайтис. Перевод Сергея Исаева.

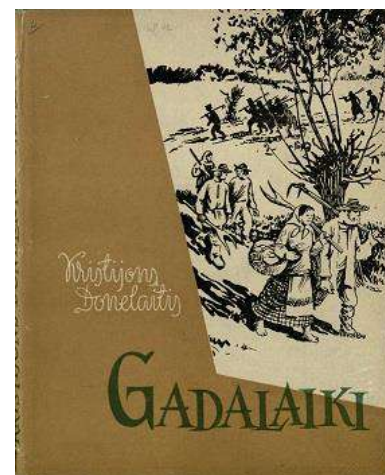

В рамках празднования 300-летия со дня рождения классика литовской литературы Кристионаса Донелайтиса в 2014 году Калининградский областной историко-художественный музей при поддержке регионального Министерства культуры издал уникальную «Народную книгу». В ходе проекта люди разных профессий, возраста, социального статуса, национальности и вероисповедания вносили свои пожертвования на новое издание легендарной поэмы в переводе жителя Клайпеды Сергея Исаева с оригинальными рисунками московской художницы Ирины Герасимовой.

Художественное наследие Кристионаса Донелайтиса, сохранившееся в рукописях и списках, состоит из басен, ранних фрагментов поэмы «Сказка Причкуса о литовской свадьбе» и «Продолжение», которые впоследствии были включены в текст поэмы, поэмы Времена года и стихотворений на немецком языке. Поэма Времена года была написана в 1765–1775 годах. Она состоит из четырех частей – «Радости весны», «Труды лета», «Блага осени», и «Зимние заботы».

Существуют данные о том, что Донелайтис писал псалмы и переводил их на литовский язык.

После кончины поэта вдова передала его оставшиеся рукописи пастору соседнего прихода Валтаркемис (Валтаркемен) (ныне пос. Ольховатка), Иоганну Годфриду Йордану (1753–1822), а пастор местечка Гервишкенай (Гервишкен) (поселение в районе пос. Приозёрное Гусевского района не существует), Иоганн Фридрих Гольфельдт (1763–1829) сделал с них списки. Впоследствии часть рукописей, хранившихся у Йордана («Радости весны», «Труды лета», «Продолжение» и два письма) досталась профессору Кенигсбергского университета Мартину Людвигу Резе, еще часть была уничтожена во время наполеоновских войн. Реза первый и опубликовал труды Донелайтиса (на основании рукописей, хранившихся у Йордана и списков Гольфельдта). Позже Реза передал свою часть рукописей Йордана в Кенигсбергский тайный архив. Списки Гольфельдта после его смерти достались родственникам и позже были проданы на аукционе тильзитской жительнице Регине Стеллбоген-Вестфаль, а потом попали в архив общества «Пруссия», располагавшийся в помещениях Кёнигсбергского королевского провинциального архива. До Второй мировой войны сохранившиеся рукописи Донелайтиса хранились в отделе рукописей Кёнигсбергского государственного архива, а копии Гольфельдта – в отделе рукописей библиотеки Кёнигсбергского университета.

В 1945 году во время экспедиции, организованной Академией наук Литовской ССР, автографы Донелайтиса были найдены в Лохштадтском замке вблизи Кёнигсберга и переданы Центральной библиотеке АН ЛССР, а впоследствии – Институту литовского языка и литературы. Все сохранившиеся рукописи Донелайтиса и по сей день хранятся в Институте литовской литературы и фольклора.

Первая попытка увековечить память Кристионаса Донелайтиса была сделана в конце XIX века на родине поэта. В то время к жизни и творчеству поэта бурасов уже появился интерес. Его биограф **профессор Лейпцигского университета Франц Оскар Тетцнеру (1863–1919), автор**

статей в журнале *Altpreussische Monatschrift* (Кёнигсберг), договорился с хозяином Лаздинеляй (Лаздинелен) помещиком Э. фон Беловом и 8 апреля 1896 г. в соде фон Беловов в Лаздинеляй был освящен памятный камень в честь К. Донелайтиса. Во время празднества было прочитано стихотворение, принадлежащее перу др. Ф. О. Тетцнера и переведенное на литовский язык др. Георгом Зауэрвайном (псевдоним – Гиренас, 1831–1904).

В 2013 году калининградским краеведом Борисом Николаевичем Адамовым выпущен кропотливый труд – проникновенный и трогательный, «Кристионас Донелайтис. Время. Люди. Память».

300-летие поэта в Калининградской области отметили празднично – школы подключились к празднованию энергично, прошли чтения поэмы «Времена года». Начальник отдела культуры Нестеровского района Дубовая Ольга Евгеньевна, организатор внеклассной работы Замковской школы в посёлке Ясная Поляна, со своими учениками подготовила 25 молодых дубков и высадила на месте деревушки, в которой родился Донелайтис. Это место обозначено памятным щитом по дороге к Гусеву из Нестерова.

По материалам статей с сайта Калининградского областного историко-художественного музея

<http://museum.ru/westrussia/pastor-house.html>,
 а также Ларисы Чухиль <https://klarissa45.livejournal.com/65184.html>
 и «Кристионас Донелайтис. Биография» <http://www.mab.lt/Donelaitis/ru-biografija.html>

Социальные и экономические отношения в XVI – XVIII веках у литовских крестьян в Восточной Пруссии были непростыми и жизнь у них была нелёгкой.

С XVI века на востоке провинции преимущественно жили литовские крестьяне, очистившие дикую пустошь и создавшие пахотные земли. Естественно, они принесли с собой свои традиции, обычаи и язык. Таким образом, на северо-востоке Пруссии возникла территория с литовским характером, позднее этот район вошёл в расширенный правительственный округ Гумбиннен. Даже

официальным языком того времени в этом регионе считался «Прусско-Литовский».

В XVII веке так такового национального вопроса еще не существовало и не было проблем в этнической принадлежности. Литовцы добровольно пришли в Пруссию в надежде улучшить свои экономические и социальные условия жизни. Они стали протестантами и вскоре почувствовали себя верными подданными этого государства, правопорядок которого они охотно признали.

С другой стороны, прусские власти стремились развивать и окультуривать страну. Приветствовали каждого человека, кто был трудолюбив, платил налоги, соблюдал церковные правила и законы государства. Чужда была любая мысль видеть в этих переселенцах опасность для немецкого облика страны. Напротив, государство поддерживало литовский народ, чтобы получить довольных подданных. Верные правилу Лютера, по возможности проповедовать Евангелие на родном языке, сюда приглашались пасторы, знающие литовский язык. Ещё герцог Альбрехт позволил литовцам обучаться и становиться пастырями, в 1547 году был переведён на литовский язык катехизис, а позже – гимны и отрывки из Библии.

«Прусский литовец» того времени описывается как грубоватый, здоровенный человек, высокий и широкоплечий с каштановыми, иногда светлыми и прямыми волосами. Глаза у него были карие, часто встречались и голубоглазые, кожа обычно светлая, а лицо – узкое с выступающими скулами. Обладал живым и легко возбудимым темпераментом, общительный, любил развлечения, придерживался традиционных нравов, набожен, но в то же время был полон суеверий. Литовец – страстный любитель лошадей, искусный ремесленник, трудолюбивый и отзывчивый. Бережлив к еде, но любитель выпить, особенно на семейных торжествах.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015528
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0. Gut, Kleiner Kutschwagen. (1925). © Louise Rothe, Tollmingen

Как следствие, эта часть Пруссии сформирована литовцами – все города, реки, поля и тому подобное носили литовские названия. Например, в письменных источниках 1542 года упоминается житель Талмин. До 1554 года местечко будущего прихода Толльмингкемен называлась Гросс Швентау (Gross Schwentay), позже – Талмингкейм, затем с 1584 года – Толмингккенен. Название местности, возможно, произошло от составного

имени личности Тол-минас (от литовского *toil* – далеко + *minti* – вспоминать/отгадывать/ иметь в виду/ иметь в памяти/ думать/ полагать, по сведениям исследователя Малой Литвы Вилюса Петерайтиса).

Литовоязычный регион на северо-востоке Пруссии сохранялся относительно долгое время, благодаря своему единству на протяжении веков. В результате эпидемии Великой чумы и последующего переселения народов, в основном немцев, литовский язык пришел в упадок и в течение XVIII – XIX веков нижний прусский диалект утвердился в качестве разговорного языка. В начале XX столетия в Гумбинненском округе мало кто говорил по-литовски. Оставались, конечно, названия мест, которые были изменены только в 1929 и 1938 годах.

Восточная провинция Пруссии была избавлена от бурь Тридцатилетней войны (1618–1648) из-за своего периферийного расположения, но за счет увеличения налогового обременения ей приходилось оплачивать войны курфюрста. Поэтому и развитие северо-востока провинции застопорилось.

Но уже через несколько лет часть Восточной Пруссии также почувствовала ужас войны: вторжения татар в 1656 и 1657 годах в период второй шведско-польской войны. Эти вспомогательные войска польского короля с неопишуемой жестокостью, убивая, грабя и поджигая, прошли по югу и востоку страны.

Всего было разрушено 13 городов, 249 деревень и 37 церквей, 11 000 жителей были убиты, а около 34 000 были уведены в рабство до Константинополя. Еще 80 000 человек впоследствии умерли от голода и эпидемий...

Восток Пруссии долго не мог оправиться от последствий этих вторжений и без того скромное сельское благосостояние было разрушено. Статус крестьян ухудшился не только из-за неурожаев, но в особенности из-за недобросовестной эксплуататорской политики землевладельцев. Налоговые тяготы нарастали и множились, условия работ фермеров и крестьян, так называемых, трудовых колоний

становились все более жёсткими. Договорные обязательства фермерских колоний по обработке государственных наделов со временем превратились в тотальное подчинение на этих территориях, практически – в крепостное право. Однако подобное встречалось не только в Пруссии, это было общим явлением и следствием феодальных мировоззрений того времени.

Шведско-польские войны, сопровождаемые набегами татар и литовской ордой, привели к политически значимому и положительному результату для Пруссии. Благодаря умелой тактике между Швецией и Польшей Великому курфюрсту удалось освободить прусское герцогство от польской зависимости. В Оливе Мирным договором 1660 года основные европейские державы подтвердили полный суверенитет Пруссии, тем самым была устранена почти 200-летняя политическая зависимость от Королевства Польского. Престиж Великого курфюрста усилился в Пруссии еще и тем, что зимой 1678/79 года ему удалось изгнать вторгшееся с севера шведское войско, продвинувшееся до Инстербурга.

После этого, как и в других районах Бранденбургско-Прусского герцогства, в районе Малой Литвы возникла новая волна поселений, так называемая казённая колония (Schatullsiedlung). Вырубленные земли государственного лесного хозяйства были освобождены под заселение и управление ими, с расширением существующих деревень или основанием новых. Таким образом, с 1680 года за двадцать лет появилось множество новых деревень, деревушек и поместий.

Однако увеличение количества поселений не привело к увеличению самого населения, поскольку новые поселенцы, как правило, это были не иммигрировавшие из других стран, а приезжие из округов в непосредственной близости. Реальной причиной колонизации лесных угодий этой волны была финансовая политика. Налоги с этих казённых колоний поступали не в государственную казну, а в ларец (шкатулку) курфюрста (игра слов: «казённые колонии» (Schatullsiedlung) можно перевести, как «поселения – ларцы»), слово Schatulle имеет два значения – «казна» и «ларец»).

Эти фермеры получали землю и строения от государства в долгосрочную бесплатную аренду и, как зарегистрировавшие владения, могли управлять фермой всю жизнь и передавать ее по наследству одному из своих детей. Такого фермера нельзя было без всякой причины лишить земельного надела, но невозможно было ему и покинуть его без разрешения. Законным владельцем фермы

являлся собственник земли (Grundherr). В свою очередь, фермер должен был платить ежегодный процент с хуфена, своего рода, налог на собственность, в дополнение к другим своим обязательствам. Хуфен было принято считать площадь около 15,6 га. Фермер этой колонии должен был еженедельно собственной техникой и на собственных животных обрабатывать государственные владения (домены), а также выезжать на заготовку зерна и леса, строительство дорог и другие общественные работы. Эта колония работников в вечной пахоте воспринималась угнетаемой.

Литовские крестьяне должны были обрабатывать земли в качестве трудовых фермеров 3–4, а то 5–6 дней в неделю, оплачивать за крестьянский надел земли по её плодородности и размеру участка, за скотину, отдавать часть урожая, строить церкви, школы, здания поместий, ремонтировать дороги, мосты, административные постройки, возить дрова, почту, охранять лес и множество других работ.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015525
 Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0. Gut, Ernte, Nachharken. (1925), © Louise Rothe, Tollmingen

Слабое экономическое и социальное положение фермеров никак не менялось, негативный процесс фактически усилился. Нагрузки на фермеров зачастую превышали их возможности, многие уезжали или вынуждено оставляли свои дворы, количество «заброшенных» полей увеличивалось. Понятно, что при данной ситуации неурожаи привели к

голоду, а эпидемии в последствии сказались на гибели людей и животных.

Неудивительно, что несколько лет спустя чума разразилась катастрофой. Эпидемии чумы 1658 года опустошила и приход Толльмингкемен.

В самом начале XVIII века Пруссия оказалась в центре внимания основных европейских политиков: после долгих и трудных переговоров сыну и преемнику Великого курфюрста удалось получить одобрение германского императора в Вене на получение герцогством Пруссия, не входившего во владения Священной Римской империи, в

отличии от Бранденбурга, курфюрстом которых был Фридрих III, – статуса королевства. 18 января 1701 года Фридрих I короновал себя «королем в Пруссии» в Кёнигсберге. Последовала длинная череда пышных праздников и пышных народных гуляний.

Королевский титул Фридриха I был действителен только в прусской части страны, но не в центре Бранденбурга или в других частях всего обширного государства, которое в то время состояло из нескольких не связанных между собой территорий от реки Мааса на западе (герцогство Клеве) до Мемеля (река Неман) на востоке (Королевство Пруссии) – их было предостаточно. Однако менее чем через сто лет все государство Бранденбург–Пруссия было названо Прусским королевством. Вместе с королевским титулом передано и название Пруссия всему государству. Так бывшая орденская земля и маленькое герцогство Пруссия дала своё название позднее ставшей средневропейской великой державе. Поэтому с середины XVIII века необходимо проводить различие между государством Пруссия в целом и его восточной частью Пруссия, которая позже станет называться Восточной Пруссией. Дело стало еще более любопытным, когда позже восточная часть страны была административно разделена на Восточную и Западную Пруссию. Теперь на востоке всего государства Пруссия была провинция, которая назвалась Западной Пруссией. Далее для различия указывается, что Восточная Пруссия, в отличие от государства в целом, имеется в виду только восточная часть страны.

Новый король в новом королевстве Пруссия Фридрих I, следуя французской моде, любил пышность и великолепие. Не только в бедной Бранденбургской Пруссии эта роскошь резко контрастировала с тяжелым положением населения. Во времена барокко государства в Европе тоже мало чем отличались. В восточной части Пруссии высокие налоги и жёсткие требования повинностей в сочетании с отсталыми методами ведения хозяйства привели к тому, что фермеры оказались в едва терпимой нужде. Ни король в Берлине, ни администрация амтов в стране, не стремились к серьезным улучшениям.

Ещё не забыты населением зверства от татарских нашествий, как надвигалась ещё большая беда: ЧУМА. В то время эпидемии не были редкостью голодных годов, вызванных войной или неурожаем. Многочисленные эпидемии накрывали Восточную Пруссию, только в XVII веке на чуму пришлось 14 лет. Народ принял эти годы фатально. Эпидемии вызвали значительные потери среди населения,

но оставались в пределах региона и зимой затухали сами по себе.

С 1703 года случаи чумы неоднократно возникали в Польше в период Северной войны. Прусские власти принимали все более жёсткие меры для предотвращения распространения эпидемии: пограничные переходы охраняли солдаты, пограничные мосты сносили и лесные дороги вырубали, путешественников помещали в карантин, а их одежду и багаж сжигали. Чрезвычайно суровая и очень долгая зима 1708/09 годов уничтожила озимые после того, как уже в предыдущие годы

случались неурожаи. В результате возникли нехватка продуктов питания, инфляция, голод и болезни, особенно чувствительно это коснулось бедных областей страны – Мазурии и Прусской Литвы. Более подготовленной почвы Чума не могла найти. В августе 1709 года чума вспыхнула в Кёнигсберге. Говорят, что её завез портной, прибывший на корабле из Данцига. Правительство немедленно переехало в Велау. Несмотря на строгие ограничительные меры, болезнь быстро распространилась по территориям Замланда, Натангии, Прусской Литвы и, наконец, Мазурии. За несколько месяцев по всей стране умерло более 100 тысяч человек. Суровой зимой 1709/10 годов эпидемия чумы прекратилась в западной части страны, а Кёнигсберг потерял четверть населения.

В восточной части восточной провинции Пруссии, конкретно на территории Прусской Литвы, смерть не прекращалась даже зимой. А в последовавшее за этим жаркое и засушливое лето эпидемия усилилась, непрекращающимся голодом, и достигла невообразимой силы. У людей больше не было сил сопротивляться смертельной болезни. Гражданская администрация вся расстроилась, поддержка церкви прекратилась. Отчаяния людей росли, мораль общества слабела, распространялось беззаконие, свирепствовали суеверия.

В 1709 – 1710 годах снова уменьшилось число жителей в Малой Литве. Большая часть крестьян вокруг Толльмингкемена вымерла, усадьбы стояли пустыми. Во всём этом церковном приходе после чумы осталось лишь пять ремесленников. Немецко-британский

писатель и переводчик Мартин Бэхайм-Шварцбах исследовал состав жителей Восточной Пруссии в 1736 году. Он доказал, что в этом крае местных немцев никогда не было: жили только местные литовские и после переселившиеся сюда немцы.

Зимой 1710/11 годов чума исчезла, оставив после себя разрушенную страну. Точное число погибших определить не удалось, зачастую не было никого, кто бы мог подсчитать и зарегистрировать жертвы. По достоверным оценкам, во всей Восточной Пруссии погибло около 240 000 человек – более трети населения. Однако отдельно каждая территория страны пострадали в различной степени: в то время как Оберланд на западе пострадал меньше всего, «Черная смерть» особенно жестоко свирепствовала на востоке – в Прусской Литве, в будущем административном округе Гумбиннен, потеряли 80% (!) жителей. Около 8 500 крестьянских хозяйств опустели, целые районы практически обезлюдели. Были различия и внутри одного района: в лесистом и малонаселенном севере выжило относительно больше людей. Видимо, они там лучше были защищены от заразы. А вот с другой стороны, в густонаселенной южной части округа, положение было прямо-таки катастрофическим: многочисленные деревни были полностью заброшены и вымерли, во многих местах жила только одна или две семьи. Опустевшие дворы пришли в упадок. Где раньше цвели поля, теперь расстилалась дикая пустошь.

В целом можно заключить: эта последняя и в то же время наиболее серьезная чума с ее разрушительными последствиями уничтожила большую часть, созданных более чем за 200 лет, поселений и работ по окультуриванию земель в XVI – XVII веках на северо-востоке Восточной Пруссии. Пришлось начинать заново. В этом отношении разрушительная сила эпидемии была превзойдена только событиями Второй мировой войны в 1944/45 годах.

После такого жуткого несчастья начала XVIII века край не мог быстро восстановиться. Власть Пруссии решила, что нужно сюда переселить новых жителей. *«Бывшая внутренняя колонизация в XVII веке, осуществлённая первым делом для литовцев с целью создания новых поселений в лесах, где требовалась вырубка, на этот раз не могла быть повторена»*, – замечает исследователь Малой Литвы, историк Мартин Бракас. Тогда *«Фридрих Вильгельм I пустые деревни Малой Литвы решил заполнить людьми, переселившимися из других краёв, где их преследовали за веру»*.

В 1713 году умер первый король Пруссии Фридрих I. Его сын и преемник **Фридрих Вильгельм I** будучи ещё наследным принцем познал бедствия северо-восточной Пруссии. В отличие от своего расточительного и любившего роскошь отца, он был скромным и очень экономным. Его первыми действиями государственного уровня в качестве короля становятся увольнение значительной части аппарата при дворе, существенное сокращение зарплаты госслужащим и распродажа дорогостоящих увеселительных дворцов. Вопреки общему мнению того времени, Фридрих Вильгельм I считал, что государь должен заботиться и о благосостоянии своего

населения. Он подавал собой пример: сдерживал себя, много работал и заботился о каждой мелочи. Он понял, что причины чумной катастрофы кроются не только в чуме, но и в невыносимых социальных и экономических условиях крестьян Восточной Пруссии. Вот поэтому «**Ретаблиссмент Пруссии**» («Retablissement of Prussia») – программа по восстановлению страны носила название на французском языке, официальном языке дипломатии того времени, заключалась не только в привлечении новых жителей, но и, прежде всего, предусматривала проведение далеко идущих реформ. Отдельно взятые меры дополнялись другими, взаимодействовали между собой и продолжались два десятилетия.

Во-первых, был стандартизирован и классифицирован в зависимости от качества земли налог на имущество. Для этого ездили по деревням специальные комиссии, одновременно велась инвентаризация страны. Сохранившиеся протоколы того времени повторяют один за другим: «чистая пустошь и необитаемая», «поросшая деревьями», «у домов ни ручки, ни стула» („von den Gebäuden weder Stiel noch Stuhl“). Произошла модернизация

управления: вместо уже не эффективно работавших администраций на крупных земельных площадях, в 1721 году появились более мелкие доменные управы. Это были административные районы (амты) с государственной собственностью (владениями – доменами) и должностными лицами. Служащий амта управлял не только двумя-четырьмя десятками деревень, но он, как арендатор домена, был одновременно и управляющим поместий. Поэтому многочисленные домены были воссозданы путем скупки дворов или приобретения заброшенных крестьянских деревень.

Еще одним направлением экономических реформ было создание десяти новых городов с целью создания сельских центров торговли и транспорта. Для этого удобно расположенным церковным деревням было предоставлены городские права. К числу первых городов, основанных в 1724 году, наряду с Гумбинненом (город Гусев) и **Шталлупёненом/Эбенроде (город Нестеров)**, относится

Пиллькаллен/Шлоссберг (посёлок Добровольск) – Пиллькаллен не был крупнейшим административным центром в этом районе, но имел весомое преимущество: он находился на пересечении нескольких основных транзитных дорог.

Для улучшения слаборазвитого экономического положения восточной части провинции внедрялись передовые среднегерманские, особенно магдебургские, усовершенствованные сельскохозяйственные методы на равнинной местности – обработка земель плугом, применение удобрений, использование телег, животноводство, культура садоводства и т. д. Вот почему иммигранты из Магдебург-

Хальберштадта были очень желанными и предпочтительными.

Социально значимой мерой, которая показала пример всей Германии, а затем определила впоследствии её общественный характер, была отмена в 1719-20 году крепостного права для крестьян, возделывающих королевские (государственные) земли. Правда, эта отмена не освобождала их от обязательств по обработке взятых в аренду земель и работ в трудовых колониях шарверка, но теперь они были лично свободными людьми. Это отличало их от крестьян, работающих на землях частных и церковных землевладельцев, а также на землях, принадлежащие городу.

Введение обязательного школьного образования в 1717 году стало перспективным направлением. Хотя после чумы почти не оставалось учителей и школ, однако реформа послужила толчком для различных и продолжительных преобразований в развитии школьной системы. С той поры теперь в каждой церковной деревне была своя церковная **школа**.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015626
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0. Schule. (1920-1930), ©

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015535
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0.
Umzug am 1. Mai 1934 III. (1934), © Louise Rothe, Tollmingen

В приход Толльмингкемена тоже прибыло много колонистов, особенно из Зальцбурга и Нассау. Однако основная их масса переселилась в 1732 – 1734 годах. Переселение людей в этом приходе осуществлялось в более широких масштабах, чем в других приходах.

По материалам исследовательской работы Эрвина Шпера «Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг».

Одна из фундаментальных работ профессора Эрвина Шпера по истории края Пиллькаллен/Шлоссберг представляет собой полную версию сведений, ценных для интересующихся довоенной историей Краснознаменского района. Великолепный труд состоит из 17 глав от древних жителей до окончания существования района Шлоссберг. Размещён в сопроводительном материале к туристическому маршруту по Краснознаменскому району

http://emmabasova.ru/istoriya_lyudi_pamyat/avtotur_v_zhivopisnyj_krasnoznamenckij_rajon_v_poiskah_ka_mnej_pervoj_mirovoj_vojny/

Осенью 1743 года, когда Донелайтис принял приход Толльмингкемен, опустошённые чумой земли этого округа были практически уже заполнены колонистами. В приходе литовцы тогда составляли лишь одну треть всех жителей, хотя некоторые исследователи не могут согласиться, что переселившихся немцев было так много. Исследователь Малой Литвы А. Матулявичус сомневается, что «в середине XVIII века в приходе Толльмингкемен 2/3 жителей составляли немцы». Всё-таки читать проповедь пастору следовало на двух языках: до обеда – на немецком, после обеда – на литовском.

Во время пасторства Донелайтиса приход Толльмингкемен уменьшился, так как некоторые деревни, находившиеся на окраине, присоединились к соседским приходам. В годы чумы больше всего пострадала юго-западная часть прихода. Донелайтису удалось увидеть, как в 1744 году в этом приходе обжились последние зальцбуржцы и как они в 1745 году вытолкнули из собственных хозяйств несколько крестьян-литовцев. Профессор Лейпцигского университета Франц Оскар Тецнер

упоминает, что деревнях, которые относились к фольварку имения Толльмингкемен, жили 211 мигрантов из Зальцбурга. Однако в некоторых деревнях прихода в то время жили в основном литовцы. Франц Тецнер ещё указал, что появились и новые поселения. Вот, в Роминтской пуще, около реки Йодупе обосновались даже три поселения Йодупенай, в которых обитали совсем другие переселенцы – это бывшие жители Толльмингкемена, изгнанные оттуда.

После чумы осталось много пустых земельных площадей – пустырей, колонизировать которые было намного трудней, чем выгонять из своих хозяйств литовцев-крестьян. Запущенные земли заселялись и позже, во второй половине XVIII века, когда огромные пространства, покрытые лесом, были облагорожены: лес вырублен, пни выжжены. Таким образом, окультуренные земли были представлены новыми жителями – колонистами.

После 1750 года в деревне Толльмингкемен пало много скота, сильно пострадало и имение. 29 июня 1776 года судебной коллегии Инстербурга Донелайтис писал: *«Эпидемия животных в этом крае, начиная с 1750 года, свирепствовала 5 раз, сделала много убытков, особенно нашему поместью, всего осталось 8 худых коров. Таким образом, амтман Беринг вынужден был отказаться от услуг пастухов*

на один год и эти несколько коров отдать на пастбище к нам, нашему пастуху... По этой причине пострадали пашни поместья и луга, а деревенский скот, кроме скота корчмаря Шликера, остался в здравии, а земля, как и раньше, была культивирована и не потеряла своей плодородности. Этот нелепый случай приносил убыток полям поместья до самой войны 1757 года. Поля и пашни пастора постоянно хорошо обрабатывались, потому что выжил скот. Урожай пастора был намного богаче урожая амтмана». Этот случай для Донелайтиса – очень важный, т.к. позже амтман Руйгис, зять Беринга и наследник, старался «оскудевшее поле по добывающейся сепарации отдать мне и другим владельцам, чтобы наши первосортные земля захватить».

Около 1760 года в приходе Толльмингкемен насчитывалось до 4000 жителей. В 1799 году на вечернюю службу в церковь приходили 1259 немцев и 890 литовцев, поэтому проповедь читалась на двух языках.

Донелайтис понимал, что с точки зрения национального вопроса, приход был смешанным и пастор должен был знать литовский язык. Позднее, в 1773 году, в метрической книге церковного крещения Толльмингкемена он своего приемника предупредил: *«Пускай твои сыновья, если ты*

их будешь иметь и пожелаешь связать с теологией, пускай хорошо они выучат литовский язык, чтобы они достойно смогли руководить приходом на литовском языке. У меня был прецентор Тортиловский, над которым смеялись, когда он читал проповедь. А теперь он эту необходимость знать литовский язык всем акцентирует:

”Я прошу, чтоб каждый кто будет служить Божьей церкви в Литве, твёрдо осознал, что у литовцев, на самом деле, нет безвкусицы, они сразу почувствуют даже самую малую фальшь произношения или конструкции языка. У меня есть примеры из личного опыта. Один известный человек, прекрасно говорящий по-литовски, как-то раз мне сказал: «Я слушал проповедь, у которой все слова были на литовском, но я не понял, о чём там говорилось»”».

Проповеди самого Донелайтиса бывали очень интересными. Вот как пишет С. Мюлер, архиприсвитер Гумбиннена (город Гусев), приехавший с инспекцией в приход Толльмингкемен в 1774 году: *«Местный пастор Кристионас Донелиций... читает проповеди на немецком и на литовском языках, а на последнем очень хорошо, мастерски».*

Деревни всё ещё оставались литовскими, хотя в некоторых из них около половины жителей считали себя немцами и разговаривали по-немецки.

Во времена Донелайтиса Толльмингкемен – центр большого прихода – был более других населённых пунктов отдалён от больших городов и хороших дорог, однако он не был глухим захолустьем. В 1745 году по нему была проложена широкая и длинная, обсаженная деревьями дорога. Около поселения Праслаукиса она сливалась с почтовой дорогой: Голдап – Киаутен (пос. Смирново Озёрский район) – Гумбиннен – Кёнигсберг. Итак, основная почтовая дорога через Толльмингкемен не проходила, а огибала его за 9 км западнее посёлка. Но она всё же соединяла Толльмингкемен с центрами других приходов и с деревнями, которые принадлежали приходу Толльмингкемена. И пересекались дороги на все четыре стороны света тоже здесь. В десяти километрах на восток от Толльмингкемен находился Мелкемис, а на северо-западе – Вальтеркемен (пос. Ольховатка Гусевского района); это были приходские посёлки, в которых служили пасторами друзья Донелайтиса. В двадцати километрах на север-запад располагался Гумбиннен, а немного севернее – Шталлупёнен. До родного Лаздинеляй – тоже двадцать километров.

Населённый пункт Толльмингкемен состоял из королевского поместья и деревни, носивших то же название. Королевское поместье в Толльмингкемене, по собранным Донелайтисом документам, было построено в 1732 году. Крестьяне, чья земля находилась вблизи поместья, были выселены из хозяйств, а их земли присоединили к поместью.

Поля поместья Толльмингкемена увеличивались и позже, в 1747 году, когда Донелайтис уже работал пастором в этом приходе. Он видел, как крестьян обижали: отняв землю, выгоняли прочь.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015520
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0.

Gut, Junge Helfer bei der Ernte. (1925), © Louise Rothe, Tollmingen

Работавший ранее прецентором в Толльмингкемене приятель поэта Шпербер помог Донелайтису переехать из Шталлупёнена и обосноваться в 1743 году в Толльмингкемене. Он показал, где начинаются приходские поля, а где общие пастбища. Каждому пастору выделялось 4 уба земли. Донелайтису досталось 5 убов, ибо к четырём убам приходских добавили ещё один уба для пасторских вдов.

Донелайтис знал об опасности соседства церковных земель с землями поместья. Будучи человеком осторожным и дальновидным, он предложил сепаративный план земли, в котором должны были ясно и точно отмечаться границы полей поместья и приходских земель. С точки зрения церкви такой план был честным.

Ещё в 1745 году из церковных полей была выделена земля для строительства дорог. Пастор Толльмингкемена лишился участка земли. Убыток этот должно было компенсировать поместье, отдав столько же земли, но в другом месте. Однако поместье своих обязательств не выполнило, поэтому позже по этой причине между пастором Донелайтисом и управляющим поместьем Теофилом Руйгисом произошёл конфликт.

Управляющие поместьем Толльмингкемен часто менялись. В воспоминаниях первым отмечается Юргенс, затем Беринг, после смерти которого в 1766 году управляющим стал его зять Руйгис. Он как мог старался обрезать, уменьшить церковные земли, чтобы увеличить площади владений поместья. Из-за затей этого управляющего у Донелайтиса возникло много забот и неприятностей. Несогласий и конфликтов избегать не удавалось. Судебные разбирательства, унижения по поводу недоверия, насмешки над его объяснениями причиняли боль уже немолодому священнику и весьма омрачали последние годы его жизни. Очень чутко, иногда строго, даже сердито, возможно, не совсем тактично, он реагировал на обидные замечания управляющего Руйгиса, на наглые его выдумки – и решительными, ясными аргументами давал отпор ярым нападкам, не соглашаясь на компромиссы. Он даже предупредил будущих пасторов Толльмингкемена, своих последователей, чтобы те не обвиняли его по поводу недостаточной заботы о церковных землях: мол, я воевал, сделал всё, чтобы сохранить для церкви по праву принадлежащие ей владения. Предложенная сепарация на условиях, предъявленных Донелайтисом, выполнена была позже, уже после его смерти.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015508
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0.

Gut, Das letzte Fuder Roggen wird eingefahren. (1920-1935). © Louise Rothe, Tollmingen

Во времена Донелайтиса в центре прихода Толльмингкемена, как указывает биограф пастора-поэта профессор Лейпцигского университета Франц Оскар Тецнер, жили почти что одни немцы: управляющий (амтман) и арендатор королевских земель (домен), пять свободных и двести выполняющих крепостные повинности крестьян. В церковной деревне стояла кирха и школа. Пастор Кристионас Донелайтис много сделал во благо

Толльмингкемена: в 1756 году на месте старой (второй) церкви построил новую, каменную – по счёту третью; в 1760 году отстроил сгоревшую школу; в 1764 году его заботой и на его же средства был построен вдовый дом.

За Семилетнюю войну (1757 – 1763) приход Толльмингкемен «остался непострадавшим и лишь издалека видел горе своих собратьев». Многие члены прихода занимались сельским хозяйством, т.е. собственноручно работали в хозяйстве; другие – нанимали рабочих на придомовые или полевые работы. Нашлись и иные дела. Например, сельскохозяйственные продукты перерабатывала пивоварня. Такой пивзавод был и в волости Толльмингкемен во второй половине XVIII века. Он обеспечивал здесь существование семи местным корчмам, в соседней волости Вальдукадель (пос. Степное) пивоварня обслуживала 4 корчмы.

Работали две мельницы. Для их обслуживания тоже требовались рабочие. Ветряная мельница, построенная мельником Жемайтисом, с 1774 года работала у деревни Саманинай (пос. Докучаево). Другая – только водяная мельница – была в Мотцкунен (Мотцкунай, ныне поселение не существует). Остатки последней можно найти и до сих пор северо-восточнее посёлка Чистые Пруды.

Были лесорабочие, плотовщики. Лесоматериал из Роминты по рекам сплавливались в города Гумбиннен, Инстербург и другие. В 1764 году Людвиг Цизерис в Киаутен (с 1938 года Целльмюле, пос. Смирново Озёрского района) построил себе мельницу по изготовлению бумаги. Спрос на бумагу был необыкновенно

большой, и в 1770 году у него появилась вторая мельница, которую он передал своему зятю Августу Риделю. Изготовленная ими бумага была очень высокого качества, имела водяные знаки и активно экспортировалась. Итак, во второй половине XVIII века в Киаутен две мельницы, изготавливающие бумагу из ветоши и древесины, получаемой от рядом шумящей Роминтской пуши, прославилась своими изделиями. Одна мельница была построена около воды, где раньше находился железо-литейный завод, вода там падала с высоты 15 футов.

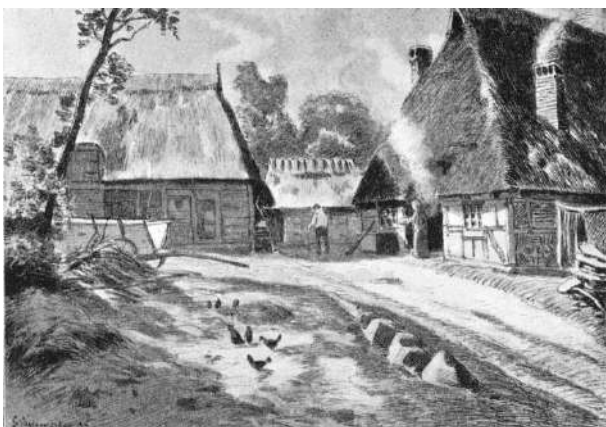

Лесоматериала было много, и стоило его перерабатывать. С XVIII века была налажена поставка древесины из Пуци в Кёнигсберг. Правительство приглашало жителей к заготовке леса, торфа, поташа, древесного угля, смолы, мёда и воска. Однако уже к середине XVIII века стала очевидна необходимость ограничений по использованию леса. Был введён запрет на

посещение Роминтенской пуци без специального разрешения, независимо от целей и намерений. Но древесину всё же продолжали заготавливать и ежегодно на торги выставлялись квоты на вырубку и заготовку древесины.

Благодаря ежегодным высадкам молодняка (в основном хвойные) Роминтенская пуца содержалась в первозданном диком состоянии. В Шельдкемене (Желдкемис, Шелден, пос. Сосновка) была специальная контора, в обязанности которой входил лесосплав. В приходах функционировали пилорамы.

В Роминтской пуце работала смоловарня, где гнали смолу и изготавливали жжённый уголь. Всё это было нужно для литья меди и железа. Из них отливали медную посуду, колокола, пушки. Такая литейная мастерская, как указывает Аундрюс Эндзинас, функционировала в Киаутене. В соседской деревне вроде бы жили рабочие-литейщики и ковщики, поэтому и деревня была названа Веркене – Варкаляй/Вярксняй (ковать медь).

В приходе Толльмингкемена, именно в этой самой волости Киаутен, было якобы много болотной руды и из неё выплавляли железо. Недалеко от старой кузницы был посёлок Гележунай (от литовского слова gelezis – железо), в котором жили рабочие кузнецы.

В приходе Толльмингкемена функционировали валяльни и масловыжималки, изготавливали поташ: трудоёмкий процесс обработки горячей

водой древесной золы, а затем из полученного раствора – дров, горящих в кирпичных печах, до получения на дне кристаллов поташа, – требовал особых приемов: от умения рабочих зависело качество поташа.

Таким образом, уже во времена Донелайтиса в его приходе, кроме земледелия, существовали и различные промыслы.

Во времена Донелайтиса в приходе Толльмингкемена существовало пять сельских школ и одна церковная школа в центре самого прихода. Как мы уже упомянули, специфика восточной территории провинции Восточной Пруссии в том, что в Малой Литве появилось большое число переселенцев. По этой причине в округе прихода была открыта ещё одна школа – для детей реформаторов. В списке школ за 1744 – 1754 годы, написанные рукой самого

Донелайтиса, где есть и литовские и немецкие фамилии, – кстати, среди литовских фамилий есть и прототипы настоящих фамилий буров (крестьян), изображённых в поэма «Времена года», – реформаторы вели хозяйство обособленно.

В 1968 году в Гёттингене была выпущена трёхтомная книга «История евангелических церквей в Восточной Пруссии» доктора Вальтера Губача (Walter Hubatsch, 1915 – 1984), немецкого историка, уроженца Кёнигсберга, в которой представлена краткая история здания церкви Толльмингкемена и предьявлен интересный факт: *«оштукатуренное здание, построенное из полевых камней на месте ранее стоявшей церкви, было сооружено в 1756 году ремесленниками-зальцбургцами...»*

Во время проповедей, объяснений истины Евангелия, Донелайтиса, и как священника, и как учителя, заботило не только то, чтобы открыть прихожанам вечные ценности жизни. Первым делом он старался пробудить у них желание порядочней жить, помочь сориентироваться, что хорошо и что плохо.

Испещренные эмоциональными заметками метрические книги крещение показывают, что пастор Толльмингкемена очень заботился о нравственности прихожан, прекрасно зная природную натуру человека. Он осознавал, что очень важно заботиться о детях и молодёжи, ибо они следуют по стопам своих родителей.

«Ансас Рекетатис был весьма беззаботным отцом, который вырастил детей в такой темноте, что они приняли конфирмацию лишь в 18, 19 и 20 лет от роду ... мать – Катарина Паукитинатин, в девичестве Stokin. Вся семья будто из свинарника, так как и её мать тоже беспутница. Мать Катарина Пинауин личность свинячья. Её родители были бедные и глупые люди, жили почти так же, как их дочь», – запись от 18 декабря 1779 года Критсионаса Донелайтиса.

Всё-таки очень осторожно надо бы оценивать в настоящее время встречающиеся в немецких литературных изданиях изречения о том, что *«особенно трудолюбивый и консервативный элемент в 1732 году составили потомки зальцбургцев»*. Но ведь на этой земле жили и с любовью воспетые К. Донелайтисом буры – крепостные крестьяне. Они были труженики, и исполнители – только, к сожалению, брошенные на произвол судьбы. И если бы не поэма «Времена года», они так бы и канули в Лету.

Донелайтис приложил много усилий и энергии к работе приходских школ – инспектирование школ было ответственной и сложной работой пастора. Следовало проверить деятельность учителя, его готовность к работе, знания учащихся, позаботиться о квартире для учителя и о помещениях для школы, о её ремонте, обеспечить школу партами и столами. Нужно было создать учащимся благоприятные условия для посещения школы. Пастору каждого прихода следовало быть образованным человеком, идущим впереди интеллигенции. На самом деле таким и был пастор Толльмингкемена, стремившийся, чтобы дети прихода учились, стали образованными людьми. В составленном Донелайтисе списке школ не только указана принадлежность той или иной деревни к школе, но и точно отмечено расстояние от деревни до школы, с тщательным педантизмом описана ведущая туда дорога, по которой дети ходили в указанную школу. Из описаний видно, что и в области надзора за школами Донелайтис был таким же усердным и честным, как и в основной пасторской работе.

В опубликованной биографом Донелайтиса доктором Францем Оскаром Тецнером отчёте о проверке церкви Толльмингкемена в 1779 году говорится: *«Жители прекрасно ладят с пастором, прецентором и учителями, дети хорошо подготовлены к чтению, знают истины катехизиса... в литовском языке показывают лучшие знания, чем в немецком... На проповеди взрослые литовцы и немцы принимают катехизацию на их родном языке, для конфирмации еженедельно проводятся занятия: литовцы – в понедельник, немцам – во вторник... Пастор, а особенно прецентор, как и мастер обучения, любимы и имеют много похвал. Прецентор умеет читать интересные проповеди, а Донелайтис особенно хорошо, с большим успехом читает на литовском языке»*. Ф. Тецнер вообще-то очень хорошо оценил педагогические способности К. Донелайтиса: *«Я бы хотел в истории педагогики поэту приписать передовое место... не должно остаться незамеченными, что его личный вклад в образование заслуживает признания»*.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015526
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0.
Gut, Vesper der jungen Erntehelfer. (1925), © Louise Rothe, Tollmingen

На каком языке в приходских школах Толльмингкемена обучались дети? Возможно, уже главенствовал немецкий? Тем более что во многих деревнях прихода литовцы уже составляли меньшинство жителей. По утверждению литовского писателя, философа и литературоведа Леонаса Гинейтиса, в школах того времени *«писать и считать не учили: цель была лишь научить Библию и пользоваться церковными песенниками... Западные литовцы, хотя и читали "на своём языке" сочинения религиозного содержания, на*

протяжении XIX века почти совсем ассимилировались». Кристионас Донелайтис со своими соотечественниками ещё читал в церкви Толльмингкемена проповеди на литовском языке, однако после смены двух поколений, в 1854 году в этом приходе была прекращена служба на литовском языке.

Однако власть Пруссии об образовании и воспитании детей заботилась. Например, в 1872 году община прихода Толльмингкемена при помощи соседних областей и крестьянина Арендта создали в Мельдинен (поселение не существует) Бетанию – приют для сирот, а позже в 1898 году – Эммаус, т.е. воспитательное учреждение, которое переросло в школу почти на сто учащихся.

С течением времени количество школ росло. В начале XX века при пасторстве Гуго Фрайберга в приходе Толльмингкемен функционировали 13 школ. Пастора Фрайберга как учителя конфирматийцы (учащиеся) очень боялись, ибо он требовал учить многие тексты наизусть, был строгим учителем, даже наказывал. До 1913 года пастор Толльмингкемена был инспектором всех тринадцати церковных школ.

Как проходила жизнь после Первой мировой войны, рассказывает последний пастор Толльмингкемена Эмиль Мойзых, назначенный руководителем прихода после Гуго Фрайберга: *«Уже в 1916 году, перед адвентом был создан церковный хор, в котором пели женщины и девочки. Вначале руководителем хора был прецентор Веер. Из-за его болезни хором стала руководить жена пастора, которая исполняла эту миссию до самого 1944 года. Это, возможно, был исключительный случай в Восточной Пруссии, когда в сельском приходе церковный хор непрерывно существовал более двадцати лет. Хор пел на всех праздниках и на свадьбах членов прихода. Когда у хористок дети становились взрослыми, женщины и их туда приводили, и даже мужей – хор со временем стал смешанным. Вскоре был создан и духовой оркестр, в котором играли 15 человек. Позже нацисты его деятельность запретили»*.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015518
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0.
Gut, Das Getreide ist in der Scheune, zur Belohnung gibt es Schnaps. (1920-1935), © Louise Rothe, Tollmingen

По словам Мойзыха, приход Толльмингкемена был достоин похвалы за беззаветное служение, за исполнительность и сознание долга, за готовность всегда помогать людям.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015421
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0.
Gut, Wirtschaftshof im Winter vom Gästezimmer aus, Gemälde. (1925) ©

Очень тяжёлым был 1917 год. Зиму 1917 – 1918 года долго вспоминали как «зимы репы» – видимо, когда не хватало продуктов, питались репой. И всё-таки это не помешало по случаю праздника Рождества Христова собрать и отправить около 4000 полевых посылок. В 1917 году в Баллупёнене (посёлок Дубовая роща) были поселены 80 волынских пленных. Жили они в страшной бедноте: без мебели и оборудования, плохо одетые и голодные.

Община прихода этим бедолагам смогла собрать и подарить 80 посылок. Особое направление заботы и работы прихода составило благоустройство единственной библиотеки в приходе Толльмингкемена. Библиотека располагала почти 600 томами книг и не ощущала недостатка в читателях.

Пастор Мойзых благодарил судьбу, надолго связавшую его с Толльмингкеменом. Уже при введении его в сан он изъявил желание на 30 лет остаться пастором в этом приходе. Своё желание он объяснил таким образом: в последние годы это вышло в обычай... Гуго Фрайберг служил пастором с 1886 по 1916 год. Его предшественник Кноббе пастором проработал 38 лет. А до него служивший священником Мониш также 30 лет занимался пасторской работой в Толльмингкемене продолжалось лишь до 18 октября 1944 года – всего 28 лет. Эта дата считается датой распада Толльмингкеменского прихода.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015418
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0. Gutshaus, Hofseite. (1925). © Esther Johanssen

Известно, что в 1817 году государственное имение Толльмингкемен и рядом находившийся Саманинай (пос. Докучаево) купил Ганс Кезвурм. После его смерти Толльмингкемен отшёл его сыну, а Саманинай – дочери Берте.

В 1835 году в Толльмингкемене построена новая кирпичная школа. В 1839 году в поместье насчитывалось 12 жилых домов и 172 жителя: два католика, остальные – лютеране, а в деревне было восемь жилых домов и 64 жителя. Все разговаривали по-немецки.

1898 год для Толльмингкемена был особенный. При пасторе Гуго Фрайберга торжественно был отмечен 300-летний юбилей прихода.

Профессор Лейпцигского университета доктор Франц Оскар Тецнер во время поиска новых данных о личности Кристионаса Донелайтиса в 1896 году посетил Толльмингкемен. Свои впечатления он донёс читателю в известной статье «Через Прусскую Литву», которая печаталась в издании «Со всех сторон света»:

«На пригорке в сторону Толльмингкемена... по тропинкам полей и лугов я дошёл до большой дороги, у которой вместе мирно паслись лошади, коровы, козы, овцы и свиньи. На закате солнца я шёл вдоль фольварка по улице, обсаженной берёзами, от которых ответвлялся ряд лип, мимо дубовой аллеи – и увидел цель своего путешествия: Толльмингкемен. Правее, на холмике, стоит изящная церквушка, её деревянная башня в виде колонны была видна издалека, напротив её – дом пастора, а между ними, в сторону Роминтской пуци, – вдовый дом для пасторских жён. Все три здания были новыми, построенными усилиями Донелайтиса. История Толльмингкемена может иметь ценное значение для истории культуры. Мы редко где имеем такие богатые письменные акты, у редкого маленького поселения была такая волнующая история, которая составила фон для очень важных событий.

В Толльмингкемене я остановился у одного из четырёх свободных крестьян (освобождённые от обязательств по обработке взятых в аренду земель и работ в трудовых колониях шарверка). Отец моего хозяина ещё слышал о Донелайтисе из уст своего отца и рассказывал о крепостном праве, которое отменено в 1807 году...

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015563
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0.
Treibjagd. (1940), © Louise Rothe, Tollmingen

...Я попрощался с Толльмингкеменом и ранним, прекрасным осенним утром отбыл в Тракенай, который находился в трёх милях. Вдоль берёзовых аллей паслись лошади в табунах, до шестидесяти голов. Как и в седой древности, их охраняли верховые пастухи, а вороны стаями кружили в поисках добычи».

В конце XIX века, во время пасторства Гуго Фрайберга, поместьем Толльмингкемен всё ещё управляла та же самая семья – внук Ганса Кесвурма, доктор Зарников.

По материалам статьи Наполеона Киткауускаса и Лаймуте Киткаускене «Приход Толльмингкемена (Толминкемиса)» из книги «Мемориал Кристионаса Донелайтиса в п. Чистые Пруды (Толльмингкемен, Толминкемис). История создания».

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015619
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0
Tierarztthaus und Mehl Niederlage Bouchard. (1931), © Louise Rothe, Tollmingen

К концу 1944 года война докатилась до Толльмингкемена. 22 октября части 11-й гвардейской армии вошли в маленький посёлок. Серьёзных боёв здесь не было, но кое-какие здания были разрушены. В том числе была частично разрушена башня сельской кирхи, стоявшей на холме в самом центре посёлка. Видимо, на ней находился наблюдатель, и артиллеристы профессионально сделали своё дело.

Так начался новый период в истории этого посёлка и этой кирхи. Большая часть местных жителей покинула посёлок к этому времени. Одним из последних уехал 10 октября и пастор кирхи Эмиль Мойзых, прослуживший в неё 44 года. До начала Восточно-Прусской операции 13 января 1945 года в посёлке стояли войсковые подразделения Красной Армии, готовящиеся к наступлению.

Новые жители, переселенцы из нечернозёмных областей России, Белоруссии и Литвы, начали прибывать сюда и обустраиваться на новом месте в конце лета 1946 года. Эшелоны с переселенцами прибывали в Гусев (Гумбиннен) и Нестеров (Шталлупёнен) и там перераспределялись по близлежащим посёлкам. В этот посёлок первыми прибыли переселенцы из Ярославля, Владимирской области и Мари Эл.

На базе посёлка образовался совхоз номер 19. Переселенцы стали обживать в домах бывших жителей, налаживать сельхозпроизводство в имеющихся помещениях и оборудовать новые. Зачастую для этого использовался материал, полученный путём разбора зданий посёлка. Эта судьба постигла и здание кирхи, её активно начали разбирать на стройматериалы для всяческих хозяйственных построек. Кирха быстро разрушилась.

В 1948 году кирха, за исключением башни, ещё стояла целой, но уже не было окон и дверей. В 1950 году упала крыша и была полностью разрушена башня. На территории по соседству с кирхой велась активная хозяйственная деятельность, работали мехмастерские. Осуществлялась заправка техники и замена масла, ремонт – всё это способствовало быстрому разрушению здания.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015693
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0. Bahnhof. (2008), © Wolfgang Rothe, Essen

В 1946 – 1947 годах началось массовое переименование населённых пунктов края. Между нынешними посёлками Ясная Поляна и Чистые Пруды было несколько прудов для разведения рыбы (прудки), и в самом посёлке был большой пруд, ныне засыпанный, поэтому директор соседнего совхоза Ясная Поляна Евгений Львович Быковский предложил необычное поэтическое название для посёлка, позже так же стал называться и совхоз –

«Чистые пруды».

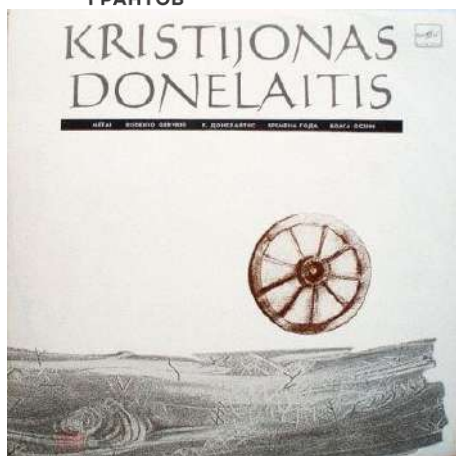
Казалось, старое название посёлка и его богатая история уйдут в небытие. Однако имя поэта-пастора Кристионаса Донелайтиса спасло их забвения. Долгие годы для новых жителей ни название посёлка, ни руины самой кирхи не несли никакого особого смысла. Только в начале 50-х годов прошлого века стала появляться первая информация о культурной значимости этого места. В посёлок из соседней Литвы приезжали люди, которые осматривали руины кирхи и рассказывали о жившем здесь знаменитом пасторе-поэте Донелайтисе.

Уже в наше время, 3 мая 2012 года, знаменитый литовский писатель и литературовед профессор Томас Венцлова (автор Статей о Бродском, статьи «"Кёнигсбергский текст" русской литературы и Кёнигсбергские стихи Иосифа Бродского») на творческой встрече в калининградской библиотеке № 4 на улице Леонова рассказывал, что будучи школьником младших классов, в начале 50-х годов, вместе с отцом приезжал к родственникам, которые с давних лет жили на литовской стороне Виштынецкого озера. И оттуда в один из дней они поехали в Чистые Пруды, где осмотрели уже разрушающуюся кирху. Его отец знаменитый поэт, глава Союза писателей Литвы Антанас Венцлова был членом

Верховного Совета СССР и решился приехать без пропуска в строгую пограничную зону, в которую входил посёлок.

К этому времени кирха уже была серьёзно разрушена, башни не было, стены стояли на уровне плеч человека, да и то не везде. Антанас Венцлова, по воспоминаниям сына, серьёзно озабочился состоянием памятного места – важнейшего для истории литовской литературы – и начал поднимать этот вопрос в правительстве Литвы.

Постепенно жителям Калининградской области становились известны и творчество великого литовского поэта Кристионаса Донелайтиса, и история кирхи, а история эта, как мы уже успели рассказать, была богатой и древней...

По материалам статьи Бориса Бартфельда «Тропа к Поэту» из книги «Мемориал Кристионаса Донелайтиса в п. Чистые Пруды (Толльмингкемен, Толминкемис). История создания».

От посёлка Чистые Пруды держим путь в сторону посёлка Краснолесье, по дороге, буквально через 5 км, сделаем остановку в посёлке Токаревка у знаменитого моста через реку Красная, где и начинается граница Природного парка «Виштынецкий» – легендарная Роминта.

Роминта любит покой и тишину не случайно... Само название происходит от старого прусско-литовского корня «рамнус», означающий покой, тишину, умиротворение. Этот же корень имели и прусские святилища, места жизни богов и жертвоприношений, называемые Ромове.

Основное культивирование леса в Роминтене начинает происходить в XVIII столетии. Местность активно заселяется немецкими крестьянами, изгнанными из своих земель протестантами из Зальцбурга, Швейцарии, Голландии...

Очень много для развития местности сделал прусский король Фридрих Вильгельм I, который своим указом отменил название «пустошь», так как «его Величество не признает более пустошь в своей стране».

Так называемые «лесные объезды» преобразовываются в лесничества, происходит существенная вырубка и сплав леса на хозяйственные нужды и для кораблестроения. Лес официально стал называться Роминтер Хайде (Роминтенская

пуща — от прусского названия святилища язычников «Ромове», также прежде озеро Гольдап — Ромиттерзее, река Красная — Роминте). Начинается искусственное воспроизводство елово-хвойных лесов, ставших основой леса. Организованы два главных лесничества в Нассавен (п. Лесистое) и в Варнен (п. Озерки).

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 008518
Nassaven, Ort mit Oberförsterei, Kreis Ebenrode, M115101-5. Oberförsterei. (1925-1940), © Forstmeister Micke

Ankunft von Wilhelm II. und Auguste Viktoria am Kaiserpavillon.

В 1890 году, после настоятельных уговоров и увещаний главного лесничего Роминтской пуцци фон Норденфляйта и принца Фридриха Карла Прусского, кайзер Вильгельм II, побывав впервые в Роминтской пуцце, «открыл» для себя лес «как старый охотничий резерват семьи

Гогенцоллернов».

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 017282
Jagdbude. Kreis Goldap, MT16100-2. Schule. (1910-1920), © Bruno Perling, Königsberg

По воле кайзера пуцца была превращена в удобные охотничьи угодья. Была произведена реорганизация лесничеств — появились еще два главных лесничества в Роминтен (п. Радужное) и в Житкмемен (Житкемы, Польша). Прокладывается между Гумбинненом и Гольдапом через Шталлупённен железная

дорога локального значения, протяжённостью 90 км, пробегающая по многочисленным возвышенностям, пересекающая реки и овраги, возводятся впечатляющие мосты, проводится телефонная связь, мостятся дороги, под патронажем кайзера строятся школы и церкви. За пять лет почти 25 тысяч гектаров леса были обнесены проволочным забором.

Jagdhaus mit adligem Herren. (1900-1914), © A. Werwath, Stallupönen

Много путешествовавший по северным европейским странам и восхищавшийся их архитектурным стилем Вильгельм II привнес данную особенность и в Роминтскую пуццу. По его инициативе норвежские архитекторы Сверре, Мунте и Ольсен спроектировали и построили в Норвегии бревенчатый замок в стиле норвежского охотничьего дома, состоявшего из двух флигелей, для кайзера и

его супруги, соединявшиеся надземным и подземным переходами.

Здание украшали резные фигуры драконьих голов. Здание полностью было доставлено водным путем в Восточную Пруссию до п. Гильге (канал Матросово), затем по ж/д до станции Тракенен (Ново-Дивное) и на бычьих упряжках в центр Роминтской пуцци в д. Теербуде (п. Радужное).

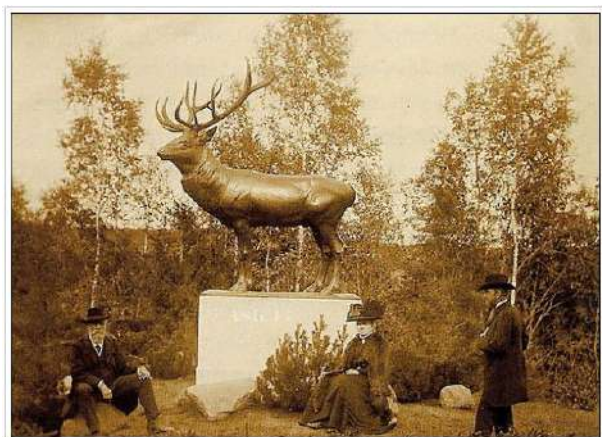
Посёлок Роминтен был достаточно крупным, более 300 жителей. На берегу стоял почтовый офис, гостиница.

Jagdhaus mit adliger Dame. (1900-1914), © A. Werwath, Stallupönen

Спустя три года, напротив замка была воздвигнута из местной древесины норвежская кирха святого Хубертуса — покровителя охоты. Перед кирхой в 1909 году была установлена бронзовая скульптура самого крупного из добытых кайзером в Роминтской пуще оленя с шестнадцатью отростками на рогах, выполненная художником-аниматором, уроженцем города Гумбиннена (г. Гусев) профессором Рихардом Фризе.

Рихард Фризе (сидит) у только что установленного памятника оленю в Роминтен. Сентябрь 1911 года.

Jagdhaus Rominten, Kreis Goldap, MT16101-8. An der Hirschbrücke. (1925-1935). © Krauskopf, Königsberg

Этот же художник выполнил и скульптуры четырех лежащих оленей, расположив их на мосту через р. Роминте (Красная) вблизи замка.

Отдельные дома в поселке Пугачево напоминают о пристрастии кайзера к северному архитектурному стилю.

Wilhelm II. mit dem 24-Ender »Paschak«, den er am 29. September 1910 erlegt hat.

В период с 1890 года по 1913-й, из прочего числа диких животных, добытых в Роминтской пуще, трофеями кайзера стали более 337 крупных оленей с капитальными рогами, в том числе и олень с 44 отростками. Он бывал в

Роминтской пуще каждый год на две-три недели с середины сентября до начала октября. В некоторых местах, где охотился Вильгельм II были установлены памятные камни. Некоторые можно найти и сегодня на территории природного парка «Виштынецкий».

Die Rominte durchfließt die Heide und verleiht dieser einmaligen Naturlandschaft ihr Gepräge (Historische Aufnahme).

Во времена Ваймарской республики, социал-демократического правления в Восточной Пруссии, вплоть до прихода нацистов к власти, природный заповедник «Роминтер Хайде» находился в ведении Управления лесного хозяйства Гумбинненского правительственного округа, стал местом отдыха (озеро Мариново) для жителей близлежащих городов и деревень.

На время гона благородного оленя, для проведения загонных охот на других диких животных лесничими приглашались охотники со статусом членов Правительства из Кёнигсберга и Гумбиннена. Здесь охотился главный егермейстер.

Eingebettet in die Wälder: Jagdschloß Rominten

Foto Plan und Karem

Охота была не только привилегией богачей. Так, например, в округе Мемельланд на крайнем севере Восточной Пруссии, население которого в 1939 году составляло 145 000 человек, право охоты имело около 500, включая нескольких женщин. Кроме того, охота в государственных лесах являлась прямой служебной обязанностью 60–70 сотрудников лесного управления. Право охоты на земле, находящейся в частной собственности (как

правило, это были поля), обычно сдавалось в аренду тому, кто больше заплатит. Площадь индивидуального охотничьего участка составляла порядка 75 га. Высокопоставленные сотрудники лесных управлений могли за небольшую плату получить право на охоту в государственных лесных угодьях, а все лесники могли неограниченно охотиться на хищных и вредных зверей.

Kunze/Wann 2008

Осенью все охотники округа – лесничие, фермеры, врачи, торговцы, учителя и представители других профессий, к которым нередко присоединялся и местный пастор – встречались на многочисленных коллективных загонных охотах. Охотились в основном на зайцев и лис, которых добывали в больших количествах. Тот, кто добыл за день больше всех, признавался Королём Охоты. Это, однако, могло влететь ему в копеечку, так как финал

охоты – так называемая «облава на тарелки» – разворачивался неизменно в пивной, и охотники нередко не расходились по домам до утра.

Знаменитые немецкие фирмы, такие как Генрих Барелла из Берлина, представляли в Кёнигсберге охотничьи ружья. Помимо отечественного оружия из Зуля и Зелла-Мехлиса, в Восточной Пруссии, как и в Германии в целом, хорошей репутацией

пользовались бельгийские ружья. Лесничие Роминтена предпочитали маузеровские карабины с ложей типа «штютцен». Эти карабины вдохновили Тео Юнга на создание ограниченной серии в 100 экземпляров винтовок Edition Rominten.

Любимец Геринга и большой знаток охоты, последний главный лесничий охотничьего заповедника Роминтер Хайде Вальтер Фреверт, был также известен как соавтор серии охотничьих ножей.

Вот небольшая история.

"Старший лесничий Вальтер Фреверт (Walter Frevert 1897 –

1962) был известен как признанный автор охотничьей литературы. Его авторству принадлежат книги о разведении и воспитании кровавых гончих, охотничьих обычаях и переработка в новом духе классической работы "Das deutsche Waidwerk" авторства Ferdinand von Raefeld, по которой учились поколения немецких, а потом – и советских, охотников.

Фреверт также был сторонником добывания подранка из-под собак холодным оружием. Он создал собственный проект охотничьего ножа, воплотить который предложил оружейному мастеру Отто Дула (Otto Dula). Тот изготовил прототип, которым Фреверт после испытаний оказался вполне доволен. Он даже позволил фирме запатентовать свой нож.

Патентная заявка на Waidblatt nach Forstmeister Frevert была подана 8 мая 1936 г. Согласно ей, особенностями конструкции изделия считались:

1. Расширяющийся от острия клинок (такую форму не имел ни один подобный охотничий нож).
2. Утолщенный за острием клинок.
3. Короткая, в сравнении с общей длиной оружия и другими охотничьими ножами, рукоять".

Заявку запатентовали.

В отличие от ножа Липперта, предлагаемый инструмент Waidblatt соединял в себе конструктивные особенности традиционных орудий немецкой охотничьей культуры: секача-Praxen и охотничьего меча-Hirschfanger. Новый нож имел массивный клинок с вынесенным к острию ударным центром. Таким клинком можно было срубить на огневой позиции ветви, ограничивавшие обзор, или рассечь кости таза

при разделке туши (для чего наши охотники обычно применяют топорик). Его боевая часть имела дулезвийное S-образно изогнутое острие, рассекавшее ткани туши, в том числе кровеносные сосуды как при нанесении укола, так и при извлечении оружия из раны. Липперт подал на свое изобретение патентную заявку от 21 октября 1936 г. и уже 3 декабря 1936 г. получил имперский патент, защищавший его интеллектуальную собственность.

Нож Фреверта немецкие охотники покупали охотно, так что производитель стал подумывать о промышленном производстве, какое и перепоручил фирме E. Dittert из Neustadt/Saale. Кожаные ножны изготавливала фирма Hruby Hachenburg/Westerwald. Дула продлил патентную защиту дизайна ножа (Geschmackmusterschutz) еще на три года, его конкурент Шерпинг не сделал этого ввиду отсутствия заказов. Но по истечении второго срока в 1942 г. было уже не до производства охотничьих ножей.

Оккупировавшие Германию союзники и вовсе отдали в числе прочих распоряжений по "денацификации" и такое: сносить в ратуши все ножи с клинками длиннее семи(!) сантиметров.

Когда с 1950 г. немцам вновь разрешили охотиться, вернее, восстанавливать своими силами охотничье хозяйство, разрушенное войной, Фреверт вновь связался с Дулой на предмет возобновления производства ножа. Дула обратился в славный город Золинген, но там уже всю творилось второе немецкое чудо: никто не хотел производить какой-то охотничий нож малыми партиями, интересны были только тысячные заказы под гарантии со

стороны заказчика. Дула предпочел отказаться. В том же 1950 г. пиратское производство ножа Фреверта начала фирма Carl Eickhorn. Ее изделия имели на клинке вытравленную надпись "Original Forstmeister Frevert". Однако, с 1952 г. производитель был вынужден ее сменить на "Waidblatt Original Eickhorn Solingen".

Русские в Роминтене

Rominten. Heide mit den dunklen Wäldern im Hintergrund gibt dieser unermessliche Park.

В последние годы возрос интерес к истории Роминтской пушчи, при этом чаще она упоминается как заповедник императорских охот и логово нацистского преступника Г. Геринга. В то же время мало кому известны страницы истории пушчи, связанные с пребыванием там наших соотечественников. В

связи с этим хотелось бы обратить внимание на присутствие подданных Российской империи в гостях у кайзера Вильгельма II в его охотничьей резиденции в Роминтене.

Наиболее известно и освещено в воспоминаниях посещение Роминтена графом Сергеем Юльевичем Витте (1849—1915), который был здесь дважды, — в 1896 г. как министр финансов и 1905 г. как Председатель Комитета министров. В первом томе мемуаров пребыванию в пушче в 1905 г. он посвятил 29-ю главу.

Вот как описывает Витте императорскую охотничью резиденцию: *«Роминтен — охотничий замок. Он представляет из себя простой двухэтажный деревенский дом, против которого находится другой дом, тоже двухэтажный, еще более простой конструкции. Вторые этажи обоих домов соединяются крытой галереею.*

Большой дом и часть второго этажа меньшого дома занимают Их Величества, а остальное помещение — свита и приезжающие. Замок находится на небольшой возвышенности. Вокруг него находятся несколько маленьких домов для службы. Затем вблизи деревня, вокруг леса, где ежедневно во время пребывания в Роминтене охотится Император. Он и вся свита, как и гости, носят охотничьи костюмы. Император ведь особый охотник до форм. Вся жизнь весьма проста; комнаты также весьма просты, но, как всегда у немцев, все держится в большом порядке и чистоте».

Помимо описаний императорского охотничьего замка и поселка, Витте характеризует нравы и обычаи, а также упоминает присутствовавшего при встрече графа Ф. фон Эйленбурга. Плодотворная встреча в Роминтене закончилась для Витте тем, что, помимо традиционного подарка — портрета кайзера с автографом, главе Комитета министров была вручена цепь ордена Красного Орла.

Упоминает присутствие Витте в Роминтене и рейхсканцлер Германии Б. фон Бюлов. В мемуарах он описывает приезд Витте в Роминтен после Портсмутской конференции.

Кайзер Вильгельм II в телеграмме Николаю II уточнял, что ждет Витте в Роминтене. Телеграмма отправлена 11 (24) сентября из охотничьего замка, а уже 13 (26) сентября Витте прибыл в Роминтен.

полковн. В. А. МЯСОЕДОВЪ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПОЛЕВОЙ ЭВАКУАЦИОН-
НОЙ КОМИССИИ

Другой часто упоминавшийся в свете определенных событий гость Вильгельма II в Роминтене — **начальник жандармского отделения во Вержболово, полковник Сергей Николаевич Мясоедов (1865—1915)**. Чаще всего говорится о том, что он *«был знаком даже с немецким императором Вильгельмом II, охотничье имение которого, Роминтен, располагалось в 15 верстах от Вержболово. Вильгельм II даже подарил Мясоедову свой портрет»*. Мнение сформировалось на основе материалов из Википедии.

В статье К.Ф. Шацилло *«“Дело” полковника Мясоедова»* об этом сказано чуть более подробно: *«По ту сторону границы находилось охотничье имение германского императора. Вильгельм II несколько раз приглашал Мясоедова к своему столу, подарил ему фотографию с автографом, однажды даже выпил за его здоровье, чем расстрогал Мясоедова, по его словам, до слез»*.

Присутствие полковника Мясоедова в Роминтен подтверждается воспоминаниями генерал-майора Отдельного корпуса жандармов, начальника императорской дворцовой охраны А.И. Спиридовича *«Великая Война и Февральская Революция 1914—1917 гг.»*:

«Он сумел отлично поставить себя и с немецкими пограничными властями, и 18 сентября 1905 года он даже был приглашен на богослужение в церковь при имени Германского Императора Вильгельма в Роминтене (так по тексту), в 15 верстах от Вержболово. После богослужения Император беседовал с Мясоедовым, пригласил его к завтраку и за завтраком провозгласил тост “за русского ротмистра Мясоедова”. Его приглашали затем несколько раз на охоту Императора, и Император пожаловал ему свой фотографический портрет».

По воспоминаниям президента правительства округа Гумбиннен доктора Вильгельма Стокмана, Мясоедов действительно посещал Роминтен, был знаком со многими лесниками, и даже приглашал лесничего фон Сайнт Пауля на медвежью охоту в Россию (где последний простудился и вскоре после этого скончался), а также был гостем за императорским столом. Первое появление Мясоедова в пуще произошло в феврале 1903 г. С лесничим Элерсом, который часто сопровождал кайзеровских гостей, он находился в лесничестве Варнен.

Еще один приглашенный за императорский стол в Роминтене — **Пётр Петрович Стремоухов** (1865—1951), занимавший в 1904—1911 гг. должность Сувалкского губернатора. По протекции В. Стокмана, награжденного орденом Святого Станислава I степени, российский губернатор получил прусский орден Короны 2-го класса, без звезды. После традиционного воскресного обеда кайзер презентовал Стремоухову свой портрет с дарственной подписью. Стремоухов был дружен с лесничим бароном фон Стернбургом, неоднократно участвовал с ним в охотах.

Каждый год приглашение на обед в Роминтен получали командующий русской пограничной стражи в местечке Виштынец, управляющий таможенной заставой, а также местный войт (от немецкого слова Voigt — староста, руководитель гмины, исполняющий административно-управляющие и судебные функции в населённом пункте и близлежащем районе).

Истоки этой традиции, вероятно, восходят к 1901 г., когда 26 августа в Виштынце случился пожар, уничтоживший более 150 домов. Выгорела практически вся еврейская часть города. Кайзер после трагедии оказал помощь пострадавшим в размере 20 тыс. марок, а 23 сентября лично приехал в город.

Граф Эйленбург упоминает, что в эту поездку кайзер отправился, облачившись в русскую форму, в сопровождении графа Р. цу Доны, лесничего Ф. фон Сайнт Пауля и адмирала Ф. фон Голльмана. На площади перед 200 погорельцами (преимущественно евреями) император произнес долгую и энергичную речь, по завершении которой непонимающие граждане спрашивали сопровождающих Вильгельма II, *«кто это русский офицер и почему он говорит по-немецки»*.

Также «Вильгельм приказал тому же обер-егермейстеру, что если бы кто из русских в ближайшее воскресенье пожелал быть на обеде в его дворцовой церкви, то выдать им пропускные билеты для проезда через выставленные кругом царского имени военные караулы и заставы. Егермейстер же опять не придумал ничего лучшего, как дать три билета тому же виштынецкому войту и три в таможенную заставу.

Пограничная застава Виштынец, начало XX в.

И вот в воскресенье к дворцовой церкви подъехали два воза. На одном были управляющий заставой и два канцелярских чиновника, а на другой — войт, писарь и страж».

Благодаря Памятной книжке Сувалкской губернии можно достоверно сказать, кто были эти шестеро российских подданных, присутствовавших в 1901 г. в Роминтене: войт Густав Краузе, писарь Эдмунд Керсницкий, участковый стражник Эдуард Кеммер, управляющий таможенной заставы Дионисий Иванович Ефимович, а канцелярские чиновники — это Владимир Викторович фон Адеркас и Александр Адамович Барановский.

Нельзя не остановиться на часто упоминаемом в заметках о Роминтской пуще и экскурсоводами присутствии Николая II в Роминтене. Про пристрастие русского царя к охоте известно и написано довольно много, однако неоднократные сообщения о том, что он, возможно, гостил у кайзера в Роминтене, увы, не соответствуют действительности.

Как бы красиво это ни звучало, но здесь Его Императорское Величество никогда не был. Ни в протоколах кайзеровских охот, ни в дневниковых записях Николая II и Вильгельма II нет никаких упоминаний об этом факте.

Единственная из доподлинно известных совместных охот кузенов Вилли и Ники состоялась 5 ноября 1910 г. в Боргсдорфе под Берлином. Сопровождали царя на той охоте будущий министр иностранных дел С.Д. Сазонов и барон В.Б. Фредерикс.

В последующем ситуация несколько изменилась.

Der Kaiser bei einer Besprechung zur Frontlage während der «Masurenschen Winterschlacht» am Ortseingang von Grabrick, Kreis Lyck, 14. Februar 1915.

Zeitgenössische Ansichtskarte, die die Verwüstungen und das Leid der Flüchtlinge in Groß Rominten dokumentiert.

В годы Первой мировой войны большое количество русских побывало не только в Роминтской пушце, но и вообще в Восточной Пруссии. Члены августейшей семьи и генералы, писатели и простые солдаты прошли по этой земле. Многие из них — В.И. Гурко, В.П. Кравков, А.Н. Розеншильд фон Паулин, А.А. Успенский и другие —

оставили воспоминания об этих местах, включая кайзеровский охотничий замок в Роминтене. И кроме письменных воспоминаний не осталось никаких свидетельств о пребывании столетие назад наших соотечественников в этих местах. Через 30 лет русские солдаты вновь вступили на прусскую землю. И эти события наиболее яркие в памяти и описаны гораздо подробней.

По материалам статьи А.С. Казёнова «В гостях у Вильгельма II: русские в Роминтене».

В 1934 году произошло переименование 4 главных лесничеств в лесные главные управления Роминтер Хайде. Лесничие получили титулы «форстмайстеров». С приходом к власти национал-социалистов, были германизированы старые прусско-литовские названия почти всех населенных пунктов Роминтской пушцы.

Всё кардинально изменилось после того, как Герман Геринг, назначивший сам себя «рейхсэгермейстером», присвоил себе Роминтенскую пушцу и в 1936 году приказал построить собственный охотничий замок Рейхсэгерхоф вблизи д. Роминтен (п. Радужное). Это явилось следствием того, что живший в изгнании в Голландии кайзер

отказывался до самой смерти (1940) «предоставить для пользования» Герингу свой, любимый им охотничий замок, который на тот момент активно использовался как туристический объект.

Der Reichsjägerhof Rominten im Bau, Frühjahr 1936; im Vordergrund: Oberforstmeister Ferdinand Wallmann, der Göring auf seinem ersten Pirschtag im Revier 1933 und 1934 geführt hatte.

Охотничью резиденцию Германа Геринга построили из местных стройматериалов, она была сложена из валунов и еловых бревен, а крыша была покрыта тростником.

В 1936 году был обновлен провололочный забор по всему периметру леса. Роминтен был объявлен государственным охотничьим

угодьем, главой которого был назначен старший лесничий Вальтер Фреверт.

Впервые в истории доступ в пушу был ограничен, а все посещения запрещены.

Геринг страстно мечтал добыть самого крупного оленя в мире, и это ему, наконец, удалось в 1942 году. Впрочем, убитый им олень по кличке Матадор, как считается, далеко не достиг своих лучших кондиций.

1 апреля 1938 года Роминтер Хайде стало одним из «государственных охотничьих угодий» Третьего Рейха. На специальном поезде «Азия» приезжал в Роминтскую пушу рейхсмаршал Герман Геринг. До августа 1944 года здесь охотился, пользуясь своим исключительным положением, Геринг, который, преследуя свои политические и корыстные цели, также приглашал на охоту

высокопоставленных политиков, министров, генералов и промышленников.

При наступлении Красной Армии на Восточную Пруссию дачу Геринга сожгли сами нацисты, от неё остался лишь фундамент.

Охотничью резиденцию рейхсминистра охраняли по-нацистски, с размахом. *«На въезде стояли большие ворота, в стороне был „дом лесника“, по периметру он был обнесен колючей проволокой, вахта стояла постоянно, было даже несколько зенитных орудий».*

По материалам статей с сайтов <http://vistenpark.ru>, <https://www.forum-kenig.ru/viewtopic.php?t=1198&start=50> и Вольфганга фон Браухича «Охота в Восточной Пруссии».

На странице сайта «Открытие из Восточной Пруссии» подобрана серия статей об истории Роминты <http://eastprussia.ru/rominten/>

«Роминтен – это бушующие еловые и сосновые леса;

Роминтен – это окаймлённые ольхой, уединённые светло-зелёные луга;

Роминтен – это тихие лесные озёра с щукой и линем, угрём и раками;

Роминтен – это журчащие воды, блестящие в лунном свете;

Роминтен – это тихие болота с багульником и голубикой;

Роминтен – это тишина и свобода от суеты цивилизации;
Роминтен – это крики благородного оленя и его время любви;
Роминтен – это трубы журавлей, звуки вальдишена, звон диких уток и плач бекасов;
Роминтен – это синее небо с золотыми берёзами, осинами и тонкими белыми паутинками;

Роминтен – это глубоко заснеженные леса с холодом, раскалывающим деревья и криками птиц;

Роминтен – это воющая буря с метущим снегом, паром от лошадей и санным звоном;

Роминтен – это рай, оставшийся нам...

Роминтен – это рай воспоминаний...»,

– Вальтер Фреверт, последний главный лесничий охотничьего заповедника Роминтер Хайде.

Сегодня Роминтенская пуца – огромный заповедный уголок нетронутой природы, местами сохраняющей облик изначальной «Великой глуши». Леса и звери находятся под охраной как в Польше, так и в России.

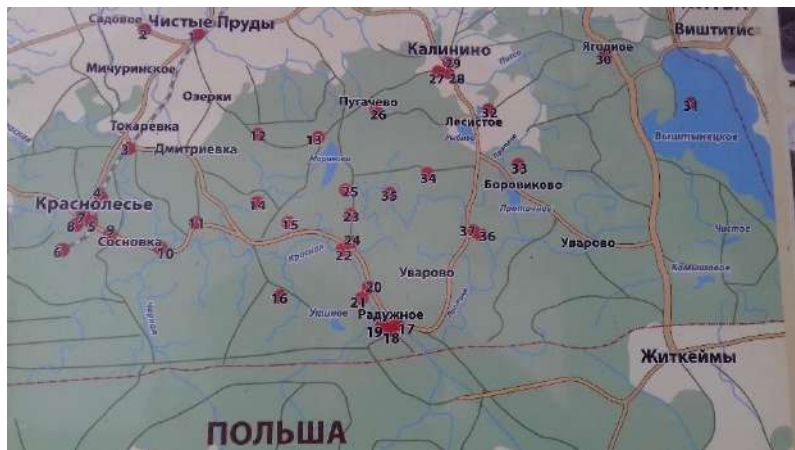
После Второй мировой войны северная часть Восточной Пруссии, в том числе и большая часть Роминтенской пуцы отошла к СССР. В первые послевоенные годы на территории леса «хозяйствовал» так называемый Литовский совнархоз, который занимался промышленными заготовками. Было вырублено до 95 процентов всего лесного массива, в большинстве своем вывезено на территорию Литовской ССР.

С образованием и ростом деятельности Нестеровского лесхоза, одного из крупнейших в Калининградской области, стали активно вестись лесовосстановительные работы. Однако, хозяйственное использование всей территории Роминтской пуцы было ограничено из-за её приграничного статуса.

В настоящее время территория леса занимает общую площадь в более чем 360 кв. км. Две трети находится на территории Калининградской области, одна треть в Варминьско-Мазурском воеводстве в Польше.

Постановлением Правительства Калининградской области от 19 января 2012 года № 9 была образована особо охраняемая природная территория — «природный парк «Виштынецкий». Директором ГБУ КО «Природный парк «Виштынецкий» является Юрий Владимирович Фещенко, биолог, бывший преподаватель университета.

Государственное бюджетное учреждение Калининградской области «Природный парк Виштынецкий» является практически региональной дирекцией всех ООПТ Калининградской области.

В ведении парка находятся около 70 особо охраняемых природных территорий, созданных

постановлениями губернаторов Калининградской области, начиная с 2012 года, когда был образован природный парк «Виштынецкий» как первая и самая крупная на данный момент особо охраняемая природная территория.

Кроме него, в тройку самых крупных ООПТ входят государственные природные заказники «Дюнный» и «Громовский». Учреждения, которое опекает сразу несколько ООПТ – особо охраняемых природных территорий регионального значения в Калининградской области.

Виштынец – средоточие, месторасположение охраняемых редких растений в Калининградской области.

Взять, например, папоротник целиком не получится, потому что будет нарушен почвенный покров особо охраняемой природной территории, а это уже административное правонарушение. Не факт, что он приживётся у вас дома. Всё-таки папоротник живёт в содружестве с множеством организмов. Ему нужна влажная почва, в ней должен быть необходимый питательный состав.

В принципе, заниматься переносом из леса к себе в палисадник того, что понравилось, дело абсолютно невыгодное и бесперспективное.

Во-первых, здесь самая высокая часть Калининградской области, так называемая Виштынецкая возвышенность. Она располагается, по сути, в трёх государствах, то есть в Российской Федерации, в Литве и в Польше.

Пик возвышенности находится на польской территории, а у нас – естественный склон, с которого стекают реки, формирующие бассейны Преголи, Немана и других водотоков.

Единственный водоток, который рождён у нас, это **река Писса** – она вытекает из озера **Виштынецкого**, впадает в Анграпу, а затем несёт водные массы Виштынецкого озера в Преголю, в Калининградский залив и далее в Балтийское море.

Прежде всего это один из немногих сохранившихся в нашей области естественных или первичных лесных массивов, то есть природного происхождения. Лесное хозяйство сформировалось здесь очень давно, человек уже несколько сотен лет использует этот лес в своих целях. Именно поэтому этот лесной массив очень интересен.

Сначала это было охотничье угодье германского кайзера, затем сыграл свою роль пограничный фактор – здесь проходила государственная граница между СССР и Республикой Польша, что не позволило в полную силу использовать эту территорию в хозяйственном смысле. Причём в советское время площадь леса была увеличена благодаря деятельности лесхоза, посадили несколько сотен тысяч новых деревьев.

За многие тысячи лет над ландшафтом, оставшимся от ледника, поработали реки: проточили в песчаных ледниковых отложениях овраги и даже каньоны. Типичные примеры – реки Красная, Чёрная и другие. Эта географическая испещрённость создаёт мозаичную структуру всей этой возвышенности, и именно там мы можем увидеть максимальное разнообразие лесных сообществ.

Самое ценное сокровище, уже не только для региона, но и для всей Центральной и Восточной Европы – это благородный европейский олень, обитающий в этом лесу. Эти олени живут и в других лесах на нашей территории, но именно здесь, в природном парке, они находятся под охраной. Собственно говоря, природоохранная территория и создавалась с целью сохранения и приумножения в первую очередь вот этого уникального ресурса. Если говорить научным языком, то это ценнейший генетический ресурс, равного которому нет на многие сотни километров вокруг.

Помимо всего прочего, водится волк, лиса. Наша гордость – это рысь! Недавно была замечена самка с несколькими котятками.

Для того, чтобы они не исчезли с территории, они живут здесь значительно дольше, поселились раньше, чем человек, важна генетическая информация, которая содержится в живом организме, и обуславливает его существование, его природную функцию,

внешний вид, скорость размножения – это невозполнимый ресурс. Если его утратить, вернуть не получится...

Мы приезжаем в гости к этой дикой природе, а не пытаемся её покорить.

Красный лес простирается примерно на сорок тысяч гектаров и является одним из крупнейших целостных лесных массивов на равнинах Центральной Европы. Мозаика лиственных и хвойных насаждений, болот, тихих рек и идиллических лесных озёр – всё это создает неповторимый ландшафт.

Здесьние места в большей степени сохранили свою природную целостность. Это источник живой энергии.

Тот же Светлогорский лес тоже очень красив, но людей там стало уже так много, что не чувствуется единения с природой. А здесь, в Роминте, массив леса всё-таки очень большой. Он находится далеко от Калининграда и, к счастью, ещё не совсем «затоптан» людьми. Привлечение людей в парк «Виштынецкий», своего рода, привлечение к единению с природой и разбудить самого человека, напомнить ему, что является частью живого мира.

Природный парк «Виштынецкий» богат водными ресурсами. Здесь есть несколько озёр, а кроме знаменитой реки Красной есть речка Чёрная с тёмными-тёмными водами, есть река Синяя. Если человек захочет постичь какие-то глубины, то, конечно, надо увидеть саму реку Красную – Роминту.

Именно река Роминта дала название всей этой территории. Это неспроста. Виштынецкое озеро – это некий фасад, то есть, это лицо территории. А душа её – это Роминта, река.

По дороге к чуду – посёлку Краснолесье, нам повстречается «Ноев ковчег». Место специально выбирали на холме, поэтому нос платформы как бы зависает над долиной. Кстати, если спуститься вниз, то снизу видно, как эта платформа, обшитая деревом, напоминает ковчег – своей формой и деревянной кормой.

Под ногами у вас колышется зелёное море, ветер поёт песни...

И один из первых домов, который вам встретится на главной улице – это бывшая сельская школа, двухэтажное белое здание с большим садом.

Здесь и находится Музей, который рассказывает о Виштынецкой возвышенности – самый юго-восточный уголок Калининградской области со знаменитым озером Виштынецким, с лесом Роминтская пуца, лес Красный. Название леса обязано своей красоте – он круглый год зелен, красив и, соответственно, красен, в противоположность лиственному, который в зиму становится чёрным.

Всё это – Виштынецкая возвышенность с её живописными холмами. Да, здесь настоящий музей под открытым небом!

Валдайский ледник, который покрывал когда-то север Европы, и там, где теперь Балтийское море, когда-то стоял лёд, ледяной щит.

До Валдая дошёл ледник. Он называется Валдайский по этой причине. Большую территорию занимал этот ледяной щит. Это был не просто лёд, который стоял – он двигался.

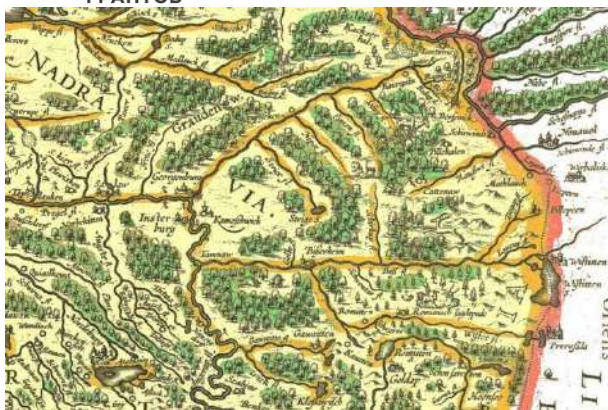
Считается, что он двигался из Скандинавии сюда, с северо-запада на юго-восток. И всё, что он приносил, встречая на своём пути и забирая горные породы, самые разнообразные, из Скандинавии, с территории Балтийского моря, всё он оставлял у своего края, который таял. А камни, которые не могут растаять, теперь находятся у нас под ногами. Вот и всё, что осталось от самого ледника.

Некоторые окаменелости можно подержать в руках в Музее, но сначала их нужно найти... на стенде... а когда-то нашу область покрывало море, тёплое... в которых обитали морские организмы.

Озеро Виштынец ледникового происхождения, и оно образовалось на несколько тысяч лет раньше, чем Балтийское море. То есть, Виштынецкая возвышенность уже существовала. Порядка 12-ти тысяч лет назад началось активное таяние ледника, потеплело на нашей планете, и вот тогда он активно отступал. В том месте, где сейчас Балтийское море, ещё стояли льды, но Виштынецкое озеро уже было.

В музее можно найти макет озера, вернее, слои высот и глубин. Самая глубокая – 54 метра. И конечно, мы так увидим Виштынецкое озеро только здесь. 10 тысяч лет назад человек впервые стал приходить на озеро Виштынецкое. Это были кочующие племена, которые относились к культуре каменного века. Тогда использовался камень и кремь, который в большом количестве встречается у нас под ногами на Виштынецкой возвышенности, следуя за стадами северных оленей. Леса тогда ещё не было. Климат был холодный, была тундра, северные олени мигрировали в поисках пищи. И люди за ними кочевали. Это было основной их добычей.

В железном веке люди уже здесь жили осёдло. И тогда жили здесь племена ятвяжские. Это одно из племён, которое относится к большой этнической группе западных балтов. Современным литовцам эти племена родственные. И здесь как раз жили ятвяги, они занимали большую территорию нынешней северо-восточной Польши, часть юга Литвы. В Калининградской области вот именно этот уголок и был ятвяжским. Климат менялся, постепенно та самая тундра сменилась лесной растительностью, и лес, большой лес, то, что называется Великая Пустошь, существовал на восточной границе Восточной Пруссии до XVI века.

Когда мы говорим, что монах уходит в пустынь – в безлюдное место, то имеем в виду лес и пустошь – это, получается, одно и то же. Безлюдное место называлось пустошью. И пустошь эта непроходимым лесом дремучим начиналась, если мы едем из Калининграда нынешнего на восток, за городом Инстербург – современный Черняховск. Именно тогда, в XVI веке и простиралась она дальше на восток на 50-60 километров, а вот на юг протягивалась до всем известной Беловежской пущи.

И пусть в Краснолесье музей сельский, однако, в нём отлично сочетаются экспонаты и разные музейные технологии, современные фишки. Есть интерактивный стол, где можно перелистать страницы исторических описаний, взглянуть в карты, подробно рассмотреть архивные фотографии. Можно пройти даже небольшой опрос и проверить себя, точно ли вы запомнили глубину Виштынецкого озера.

Или, например, узнать, что омела – это растение-полупаразит, которое использовалось когда-то для окрашивания шерстяных тканей, в лечебных целях. И это растение, которое издавна использовалось в рождественских обрядах, следуя традициям в Европе.

Благодаря инициативе группы единомышленников из местных жителей, решено было подготовить экспозиционное пространство, заново штукатурили стены, свет проложили заново, окна вставили. А в апреле 2011 года открыли экспозицию. Каждый год примерно девять тысяч посетителей, для местных жителей вход – бесплатный.

В Краснолесье существует «музейная почта»! В посёлок почта приезжает три раза в неделю на полчаса. Но путешественникам, конечно, она, по сути дела, получается недоступна. Из Музея можно «отправить» почтовую открытку или письмо, а дальше уже доставляют, так сказать, до первого почтового отделения это послание.

К зданию Музея примыкает большой сад со сценой и зрительным залом под открытым небом, есть небольшая веранда со столами и своего рода печкой-плитой. Здесь в августе проходит народный фестиваль «Соседи». Название полностью отражает его содержание.

Действительно, собираются музыканты, певцы и танцоры с другого берега Виштынца из Литвы. С польской части Роминтенской пуци приезжают лесники и фермеры. Конечно собираются друзья из разных районов Калининградской области. Все поют, все танцуют, покупают всякое полезное на ярмарке местной – травяной настоящий чай, лесной ароматный мёд.

И ещё на фестивале «Соседи» есть одна очень важная традиция – это общий стол. Ужин вкладчину. Каждый вкладывается кто чем может. Одни драники приносят, кто-то мясо жарит, бывают и сладкие тортики. Можно, конечно, покупным обойтись, но собственная гордость и желание показать свои умения берут верх, поэтому стараются приготовить всё сами. Готовят потрясающий бигос из квашеной капусты с несколькими сортами мяса, очень пряный и очень сытный. Готовили плов в огромном казане и даже наблюдали за самим процессом приготовления, за этим многочасовым священнодействием – и это уже наслаждение. Ну и пироги, понятно, куда ж без них. Знаменитый луковый пирог Натальи Добровольской из Дмитриевки, который так неожиданно обрёл популярность на всю Калининградскую область.

Особо охраняемая природная территория – это природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение. Они полностью или частично изъяты из хозяйственного использования и для них установлен режим особой охраны. По документам природный парк «Виштынецкий» очень молод,

постановление о его создании было выпущено в 2012 году. Но по факту первые государственные лесничества появились здесь в XVIII веке. Их задачами были воспроизводство лесов, надзор за использованием леса и забота об обитателях. Сейчас территория леса занимает общую площадь в более чем 360 кв. км. Две трети находится на территории Калининградской области, одна треть в Варминьско-Мазурском воеводстве в Польше.

По российским законам, природный парк – это территория, где охрана природы сочетается с рекреацией, то есть, с отдыхом. Но не разгульным и диким, а осознанным.

Экологическому туризму Всемирный фонд дикой природы даёт сложное определение: это вид туризма в места с относительно нетронутой природой. Цель его в том, чтобы получить представление о природных, культурных, этнографических особенностях местности. Но при этом не должна нарушаться целостность экосистем, а сам приём туристов должен быть организован так, что охрана природных

ресурсов была выгодной для местного населения. Поездка в Виштынецкий природный парк этому определению соответствует полностью и по всем параметрам.

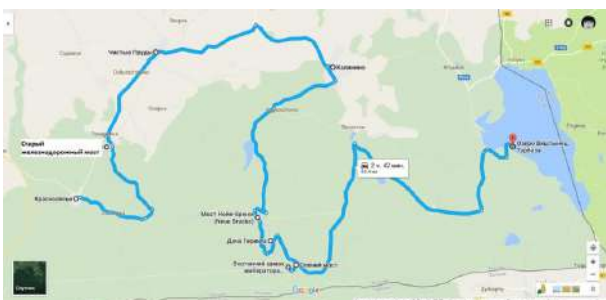
В посёлке Пугачёво располагается визит-центр Природного Парка «Виштынецкий». До 1945 года в здании находилась школа посёлка Гросс-Швентишкен. Потом, уже после 1945-го, лесничество.

В этом здании находится не только визит-центр парка, но на втором этаже центр пожаротушения. Если идёт возгорание леса, то все звонки приходят сюда. Здесь в основном находятся инспекторы. С утра они все приходят сюда, получают задание и разъезжаются по территории. Это может быть посадка леса, прочистка просек, инспектирование – у них очень много забот. Дежурный инспектор есть, но он тоже не всегда, не постоянно находится на месте. Этот визит-центр предназначено для туристов, для отдыхающих. И основная цель – получить разрешение на проезд вне дорог общего пользования.

Виштынецкий природный парк – это не закрытая территория: заборов нет.

Дороги между посёлками закрывать никто не имеет права. Вы можете спокойно остановиться на площадке, на оборудованной парковке, где есть беседка, место для костра, в сезон – туалеты. Вас никто не оштрафует, и никто вам не будет мешать. Но если вы хотите проехать за шлагбаум... вам нужно будет взять разрешение на проезд вне дороги общего пользования. Вам нужно с собой принести паспорт. Он у вас должен быть здесь в обязательном порядке, так как рядом погранзона. Посёлок Пугачёво — это крайняя точка, куда можно приехать без разрешения.

Основной маршрут в Роминте – это озеро Виштынецкое (туда нужно такое разрешение) и второй, самый дальний – это к развалинам охотничьего императорского замка. Сейчас это посёлок Радужное, но посёлок нежилой. Там находится погранпост, поэтому здесь вы доезжаете только до руин, до развалин и возвращаетесь назад.

По всему парку расставлены стрелочки, указатели с направлениями, как далеко до объекта осмотра. Возле самих объектов стоят информационные стенды с информацией об истории места или памятника, камня: в честь чего поставлен, по какой причине, что с ним связано.

Виштынецкий природный парк – это лес! В лесу просто оборудованы дорожки – даже не то, что оборудованы: обозначены дорожки. Обозначены большей частью, потому что это накатанные дороги, это где-то протоптанные дороги. По маршрутам стоят указатели, куда идти, куда повернуть и на какой маршрут выйти. А по факту это лес, где можно встретить и косулю, и оленя, и белку, очень много птиц можно услышать. Поэтому здесь большей частью такое – погулять в лесу!

Экологический туризм – это туризм ответственный. Входя в контакт с природой, мы должны понимать, как вести себя, чтобы не навредить. А правила, установленные для посещения, давайте будем рассматривать как помощь туристу – это советы, выработанные на основе многолетнего профессионального опыта и знаний.

По материалам статей с сайта <http://vistenpark.ru>

Проект «История. Люди. Память» создал видеофильм «Роминта», который мы и предлагаем вниманию <https://www.youtube.com/watch?v=FzgcDXERARo>

Подлинной жемчужиной края является озеро Виштынецкое.

Это озеро самое крупное, самое глубокое, самое чистое Калининградской области. Поверхность его водного зеркала занимает более 16 кв. км, а максимальная глубина достигает 52 метров. В озере обитает 22 вида рыб, среди которых такие ценные как ряпушка, угорь, сиг, линь, налим и другие. В любое время года берега озера живописны, а в летнее время чистая вода и великолепная природа привлекают сюда тысячи туристов.

Большинство людей слышали легенду о чирикающем на лугу цыпленке, чье имя заставило озеро спуститься на землю. Легенды легендами, а что говорит наука? Лингвистические и исторические исследования показывают, что название озера и городка рядом с ним связано вовсе не с маленькой птицей, а с чем-то гораздо более серьезным.

Тайны названия озера Виштынец, на литовской стороне – Виштитис, к птицам не имеет никакого отношения.

Как гласит народное сказание, название поселения произошло по следующему случаю. Пространство, занимаемое озером, в незапамятные времена покрыто было дремучим лесом. Лес этот заколдован был каким-то волшебником, и уничтожение колдовства могло последовать только в том случае, если бы кто-нибудь произнес в лесу то слово, каким он был заколдован. Тяготело это колдовство над лесом довольно долго, так как никто не мог найти этого магического слова. Но вот однажды какой-то литвинке, при сборании ягод углубившийся в лес довольно далеко, послышался голос цыпленка. Удивленная такою неожиданностью, что цыпленок находится в таком далеком расстоянии от жилищ, она воскликнула: «виштытис», что по-литовски означает цыпленок, и слово это оказалось тем магическим словом, которым был заколдован лес: и лес мало-по-малу стал уходить в землю, а на его место с оглушительным шумом и ревом начала выступать вода, и едва виновница этого переворота успела спастись, как весь дремучий лес исчез под землю. На его месте образовалось озеро, которое с тех пор стало называться Виштынецким, а с ним вместе и посад (литовцы называют посад Виштынец — «Виштытись»).

Поселение Виштитис было основано в XVI веке, в его первой половине, – около 1538 г. уже упоминается имение, а в 1570 г. город Виштитис получил права Магдебурга от польского короля Сигизмунда II Августа. Именно этот год обычно называют началом образования Виштитиса. Хотя архивные источники и исследования ученых показывают,

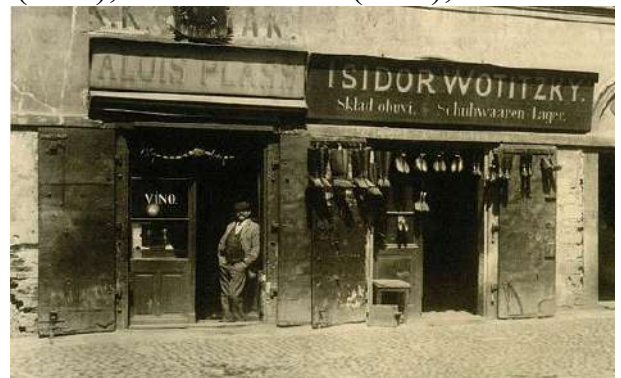
что литовская деревня у озера могла быть заселена гораздо раньше (см. работы Я. Тотораичюса и А. Мишкини, где упоминается 1530 год). С тех пор, как он стал городом, получившим свой герб и печать, каждую неделю в нём проходили торги, а также ежегодно проводились четыре ярмарки в разные сезоны. Позднее открылись таверны и пивоварни.

В 1776 году Виштитис, как и другие мелкие города, лишился магдебургского права. Несмотря на то, что все поселения смирились с потерей привилегией, Виштитис в отличие от них выразил возмущение. Фактически стал «самовольным» городом. О тех временах сохранились документы, свидетельствующие о судебных тяжбах и вооружённых столкновениях. Представители города участвовали в Великом сейме и восстановили городские права, хотя и не получили королевской привилегии. Это вызвало конфликт с местными старейшинами, и дело было передано в суд. Исход суда не ясен, но город сохранил некоторую автономию в XIX веке.

С 1795 по 1807 годы посёлок был частью Пруссии, затем, вплоть до 1815 года находился в составе Варшавского Герцогства, после чего отошёл к Российскому государству. В XIX столетии процветанию Виштитиса способствовала приграничная торговля. Но после открытия железнодорожного движения его экономика пришла в упадок. Причиной тому послужило слишком удалённое расположение посёлка относительно железнодорожной линии.

В 1856 году в Виштитисе проживало 2037 евреев (60%), в 1897 — 799 (32%), в 1923 — 222 (18%), в 1940 — 150 евреев (11,5%).

Первые евреи поселились в Виштитисе в 1589 году. С 1758 года здесь существовала община. В XIX веке основные занятия евреев — торговля (как оптовая с Пруссией, так и мелкая — вразнос), обработка щетины (этим промыслом занималось ок. 200 чел.), выделка кож, рыболовство. Имелись синагога, хедер. В

1878 году была открыта школа с преподаванием светских дисциплин. В начале XX века работали ячейки «Цеирей Цион» и «Бнос Цион». Была создана организация «Доврей иврит», члены которой были обязаны говорить только на иврите.

13 (26) августа 1901 года в городе вспыхнул пожар, сгорели 180 домов — более половины всех домов города (по другим данным — 150 домов, из них 12 — христиан). Еврейская часть города сгорела практически полностью.

Единственным уцелевшим зданием была синагога. Посетивший Виштитис Вильгельм II пожертвовал общине вещей и продуктов на 10 тыс. марок, после этого Николай II

пожертвовал 5 тыс. руб. К началу XX столетия в местечке находилась лютеранская кирха, молитвенный дом, еврейская синагога, римско-католический костёл. К их числу в 1912 году прибавилась православная церковь во имя Великого князя Владимира.

В ходе Первой Мировой войны отстроенный заново Виштитис был подожжён отступающими российскими войсками. Часть зданий сгорела в огне пожара. Евреи тогда покинули Виштитис. После 1918 года незначительная часть еврейского населения вернулась в Виштитис. В 1920—30-х годах евреи занимались мелкой торговлей, ремеслом, рыболовством. Действовал молодежный религиозный клуб «Тиферес бахурим».

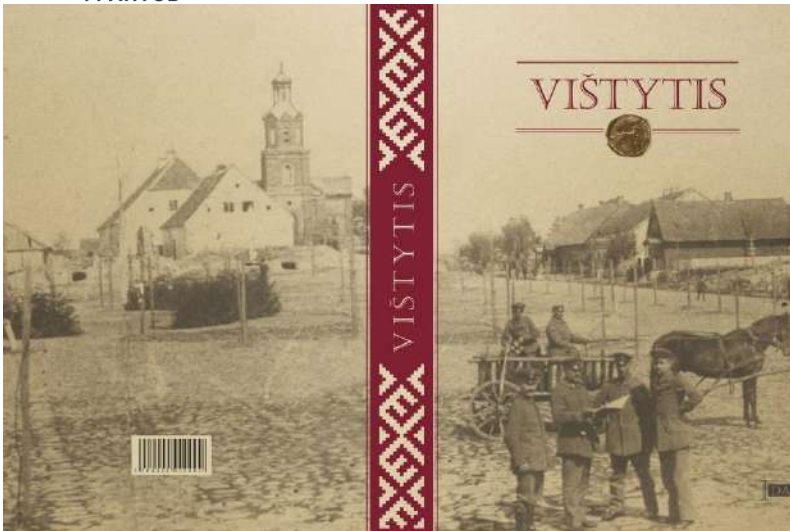

22 июня 1941 года Виштитис оккупировали германские войска. 14 июля 1941 года евреев вывели в поле к ветряной мельнице и заставили выкопать себе могилы. Рядом со рвом у мельницы было расстреляно ок. 70 евреев-мужчин, 9 сентября — ок. 150 женщин и детей. После 1945 года по инициативе нескольких уцелевших евреев на братской могиле был установлен памятник. В начале 1990-х годов на месте старого еврейского кладбища установлен памятный знак с надписями на идише и литовском языке.

По материалам сатей <https://rujen.ru/index.php/ВИШТИТИС>, <https://tochka-na-karte.ru/Goroda-i-Gosudarstva/16613-Vishtitis.html>, https://пуни.рф/index.php/Виштитис#cite_note-0-4

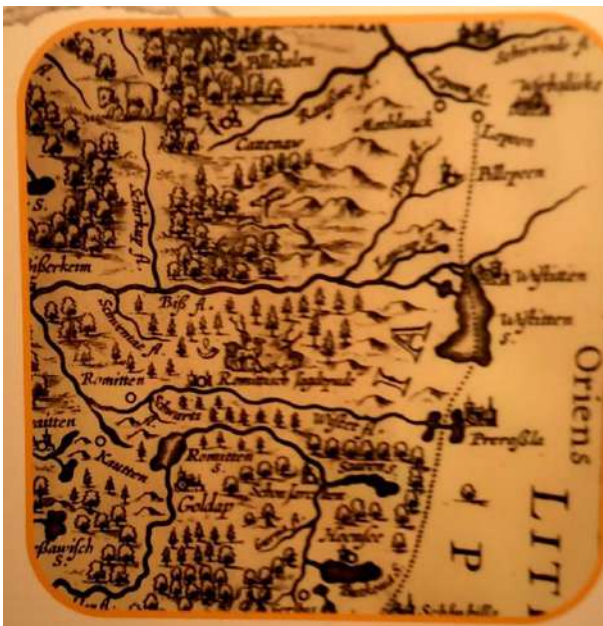
Виштитис, несомненно, — исторически и семантически интересный литовский топоним.

Известно, что крупнейшие природные объекты региона имеют древнейшие названия. Топонимы наиболее точно отражают историю края и долгие годы остаются неизменными в памяти людей. *«Названия рек и озёр, которые обычно появлялись в древности, лучше всего раскрывают древний язык и древних жителей»*, — говорит немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц.

Итак, имени Виштитис уже почти 500 лет. Однако в 1384 году упоминается не поселение Виштитис, а река Двиссит. Вскоре, в 1419 году, этим именем будет называться и озеро Виштитис, а с 1570-х годов и город, после того, как ему были предоставлены магдебургские привилегии. Следует добавить, что река Роминта также называлась Вистетт. На протяжении веков названия озера и

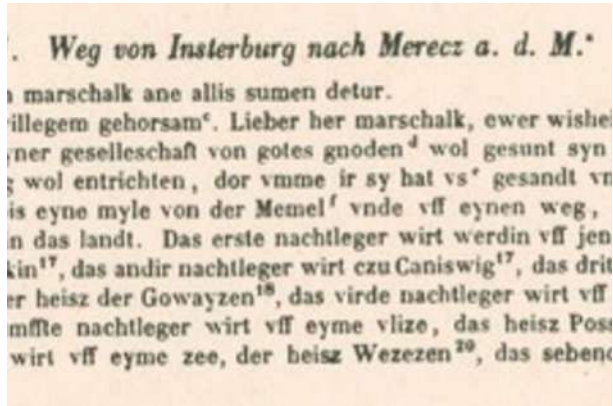
города часто упоминались в различных исторических источниках – Двиссит (1384 г.), *lacum Dwisticz alias Wysiten (1420 г.), ab ortu Lyppuna ad lacum Dwisticz (1422 г.), ad lacum Dwisticz, ita quod lacus Dwisticz (1422 г.)*, до озера Вистуми (1549 г.), в озеро Виштынецъ, до озера Виштынца (1559 г.), Вистетт (1589, 1593 гг.), Виштиттен Зее (1595 г.), Выштытен (1850 г.), Виштынец (1873 г.), Вистутис (1875 г.), Вистудз (1895 г.).

Имя Виштитис (Двиссит) впервые упоминается (и, вероятно, не очень точно) в 1384 г. в тевтонских «Описаниях литовских дорог», называемых «*Die Littauischen Wegeberichte*». Орден посылал в Литву разведчиков для выбора наиболее подходящего пути для атаки. В 1866 году немецкий историк и педагог, один из авторов «Всеобщей немецкой биографии» Теодор Хирш опубликовал описания более ста дорог в издании «*Scriptores rerum prussicarum*». Отчеты разведчиков о дорогах стали своего рода словесной картой средневековой Литвы. Литовских топонимов много – это и топонимы, и гидронимы. Дороги описывали немцы, но

разведчиков вели прусские проводники, хорошо знавшие литовский язык. Таким образом, литовские топонимы в описаниях также сойдут с уст прусских переводчиков до того, как они будут записаны немцами.

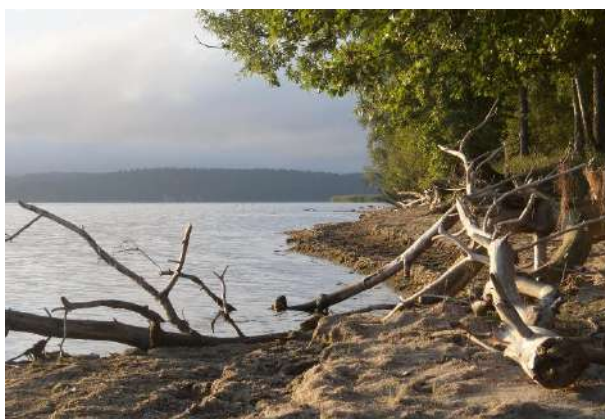
В описаниях одни топонимы не изменились, а на другие повлиял не только прусский, но и немецкий язык. Но вернемся к путешествию исследователей в 1384 году.

Дорога, отмеченная номером 57, ведет из Инстербурга (Инстирбург) через Гаузенискин, Канисвиг, Говайзен, Двиссит, Поссутна, Везезен, Зуппен, Палле, Лакседе в Меркину (Мереч). В описании дороги впервые написано название Виштитиса, точнее реки Двиссит: *...das virde nachtleger wirt vff der Dwissit deme flize... (...четвертая ночевка была по реке Двиссит...)*.

Река Двиссит находится в дне пути к западу от озера Виштитис. Оценив географическое положение и удаленность мест, можно догадаться, что это река Роминта (пека Красная), тем более что спустя двести лет на прусской карте 1595 года Роминта именуется Вистер фл. В других источниках конца XVI века Роминта именуется аналогично – Вистетт (1589 г.), Висте, Вистетт (1595 г.). Название Двиссит больше не встречается в описаниях дорог, а река Пиза (die Pissa, Pisse), вытекающая из озера Виштитис, упоминается в описаниях дорог 39, 40, 42, 57, 58, например: *...von Instirburg an den Baitin uf die Pisse das ist iij mile...*

Река Поссутна тоже упоминается, тоже только один раз: *...das vumffte nachtleger wirt vff eyne vlize, das heisz Possuutna...* Это может быть Vižainė или Juodupė (Schwartz fl. Juoduppe, Ćernitsa), которую по-русски также называют Виштынкой, Виштытенкой (Биштитенко, Биштинка). Обе реки впадают в озеро Виштитис на юге. Также упоминается озеро Вижайни: *...das seczte nachtleger wirt vff eyne zee, der heisz Wezezen...* Часто в исторических статьях озеро Вижайни путают с озером Виштитис из-за орфографической и фонетической схожести их названий. В хрониках крестоносцев 1387 года, опубликованных «Scriptores rerum prusicarum», уже упоминаются озеро Виштитис (lacum Dwisticz) и литовские рыбаки.

Озеро Виштитис располагается на перекрестке государств, его название всегда ассоциировалось с установлением границы между Литвой и Тевтонским орденом. Немцы называли Виштытис *Wystiten*, русские – *Виштынец (Виштынеце)*, поляки – *Wisztyniec*. Виштытис на идише – *Виштынец (װישטיש)*, на английском – *Вистытис*, означает Цыплёнок. В Российской империи Виштитис называли –

Виштынець. Впервые он упоминается под этим названием в 1559 году. Русские называют озеро Виштитис Виштынецким озером, поляки – *Jezioro Wisztynieckie*, немцы – *Wyschtyter See*, англичане – озером *Vistyitis*.

В проекте условий мира 1419 года между Литвой с Польшей и Тевтонским орденом юго-западную границу Литвы предлагается провести по озеру Виштитис, оставив его на стороне ордена. Это означало, что озеро Виштитис будет на землях Ордена... *fluvii in Leppuna transeundo recte per solitudinem relinquendo lacum Dwisticz alias Wysiten in parte Ordinis ... (... до устья Лиупоны и вверх по реке до озера под названием Виштитис, и это озеро должно быть оставлено Ордену...).*

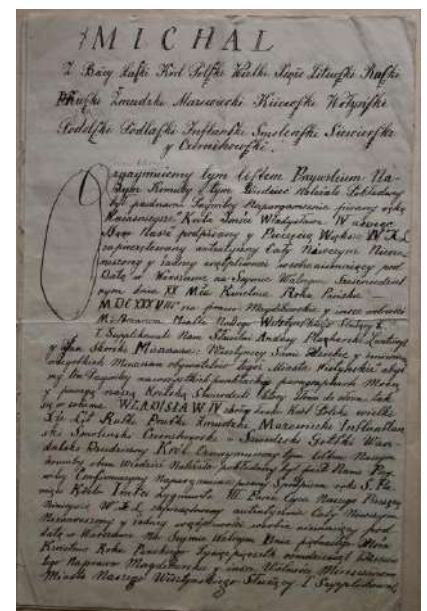
Важно, что здесь имя Виштитиса теряет начальное *d* (*dwist > wysit*). Этот момент также подчеркивается в тексте: *Dwisticz alias Wysiten* — *Двистиц*, иначе называемый *Вайситен*. *Дв-* в начале слова, вероятно, появился благодаря летописцам Ордена или из-за ошибки немцев, записавших историю из уст прусских гидов. В 1420 году в документе эпистолярного кодекса Витаутаса озеро Виштитис также называется *Двистиц*.

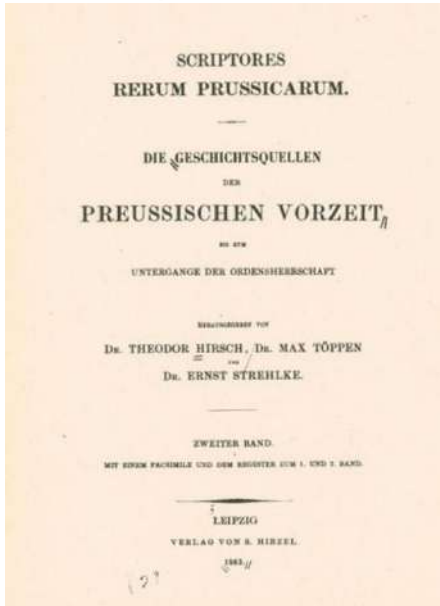

10 мая 1422 года в Мельненском мирном договоре, установившем окончательную границу между Литвой и Орденом, снова упоминается озеро Виштитис и что все оно принадлежит Ордену: *...a Merunysky directe eundo ad lacum qui vocatur Dwisticz, ila tarnen quod ille lacus remaneat totus in parte ... (...идя прямо из Мерунишке к озеру под названием Виштитис (Двистиц), но таким образом, чтобы все озеро оставалось на стороне ордена...).*

Польский летописец 15 века Янас Длугош упоминает озеро Виштитис как Вискитки. Он описывает, что Ягайла любил путешествовать через Вискитки,

много раз охотился здесь в 1422 году и позже часто посещал это озеро. В отчетах разведчиков крестоносцев говорится, что были старые и новые дороги (*komen di nuge wege in di alden*). Одна из этих новых дорог, а именно 58-я, вела из Инстербурга через Вирбали, Калварию, Сейриус, Меркину в Вильнюсский район. Раньше дорога из Инстербурга в Вильнюс проходила через Вирбали, Виштитис, Сейрию и Меркину. По этой дороге через Виштитис Ягайла, а затем и его сын Казимерас путешествовали из Польши в Литву. Однако имя Вискитки не прижилось, как и несколько других. В 16 веке в польском языке можно встретить различные формы имени: *z Vistyć, Vistuć* (1567 г.), *w mieście Vistyncach* (1592 г.), *Ulica Wissticzka* (1561 г.). С середины 17 века Виштынец закрепился в польском языке.

Виштынец (Wisztynca, Wisztynskiego) встречается повсеместно в документах, подтверждающих магдебургские права Виштитиса в 1638, 1670, 1745 гг., в городской печати 1757-1792 гг., в протоколах Судебных заседательных книг 1772-1790 гг. по делу горожан Виштитиса против старосты К. Пузина. После 1795 года Виштитис принадлежал Пруссии, а с 1815 года – России. В немецком языке за четыреста лет менялась и форма имени Виштитис – Двиссит (1384 г.), Двистич (1420 г.), Виситен (1420 г.), Двистич (1422 г.), Виштиттен (1575 г.), Виштер, Виштет (1595 г.), Виститен (1689 г.), Виститен (1690 г.), Вистокен (1787 г.), Виститен (1798 г.), Виститен (1804 г.), Виститен (1850 г.). На карте Новой Восточной

Пруссии 1576 и 1595 годов озеро называется Виститтен-Зее, 1897 года – Выштитер-Зее, Выштынец.

Итак, ясно одно – название города Виштитис происходит от названия озера Виштитис. Хотя Виштитис произносится почти одинаково на разных языках, его написание сильно отличается: Виштитис, Виштынец, Виштиниц и т.д.

Лексикограф Вилнос Петерайтис, изучивший этимологию и семантику 4000 названий балтийских вод в монографии «*Mažoji Lietuva ir Tvanksta prabaltų ir pralituvių laikais*», в том числе этимологию и семантику Vištytis, подчеркивает: «...чтобы иметь возможность частично приоткрыть завесу, покрывающую серую древность, уместнее всего рассмотреть тонкости вековых названий вод – рек, болот, прудов и озер», связанные с литовскими названиями воды Вишт-упис и др.

Обратимся к курице, что связана с верованием древних балтов, как жертва богам. Недалеко от западного берега озера Виштитис/Виштынец находится Роминтенский лес, где жили родственные литовцам пруссы, ятвяги, барты и надровы. Древние пруссы считали лес священным. В I и II веках Ромове находилось на самой высокой горе Роминты, где совершались жертвоприношения в белом и горел вечный огонь.

Озеро Виштитис возникло с десятков тысячелетий назад, и невозможно поверить, что во времена балтийского единства такое большое озеро, как Виштитис, было названо в честь уменьшительного имени домашней птицы.

Виштитис появился скорее всего в более поздние времена, под влиянием религиозно-мифического мышления старейшин, их мировоззрения, связывающего сходное по звучанию древнее имя Вистит–, Вистет– с насадкой – символом рождения и жертвоприношений к богам. Корень *viš–t–*, вероятно, расширен –*t–* знаком белого цвета, *vis–, veis–*, «(чтобы) вытекать, выливаться, растворяться». Виштитис – архаичное

название воды, и его происхождение не совсем ясно с точки зрения формообразования и семантики. Нет сомнения, что название города, основанного в 1530 году, произошло от названия озера. Но название озера Виштитис изменилось. Надпись Виштынец 1559 года показывает, что соседним или даже более ранним родом названия озера будет Виштинис.

Фольклорист Альбинас Куртинайтис в своей книге «Гарнио вайкай» объединяет озера и реки Виштитского края с корнем *vyjš– (виш–, виж–)* в тропу Выжяй, которая соединяет речками двенадцать озер, расположенных в Литве, Польше и России.

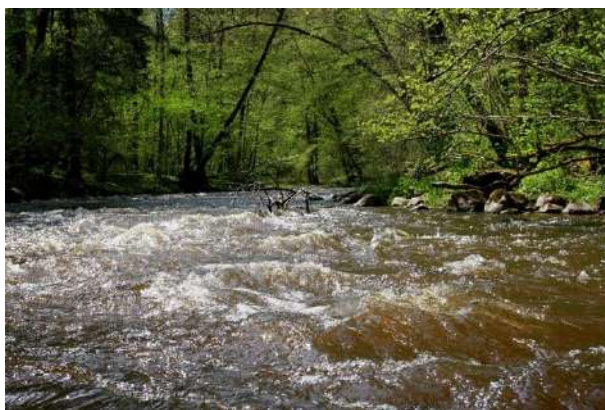

По его словам, территория Выжяй была местом защиты племени Судовии от вымирания, а все озера и реки считались племенем судавов священными.

Среди животных, связанных с названиями вод, помимо курицы (Виштитис, Виштайте), можно также упомянуть медведя (Мешкупе), пчелу (Бите) и, может быть, Волка (Вилка, Вилкмеджяй). Древние предки считали, что человеческая жизнь связана с мифической сущностью, которая также проявляется через животных.

Сверхъестественные силы через животных могут помогать и вредить человеку. Медведица помогает родить, собрать приданое. Пчела символизирует обновление. Волк связан с пророчествами. Курица должна быть принесена в жертву, чтобы умиловить богов. И медведь, и курица не старинные слова и не засвидетельствованы древними пруссами. Медведь заимствован у славян, этимология курицы восходит не слишком далеко.

Название озера Виштитис будет присоединено к более старому похожему по звучанию названию **Vis–t–et* или **Vis–t–it*.

Каждую весну воды Виштынца/Виштитиса громко шумят, текут, заливая и выходя из берегов. А ведь 7000 лет назад в Атлантике, в самый теплый и влажный период ледникового периода, во времена первых жителей Виштынецкого края осадков и воды в реках и озерах было несравненно больше. Вот что тогда, тысячи лет назад, бродило, не в силах вместиться в свои берега. А легенда,

связывающая птичку-курочку с появлением озера, была создана позже, отождествляя имя Виштитиса с именами птиц, встречающимися в балтийской мифологии.

По материала статьи «Тайны названия озера Виштитис»

<https://www.lrytas.lt/kultura/istorija/2015/08/28/news/vistycio-ezero-vardo-paslaptys-tai-nesusije-su-pauksciukais-3099883>

Итак, озеро Виштынец – символ Роминты и Природного парка «Виштынецкий», безусловно станет самым знаковым местом остановки, как летом, так и зимой, любой поездки в Нестеровский район, однако, наш маршрут последует в обратном направлении, в сторону российско-литовской границы – к посёлку Чернышевское, а по пути заглянем в город Нестеров, административный центр муниципального округа.

Город Нестеров

В 140 километрах к востоку от областного центра, вблизи границы с Литовской Республикой, располагается город Нестеров, который является железнодорожной станцией на линии Калининград—Вильнюс—Москва. Через город проходит автомобильная магистраль, связывающая Калининград с Москвой, а буквально в 12 километрах от Нестерова находится крупнейший

круглосуточный международный автомобильный переход "Чернышевское" (Россия – Литва).

Город Нестеров Калининградской области до 1946 года носил название Шталлупёнен, позднее, последние 7 лет истории Восточной Пруссии, – Эбенроде, и часто упоминался в многочисленных дневниках и воспоминаниях наших соотечественников, среди которых было немало государственных деятелей, видных дипломатов, известных ученых, знаменитых писателей, выдающихся музыкантов и пламенных революционеров, в их путевых заметках.

В языческие времена на месте Шталлупёнена находилась большая деревня. В XIII веке территорию, на которой проживали племена пруссов, завоевали рыцари Тевтонского ордена. В документах селение Шталлупёнен упоминается с 1539 года, в то время в нем насчитывалось 9 дворов. Предполагают, что название Шталлупёнен связано с жертвоприношениями древних пруссов – этом селении находился каменный стол, возле которого протекал ручеек, "итал" по-прусски

означает "стол", а "упе" или "анпе" означает "река", поэтому Шталлупёнен можно условно перевести как "место жертвоприношений, расположенное у реки".

В 1585 году на холме в селении была построена первая деревянная кирха. Тем не менее, еще в XVIII веке фиксировались случаи языческих жертвоприношений, которые тайно проводились в весеннее время. Удобное расположение селения на магистральном пути из Кёнигсберга в Ковно (совр. Каунас, Литва) послужило функционированию рынка. В 1665 году Шталлупенен получил право на проведение ярмарок.

Придворный юнкер фон Бранд оставил следующее описание Шталлупёнена, датированное 1674 годом: «... деревня с церковью, куда по четвергам крестьяне из окрестных мест сгоняют быков изрядной величины, прекрасных лошадей...»

Bild 5. Salzburger Emigranten erreichen die preußische Grenze.
(Holzstich von F. Unzelmann und H. Müller nach Adolph von Menzel)

В начале XVIII века в результате голода, эпидемии чумы и пожаров селение Шталлупёнен и его окрестности почти полностью обезлюдели. С целью возрождения экономической жизни поселения прусский король Фридрих Вильгельм I способствовал притоку сюда переселенцев из Германии (Нассау, Франкония) и Швейцарии, среди них особенно много было переселенцев из Зальцбурга, покинувших родные места по религиозным причинам.

Тогда-то прусский король Фридрих Вильгельм I, вместе с заполнением опустевших земель новым населением, дал жизнь 13 городам, в том числе пожаловал городское право и селению «стол у реки». 26 апреля 1722 года Шталлупёнен получил и городской герб.

Город застраивался по плану, разработанному архитектором и градостроителем Фридриха Вильгельма I – Йоахимом Людвигом Шультхайсом фон Унфридом. При въезде в город новые постройки в барочном духе вплотную окружали городской Малый рынок треугольной формы, а далее ось-дорога от площади вырастала в цепочку площадей – через квартал дома

образовывали Новый рынок, замкнутый церковной высокой башней, сооруженной в 1726 году, обогнув которую, через ещё один квартал, ось оказывалась на Старом рынке: симметричном, в 1,5 раза шире и длиннее, и покидала город в дальнем углу площади.

С 1717 года Шталлупёнен становится местом, предписанным военной доктриной, расположения кавалерийских войск, изрядная доля которого отводилась в регулярном плане казармами, складами, офицерским казино и плац-парадом, но в жизни города никак не участвовавшие.

В XVIII веке, ничуть не уступающему военному, в гражданском городе процветало кожевенное производство, а изготовленные здесь изделия из кожи были широко известны далеко за пределами района.

Через Шталлупёнен шла прямая дорога из Кёнигсберга на Ковно, Вильно и далее на Москву. Ею пользовались не только купцы и путешественники. Во время похода в Пруссию в ходе Семилетней войны в Шталлупёнене 21–24 июля 1757 года был разбит лагерь основных сил русской армии под командованием генерал-фельдмаршала С. Ф. Апраксина, а 3 августа того же года в местной кирхе горожане принесли присягу российской императрице.

Некоторое время в Шталлупёнене жил и руководил церковным хором литовский пастор Кристионас Донелайтис, где он познакомился со своей будущей женой – вдовой ректора шталупёненской школы Анной Региной Олефант.

В 1782 году численность жителей города достигла 2357 человек.

21 июня 1812 года через город вместе со своей армией проезжал французский император Наполеон, направляясь в поход на Россию.

После небольшого обеда в Шталлупёнене он принялся за просмотр присланной почты, где нашёл письмо от его матери Летиции Рамолино, которая была против запланированной её сыном военной кампании и заклинала отпрыска не начинать поход на Россию, «чувствуя беспокойство в своей душе и опасаясь за исход военных действий».

Наполеон, не дочитав письмо до конца, отшвырнул его в сторону. В этот момент вошёл дежурный генерал и доложил главнокомандующему, что бургомистр города просит об аудиенции. Наполеон приказал впустить главу города в надежде отыгратья на последнем за своё плохое настроение.

Не дав сказать пожилому мужчине ни одного слова, он набросился на него с упрёками и угрозами. Бургомистр выслушал всю словесную канонаду в полном спокойствии, что ещё больше раззадорило императора, который, полный ярости, бросил к ногам бедного главы города стеклянный стакан, разлетевшийся по полу на мелкие осколки. Едва слышно бургомистр и произнёс несколько позднее ставших знаменитыми во всей провинции слов – старую и мудрую поговорку: «Счастье и стекло, они так разбиваются легко».

Наполеон, который, как известно, верил в предзнаменования, не решился устраивать разрушения в городе, а устроил в Шталлупенене смотр своим войскам и поспешил в Вилкавишкис, где вскоре объявил России войну.

В ночь с 23 на 24 июня 1812 года его войска в районе Ковно переправились через реку Неман и, мало думая о последствиях, вторглись в пределы России.

Через Пруссию – Кёнигсберг, Инстербург, Гумбиннен, Шталлупёнен – двигались основные силы наполеоновской армии и отдельные части резервных войск французов к российской границе.

Очень скоро в Пруссию только в обратном направлении стали приближаться бежавшие из России теперь уже жалкие остатки некогда блестящей военной силы.

В декабре 1812 года, в результате удивительно быстрого отступления, в Пруссию сбегаются французы – в пёстром изодранном обмундировании и без какого-либо оружия, недавно великолепно выглядевшие и высокомерные, а сейчас совершенно измождённые и униженные солдаты. Их плачевный вид не вызывал ничего, кроме сострадания к ним.

Из более чем 300 тысяч маршировавших в Россию храбрых вояк назад вернулось горстка солдат, в общей сложности составляющих не более одного батальона. Остальные ретировались мелкими группами, безоружные, истощённые, оборванные, с отмороженными конечностями, закутанные в женские пальто, шерстяные платки, конские попоны и во всё прочее, что никак не соотносилось с видом

крупнейшей европейской армии. Многие замерзали насмерть, пытаясь согреться в 24-градусный мороз у бивачных костров.

Из статьи Сергея Погудина «Три предупреждения Наполеона», опубликованной в сборнике материалов XVIII научной конференции 2021 года.

В 1818 году Шталлупёнен стал центром одноименного района, а во второй половине XIX века был включен в сеть железнодорожного сообщения.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 008979
Stallupönen, Kreis Ebenrode, MT13101-0. Bahnhof, Gleisseite II. (1920-1938), ©

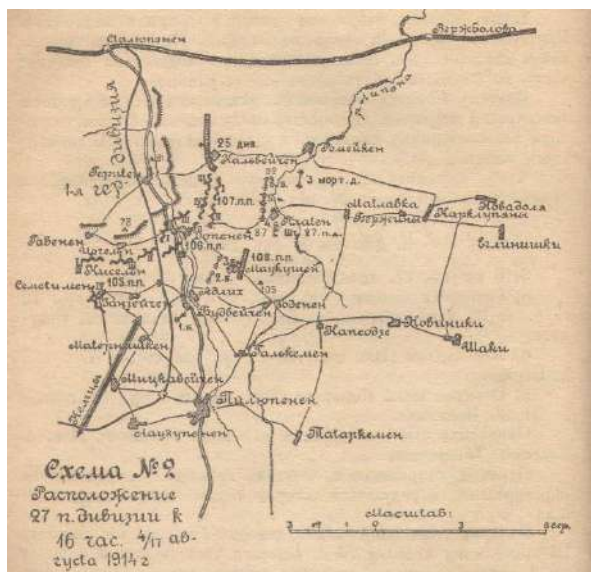
В 1860 году через город пролегла железнодорожная линия Кёнигсберг—Эйтдкунен, в 1892 году железная дорога соединила Шталлупёнен с Тильзитом.

К 1867 году количество жителей увеличилось до 3696 человек, в 1880 году — до 3997, а к 1910 году — до 5646 человек.

В начале XX века в Шталлупёнене действовали реальная школа, учреждение администрации, суд, почта, отделение главной таможни, государственный банк и отделение частного банка. Здесь также размещался воинский гарнизон в составе двух уланских эскадронов. По понедельникам и четвергам в городе устраивались рынки.

Близость к границе города Нестерова сказалась на его истории: все войны, начиная с XIII века, прошли через Шталлупёнен. В годы Первой мировой войны город Шталлупёнен стал ареной боевых действий и был сильно разрушен.

4 (17) августа 1914 года под Шталлупёненом произошло одно из самых кровопролитных сражений Восточно-Прусской операции русской армии.

Тогда 1-я армия генерала П. К. Ренненкампа пересекла границу. Ее центральный корпус (генерал Н. А. Еланчин) выдвинулся вперед и в районе Шталлупёнена был атакован 1-м германским корпусом (генерал Г. фон Франсуа). Особо упорные бои завязались на фронте 27-й дивизии у Гёриттена (совр. пос. Пушкино Нестеровского района), где благодаря неожиданному маневру противник заставил русских отступить. Непосредственно у Шталлупёнена вела бой 25-я пехотная дивизия, которая отразила все атаки и при поддержке соседних соединений заставила противника

отступить. Согласно боевым документам, Шталлупёнен был занят 5 (18) августа. По воспоминаниям офицера П. А. Аккермана, город сильно пострадал от мародеров.

Война вернулась в этот район в сентябре 1914 года, когда под напором противника 1-я русская армия в спешке отступала к границе. Через город непосредственно отходили тыловые учреждения 3-го и 4-го корпусов. 30 августа (12 сентября) Шталлупёнен и прилегавшие деревни были охвачены пожарами, а все шоссе были забиты повозками и обозами в 4–5 рядов.

Отходившим здесь боевым частям 27-й дивизии генерала К. М. Адарида с трудом удалось расчистить проход. Уже к вечеру город был оставлен русскими.

Повторно Шталлупёнен оказался занят во время второго наступления в ноябре 1914 года все теми же частями 25-й пехотной дивизии (к тому времени входившими в состав 10-й армии). В дальнейшем здесь располагался штаб генерала Н. А. Епанчина, который командовал 3-м армейским корпусом. Эти войска состояли из второстепенных частей; в январе 1915 года они были окончательно измотаны в боях за

Ласденен (город Краснознаменск). Когда 26 января (8 февраля) 10-я немецкая армия повела наступление, русским войскам пришлось отступить — 28 января (10 февраля) они оставили город и в беспорядке отступили к Вержболово (совр. Вирбалис, Литва).

В память об этих событиях в нескольких километрах от города, в районе бывшего поселения Скрудшена, находится русско-немецкое кладбище, где захоронено 40 русских и 30 немецких солдат.

Пострадавший в ходе войны Шталлупёнен восстанавливали с существенной помощью немецкого города Кассель под началом

архитекторов Лоца, позднее – Курта Фрика, совместно с Эйдткуненом (пос. Чернышевское) и Ширвиндтом (пос. Кутузово Краснознаменского района). Восстановление почти полностью утраченного наследия велось с искренним желанием возродить, учесть и отразить требования к городскому устройству.

Тройная система площадей фон Унфрида обогатилась пропилеями, их аркады стали одним из редких примеров возвращения к исконно прусской форме площадей, обрамлённых домами с галереями по внутреннему периметру – «Лаубенхаусами», только отличие заключалось в строительном решении: теперь это не фахверки, и они имели укороченный вид для достижения

максимального эффекта минимальными средствами. В результате город получил 430 жилых домов и 1606 хозяйственных построек.

2 октября 1917 года в Шталлупёнен прибыла **германская императрица Августа Виктория**, а затем выехала в посёлок Гёриттен для торжественного открытия воинского мемориального кладбища, на котором были захоронены 601 русский воин и 196 германских солдат.

Следует отметить,

что **воинский мемориал «Гёриттен»** был создан в 1916 – 1917 годах руками русских военнопленных. Русские военнопленные восстановили все разрушенные жилые дома и хозяйственные постройки на востоке Восточной Пруссии, построили большое количество новых домов. Их руками были благоустроены воинские захоронения, в том числе и мемориал в Гёриттене, современном Пушкино.

Посёлок Гёриттен неоднократно оказывался в центре боевых действий.

17 августа 1914 года в ходе сражения при Шталлупенене. В тот день на посёлок наступала 27-я пехотная дивизия 3-го армейского корпуса 1-й русской армии. Германские части защищали посёлок, служивший ключом к Шталлупёнену. В разгар боя в тыл 105-му Оренбургскому пехотному полку ударили германцы, проникшие со стороны Пиллюпенена (пос. Невское) в открытый стык между 27-й и 40-й пехотными дивизиями. 105-й полк понёс жестокие потери. Только ночью с 17 на 18 августа германцы оставили Гёриттен и Шталлупёнен и отошли на запад.

7 ноября 1914 года здесь же в ходе второго сражения при Шталлупенене, котором опять же участвовала 27-я пехотная дивизия и снова большие потери понёс 105-й Оренбургский пехотный полк.

Воинский мемориал «Гёриттен» – одно из самых крупных воинских захоронений Первой мировой войны на территории Калининградской области. В центре мемориального комплекса был построен мавзолей, разрушенный в советское время. Справа и слева от него находились ряды братских могил с крестами. Кресты к сегодняшнему дню разбиты и большей

частью утрачены.

В 1996 году молодёжный русско-немецкий лагерь, организованный Германским Народным союзом по уходу за воинскими захоронениями, проводил восстановительные работы на мемориале. Мемориал расчищен, но обломки крестов и элементов мавзолея производят удручающее впечатление. Сохранился железобетонный крест высотой 3,5 метра, стоящий в южной части мемориала. Германский Народный союз продолжает осуществлять уход за территорией воинского захоронения. Силами православного Свято-Духова прихода рядом с захоронением сооружен памятный знак павшим русским воинам 27-й пехотной дивизии: пирамида из булыжников, увенчанная крестом с портретом государя-императора Николая Второго.

Вернёмся в город Шталлупёнен, где к 1925 году насчитывался 6171 житель, из них мужчин — 2892; с точки зрения конфессиональной принадлежности, население распределялось так: не менее 94% принадлежали к евангелической церкви – 5798 человек, 124 — к католической; здесь также проживали 47 иудеев и 2 атеиста. В 1931 году в городскую общину входил один пригородный населенный пункт.

Переименование в 1938 году некоторых населенных пунктов Восточной Пруссии коснулось и Шталлупёнена, который стал называться Эбенроде.

Тогда в городе функционировали ратуша, районные административные, финансовые и судебные учреждения, таможня, больница, районная школа, реальная гимназия, школа для девочек, сельскохозяйственное училище, школа дополнительного образования, действовали спортивные и культурные общества. Город по-прежнему украшала

евангелическая кирха, а в 1920–1930-е годы здесь появился и католический храм.

На 1939 год население Эбенроде составило 6608 человек (в 1933 год этот показатель составлял 6294 чел.); город был районным центром (правительственный округ Гумбиннен).

Эбенроде вписал свою страницу в мрачную историю нацизма: в 4 км от города, в посёлке Шютценорт (в настоящее время пос. Пригородное) в 1941 году был образован лагерь для военнопленных офицеров Офлаг-52 (с августа по октябрь 1942 г. — подразделения лагерей Шталаг ID, до июня 1944 — Шталаг IF, рабочая команда 4/216 Шталаг IA) – на его территории погибло свыше 5 тыс. советских военнопленных. 22 августа 2020 года установлен памятный знак узникам лагеря Офлаг-52.

В конце Второй мировой войны в рамках проведения Гумбиннен-Гольдапской операции 19 октября 1944 года к шталлупёненским укреплениям вышли соединения 8-го гвардейского стрелкового корпуса 11-й гвардейской армии. Продвижение шло исключительно медленно и с большими потерями. Подключившаяся

к наступлению 5-я армия также заметных успехов не достигла. Удерживаясь на оборонительных рубежах, немецкое командование стягивало к Шталлупёнену подкрепления. В этих условиях 20 октября командующий фронтом И. Д. Черняховский принял решение ввести в бой 28-ю армию генерала С. Н. Кузнецова. В ночь на 25 октября частями 96-й гвардейской стрелковой дивизии Шталлупёнен был взят. В боях под Шталлупёненом принимал участие известный в будущем российский культуролог Г. С. Померанц.

Город стал главным трофеем Гумбиннен-Гольдапской операции 1944 года — если заметную часть захваченной территории Восточной Пруссии к началу зимы пришлось оставить, то этот стратегически важный пункт советские войска смогли удержать.

По материалам статьи, опубликованной в энциклопедическом справочнике «Малые города Калининградской области» http://gako2006.narod.ru/M_goroda/nesterov.htm, исследовательской работы Д. Сухина «Германская градостроительная история Восточной Пруссии», а также – публикации Георгия Бирюкова https://vk.com/wall641800990_1458?hash=0c6ef71fbf37a20774 и с сайта <https://www.prussia39.ru>

В августе 1944 года, на завершающем этапе операции «Багратион», войска 3-го Белорусского фронта вышли к границе Германии (в пределах провинции Восточная Пруссия). Затем наступила стратегическая пауза, во время которой войска обеих сторон готовились к продолжению военных действий: советские войска — к дальнейшему наступлению в пределы Германии, немецкие — к обороне в Восточной Пруссии.

Войска 3-го Белорусского фронта приступили к выполнению операции 16 октября 1944 года. Ее цель — разгром тильзитско-инстербургской группировки немцев и последующее овладение Кёнигсбергом. Однако сил на достижение такой цели у фронта не хватило: долговременная, глубоко эшелонированная оборона, отчаянное сопротивление немецких войск, большие потери советских войск вынудили командование 3-го Белорусского фронта перейти к обороне. Операция была прекращена 27 октября 1944 года. Советским войскам удалось только вторгнуться «в пределы Восточной Пруссии на 30 км в глубину и 140 км по фронту».

Новое наступление советских войск в Восточной Пруссии началось 13 января 1945 года. Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция 1945 г., по официальным данным, проводилась силами 2-го и 3-го Белорусских, частью сил 1-го Прибалтийского фронтов, при содействии сил Балтийского флота. Операция завершилась 25 апреля 1945 года. Но бои еще продолжались на

косе Фрише Нерунг. Там остатки немецких войск капитулировали в ночь с 8 на 9 мая 1945 года. Такова краткая версия боёв в Восточной Пруссии.

По оценкам современных историографов, кампания советских войск в этой провинции Германии ограничивается только Восточно-Прусской стратегической наступательной операцией 1945 года. В стороне остается Гумбинненская (Гольдап-Гумбинненская) операция 3-го Белорусского фронта в октябре 1944 года, завершившаяся вторжением советских войск на территорию Германии. Или эта операция не упоминается вообще, или она включается в состав Прибалтийской стратегической наступательной операции 1944 года.

Может быть, потому, что **маршал Василевский** резко негативно и не совсем справедливо отзывался об этой операции: «... *неудачные попытки прорваться в пределы Восточной Пруссии и переход после этого к жесткой обороне войск 3-го Белорусского фронта*»? Возможно, он возлагал и на себя часть ответственности за не совсем успешные действия группы фронтов, которой он

руководил как представитель Ставки ВГК (1-му Прибалтийскому фронту не удалось с ходу взять Мемель, не достигла поставленной цели и Гумбинненская операция). Восьмого ноября 1944 года Василевский был освобожден от руководства операциями 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов.

Возможно, на основании того, что к этой операции была привлечена 39-я армия 3-го Белорусского фронта.

К двадцатилетию вторжения войск 3-го Белорусского фронта в Восточную Пруссию полковник Михаил Николаевич Алексеев (1938 – 1955 служил в рядах Красной и Советской Армий солдатом, затем офицером, был военным корреспондентом, с 1968 года главный редактор журнала «Москва»), видимо, впервые в советской историографии рассказал о Гумбинненской операции.

Войска фронта под командованием генерала армии **И. Д. Черняховского** во второй половине октября 1944 года подготовили и осуществили наступательную операцию на гумбинненском направлении.

Алексеев вполне обоснованно утверждает, что, несмотря на первоначальные успехи операции, наступление войск фронта протекало в медленном темпе, вторую полосу обороны, опиравшуюся на приграничный укрепленный район немцев, прорвать с ходу не удалось.

Более критично отозвался об этой операции генерал-полковник А.П. Покровский, который на завершающем этапе войны был начальником штаба 3-го Белорусского фронта.

По его словам, войска 3-го Белорусского фронта во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом получили задачу разгромить тильзитско-гумбинненскую группировку противника и овладеть

Кёнигсбергом. *«Фактически эта операция вылилась в изолированное наступление одного 3-го Белорусского фронта и ограничилась продвижением на глубину до 60 км на фронте в 100 км. Операция стоила больших людских и материальных потерь».* За 14 дней сражения с 16 по 30 октября 1944 года Красная Армия оставила более 79,5 тысяч человек, из них 16 819 – безвозвратные...

Михаил Алексеев четко позиционирует эту операцию как «операцию по вторжению в Восточную Пруссию». Данный факт, по сути, неоспорим, так как, кроме приказа Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, об этом же сообщают и немецкие авторы.

В частности, немцы Диккерт и Гроссман пишут в мемуарах, оценивая результаты этого сражения: *«На 150 км по фронту и на глубину до 40 км советские войска вошли на землю Восточной Пруссии».* Их данные по масштабам вторжения в Восточную Пруссию оказываются даже более точными, чем у Покровского.

Что касается операции вторжения, Гумбинненская операция однозначно определялась как фронтовая операция, проведенная 3-м Белорусским фронтом вполне самостоятельно. Да и оперативная пауза (с конца октября 1944 года до середины января следующего года) была слишком продолжительной, чтобы говорить о преемственности или насущных связях между двумя операциями. Поэтому включение ее в состав Восточно-Прусской операции вряд ли можно считать обоснованным решением.

Вооруженная борьба — или битва — за Восточную Пруссию часто воспринимается как единая боевая операция. Между тем эти боевые действия имеют ярко выраженную периодизацию: август — октябрь 1944 года и январь — апрель 1945 года.

Первый период связан с Гумбинненской наступательной операцией, которая проводилась силами 3-го Белорусского фронта.

Операция намечалась с решительными целями, заключавшимися в разгроме противостоявшего противника, уничтожения его основных сил и средств и выхода на морское побережье в Юго-Восточной Прибалтике. В директиве Ставки Верховного Главнокомандования на проведение операции прямо указывалось: *«...разгромить тильзитско-инстербургскую группировку немцев и овладеть районом*

Кёнигсберга» (Директива Ставки ВГК Командующему 3 Белорусским фронтом и Маршалу Василевскому). В Ставке понимали, что овладение Кёнигсбергом силами одного фронта будет весьма проблематичным, поэтому в директиве намечалось выполнение только ближайшей задачи операции: выход на рубеж Инстербург — Даркемен — Гольдап. В дальнейшем предполагалось общее направление наступления по правому берегу р. Прегель.

Достижению этих целей воспрепятствовали ряд причин и сложившиеся обстоятельства. В частности, фронтовая операция проводилась после окончания стратегической операции «Багратион». Пройдя с боями Белоруссию, Литву к осени 1944 года, советские войска понесли ощутимые потери, многомесячное напряжение сил сказывалось на их физическом состоянии. Были израсходованы запасы

материальных средств и вооружения. Для восстановления боеспособности войск требовалось время. Надо признать, что командованию 3-го Белорусского фронта не удалось получить точного представления о характере обороны противника, созданной в Восточной Пруссии. Немцы же, в свою очередь, к осени 1944 года приняли все меры для того, чтобы предотвратить вторжение советских войск на свою территорию.

Германское командование собиралось оборонять Восточную Пруссию — важнейшую часть Германской империи, до последнего солдата. Надо отметить, что район боевых действий по своим природным условиям был удобен для обороны. Восточная Пруссия была насыщена естественными препятствиями, особенно реками, что сужало возможности для маневра наших крупных войсковых группировок, замедляло темпы их движения и позволяло противнику отойти, организовать оборону на новых, заранее подготовленных рубежах.

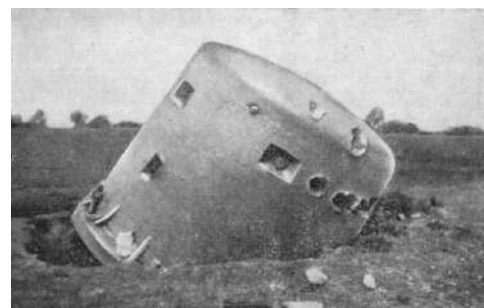

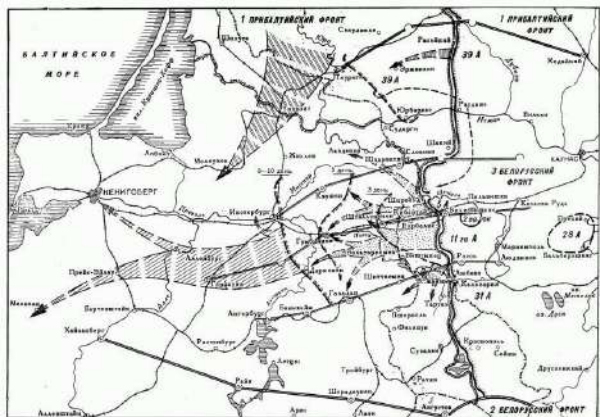
Германские войска имели в Восточной Пруссии, как древние, средневековые укрепления, так и сравнительно новые, времён Первой мировой войны. После поражения Германии в войне 1914-1918 гг. державы Антанты заставили Берлин разрушить оборонительные рубежи на западе, но в Восточной Пруссии их разрешили сохранить. В результате старые укрепления не только были

сохранены, но и были значительно расширены. С 1922 года немцы возобновили работы по оборудованию оборонительных сооружений в Восточной Пруссии и продолжали их вплоть до 1941 года.

В 1943 году, потерпев сокрушительные поражения под Сталинградом и на Курской дуге, немецкое командование развернуло в приграничной полосе работы по совершенствованию старых и строительству новых оборонительных рубежей. По мере ухудшения ситуации на Восточном фронте и приближения советских войск к границам Третьего рейха эти работы велись ещё более активно. Для оборудования оборонительных рубежей использовали как полевые войска и специальную строительную организацию Тодта, так и местное население и военнопленных (до 150 тыс. человек).

При возведении укреплений немецкие инженеры искусно учитывали особенности местности. Все основные оборонительные полосы, располагавшиеся одна от другой на 15-20 км, старались оборудовать по гребням господствующих высот, берегам водоёмов, оврагов и других естественных препятствий. К круговой обороне были подготовлены все основные населенные пункты. Оборонительные сооружения прикрывали завалами, противотанковыми и противопехотными заграждениями, минными полями. Так, средняя плотность минирования составляла 1500-2000 мин на 1 км фронта.

Оборону создавали с таким расчётом, чтоб при потере одного рубежа, вермахт мог тут же закрепиться на другом, а советским войскам пришлось организовывать штурм новой оборонительной линии.

В полосе наступления 3-го Белорусского фронта было три укрепрайона — Ильменхорстский, Хайльсбергский, Летценский, а также крепость Кёнигсберг. Всего на подступах к Кёнигсбергу девять укрепленных полос, глубиной до 150 км.

Непосредственно перед государственной границей немецкие войска оборудовали дополнительную полосу укреплений полевого типа общей глубиной в 16 — 20 км, которая состояла из одного основного и двух промежуточных оборонительных рубежей. Это было своего рода предполье оборонительной зоны Восточной Пруссии. Дополнительная полоса должна была измотать, обескровить советские войска, чтобы их можно было

остановить на основной линии.

Приграничная оборонительная зона состояла из двух оборонительных полос общей глубиной 6-10 км. Наиболее мощная оборона была на шталлупененско-гумбинненском направлении, около дороги Каунас — Инстербург. Так, здесь только на 18-километровом участке немцы имели 59 железобетонных сооружений (24 дота, 29 убежищ и 6 командно-наблюдательных пунктов). Города Шталлупенен, Гумбиннен, Гольдап, Даркемен и некоторые крупные поселки были превращены в серьёзные узлы сопротивления. Германский фюрер неоднократно лично посещал оборонительные линии в Восточной Пруссии, поднимая боевой дух солдат. Практически вся Восточная Пруссия была превращена один огромный укрепленный район.

По материалам статей Г.В. Кренина «О некоторых особенностях битвы за Восточную Пруссию в 1944–1945 годах» и А. Самсонова «Первый штурм Восточной Пруссии»

<https://topwar.ru/60913-pervyy-shturm-vostochnoy-prussii.html>

Шталлупёнен сильно пострадал в ходе ожесточенных боев Красной Армии с гитлеровцами: все имевшиеся до войны хозяйственные объекты, кроме электростанции, были разрушены или имели серьезные повреждения, большой ущерб был нанесен жилому фонду. В ноябре 1946 года в городе проживало 623 человека, из которых 426 были

советскими гражданами и 197 — немцами. В мае 1946 года было создано Управление по гражданским делам Шталлупёненского района, начальником которого был назначен В. И. Машин. Под его руководством осуществлялось массовое заселение района выходцами из Кировской, Ульяновской, Пензенской, Владимирской и других областей РСФСР.

В течение 1946–1947 годов в городе были созданы прокуратура, народный суд, райотделы МВД и МГБ, почта, инспектура госстатистики, ЗАГС, райторготдел, железнодорожная станция, участок госавтоинспекции, база областной конторы "Заготзерно", МТС, промкомбинат, районная больница, аптека, гостиница.

1 сентября 1946 года была открыта неполная средняя **школа**, в которой учился будущий летчик-космонавт Герой Советского Союза В. И. Пацаев, детский дом для немецкого населения и некоторые другие организации. В июне 1947 года завершилось восстановление здания под Дом культуры.

В июле 1947 года в городе имелось всего 52 годных для проживания здания с жилой

площадью 5,5 тыс. кв. м.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 7 сентября 1946 года населенный пункт Шталлупёнен/Эбенроде был переименован в город Нестеров, ставший центром одноименного района. Город был назван в честь Героя Советского Союза, гвардии полковника С. К. Нестерова, погибшего в бою южнее Шталлупёнена 20 октября 1944 года. К сентябрю 1947 года количество жителей Нестерова увеличилось до 1245 человек, из которых 245 человек представляли немецкое население.

По материалам статьи, опубликованной в энциклопедическом справочнике «Малые города Калининградской области» ГАКО http://gako2006.narod.ru/M_goroda/nesterov.htm

Гвардии полковник Степан Нестеров в октябре 1944 года возглавил форсирование соединениями и частями корпуса реки Писса в районе населённого пункта Кассубен (пос. Ильинское), расположенного в 14-и километрах южнее города Шталлупёнен и обеспечил их дальнейшие успешные действия. Во главе одной из танковых бригад решительно преследовал противника.

Когда танкисты подошли вплотную к границе с Восточной Пруссией, полковник Нестеров расстается со своей бригадой, с которой прошел по фронтовым дорогам от Дона до Литвы с 1942 года. Его, как одного из опытных и талантливых командиров, назначают на должность заместителя командира 2-го гвардейского Краснознамённого Тацинского танкового корпуса по строевой части (3-й Белорусский фронт).

Утром 16 октября мощной, почти двухчасовой, артиллерийской и авиационной подготовкой началась Гумбинненская наступательная операция. Для преследования отступающего противника вдоль нынешней магистрали Калининград – Нестеров были введены в бой части 2-го гвардейского Тацинского Краснознаменного танкового корпуса генерал-лейтенанта А.С. Бурдейного. Не давая врагу прийти в себя, танкисты смело атаковали его разрозненные подразделения, продвигаясь все дальше в глубь Восточной Пруссии. Решительно они действовали на левом фланге, где наступление 26-й танковой и 4-й мотострелковой бригад координировал Степан Кузьмич Нестеров.

Одной из тяжелых преград на пути советских войск была река Писса, небольшая, но с очень неудобными для прохода танков берегами. Когда наши танки подошли к реке вплотную, противник встретил их сильным артиллерийским огнем. Гвардии полковник Нестеров, выбрав наиболее уязвимое место во вражеской обороне, приказал танковым десантам форсировать Писсу. Противник меньше всего ожидал удара со стороны заболоченного участка реки. У местечка Кассубен реку удалось форсировать.

Развивая наступление танкисты, поддерживаемые мотострелковой бригадой, вышли к городу Шталлупенен. В разгар боя 20 октября 1944 года гвардии полковник Степан Кузьмич Нестеров погиб от немецкой пули западнее местечка Кассубен (ныне поселок Ильинское Нестеровского района Калининградской области). Однако операция, начатая под умелым руководством С.К. Нестеровым, была с честью завершена: его подчиненными город Шталлупенен был взят и фашистская дивизия «Герман Геринг» была разбита. Плацдарм для генерального наступления Красной Армии на Восточную Пруссию был завоёван.

Гвардии полковник С.К. Нестеров был похоронен с воинскими почестями в парке города Каунас (Литва).

Существует ошибочное мнение о том, что позднее Степан Кузьмич Нестеров был перезахоронен в братскую могилу в городе Нестерове Калининградской области. В частности, подобную информацию можно встретить как в некоторых печатных изданиях, так и на некоторых ресурсах сети интернет. Однако это не так. Могила гвардии полковника Нестерова Степана Кузьмича и по сей день находится в городе Каунасе в Литве. Эту информацию подтвердила заместитель председателя совета ветеранов Нестеровского района и руководитель патриотического клуба «Прометей» Гусарова Тамара Афанасьевна. Администрация города Нестерова в 2015 году посетила могилу С.К. Нестерова в Каунасе. Место захоронения содержится в чистоте и порядке.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1945 года за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, гвардии полковнику Нестерову Степану Кузьмичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Награждён 2-я орденами Ленина, орденами Красного Знамени, 2-я орденами Суворова 2-й степени, Александра Невского, Красной Звезды, медалями.

Первый отвоёванный на территории врага город Шталлупенен, близ которого прервалась жизнь гвардии подполковника, был назван его именем – Нестеров.

В самом центре города Нестеров в 1956 году в городе был установлен гипсовый бюст Героя, который в 2005 году заменен на бронзовый. Установлен бюст С.К. Нестерова на малой родине Героя в поселке Добринка Липецкой области. Именем Степана Кузьмича Нестерова была названа одна из улиц Липецка, тепловоз Калининградской железной дороги, средняя школа села Талицкий Чамлык Добринского района Липецкой области, на

здании которой установлена мемориальная доска. Также мемориальная доска установлена в честь Героя на одной из станций Калининградской железной дороги.

«... С утра 20 октября для развития успеха войск 11-й гвардейской армии вводился в бой 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус генерала А.С. Бурдейного в полосе 16-го гвардейского стрелкового корпуса. Его ближайшая задача состояла в том, чтобы разгромить противостоящего противника и выйти на рубеж реки Роминте. В дальнейшем, прикрывшись частью сил с запада на рубеже реки Ангерап, наступать на Гумбиннен и овладеть этим важным узлом обороны противника. Действия танкового корпуса в наступлении на Гумбиннен усиливались 11-й гвардейской стрелковой дивизией.

Гитлеровцы предпринимали ожесточенные контратаки из района Енцунен в направлении на Кассубен.

На рубеже реки Писса в районе Кассубен руководил боем танковых и мотострелковой бригад заместитель командира 2-го гвардейского танкового корпуса гвардии полковник С.К. Нестеров. Как ни мала Писса, не сравнить ее ни с Березиной, ни с Неманом, но переправа через нее оказалась тяжелой. Враг хорошо укрепил все подступы к реке, держал их под сильным артиллерийским и минометно-пулеметным огнем, непрерывно предпринимал контратаки. И все же у местечка Кассубен реку удалось форсировать. Гвардии полковник С.К. Нестеров был поистине бесстрашным человеком. Каждую минуту рискуя жизнью, он неизменно появлялся на самых трудных и опасных участках. И когда с исключительным хладнокровием этот спокойный, сдержанный офицер отдавал приказания, нельзя было их не выполнить. Сила примера — великая сила!

Героические действия советских гвардейцев увенчались успехом. Противник, засевший на рубеже Писсы, был смят, большей частью истреблен, а остатки его частей беспорядочно отходили. При отражении одной из контратак, западнее Кассубен, гвардии полковник С.К. Нестеров был смертельно ранен пулей вражеского автоматчика.

19 апреля 1945 года Степану Кузьмичу Нестерову за мужество и храбрость посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Первый отвоёванный на территории врага город Шталлупенен, близ которого прервалась жизнь героя, был назван его именем. В самом центре города Нестерова возвышается памятник отважному танкисту...»

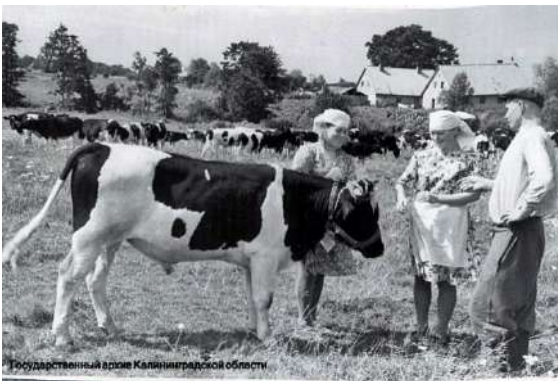
ИЗ СООБЩЕНИЯ О ГИБЕЛИ С.К. НЕСТЕРОВА ЕГО РОДИТЕЛЯМ:

«Дорогие Кузьма Алексеевич и Наталья Петровна! Ваш сын Степан Кузьмич погиб смертью храбрых при прорыве вражеской обороны на территории Восточной Пруссии. Все свои силы и жизнь свою до последней капли крови он отдал за великое дело победы, за честь и свободу нашей Родины. Тяжела утрата. Но бойцы и офицеры Нестерова не дрогнули в бою, и за смерть своего командира жестоко отомстили врагу. Тысячи фашистов были раздавлены гусеницами танков гвардии полковника Нестерова. В страхе и ужасе метались враги, но нигде не находили спасения. Пощады им не было и нет. Весь путь танкистов-нестеровцев от границы Восточной Пруссии до города Кенигсберга усеян трупами гитлеровцев. Такова наша месть за смерть вашего сына. Мы гордимся, что в нашей семье вырос герой Отечественной войны Степан Кузьмич Нестеров. Будьте же мужественными и вы, дорогие родители героя, чью честь и достоинство он прославил навеки.

Желаю вам сил и здоровья. С глубоким уважением к вам гвардии генерал-лейтенант танковых войск А.С. Бурдейный».

Фрагмент статьи с сайта «Нестеровский РЦК» <https://dk-nesterov.ru/sknesterov.php>

С первых лет существования Нестеровский район стал развиваться как сельскохозяйственный, точнее — как животноводческий, ориентированный прежде всего на молочно-мясное скотоводство и свиноводство. В 1946 году, изначально как военное хозяйство № 30, был образован совхоз "Нестеровский" с центральной усадьбой в пос. Илюшино Нестеровского района, бывшем Миллюнен/Мюленгартен.

В 1951 году совхоз "Нестеровский" вошел в первую десятку совхозов СССР по продуктивности дойного стада. В начале 1960-х на базе совхоза создан племенной завод, на который возлагалась задача по обеспечению хозяйств области племенным скотом.

В 1967 году за успехи в развитии животноводства награжден орденом Ленина (единственный совхоз-орденоносец в области). Председатель совхоза — Герой Социалистического Труда, заслуженный ветврач РСФСР П. А. Востропятов, зав. механическими мастерскими — Я. Г. Борулько, заслуженный механизатор РСФСР, награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции.

Также в районе изначально было решено выращивать пшеницу, ячмень, овес, картофель, кормовую свеклу. В районном центре предусматривалось размещение предприятий по переработке молока и обслуживанию колхозов и совхозов. Одним из таких предприятий стал Нестеровский маслосырзавод, начавший производственную деятельность в марте 1947 года.

Постепенно разрушенное войной хозяйство города налаживалось. В январе 1948 года создан райпищекомбинат. В мае в новое отремонтированное здание переехала больница. В июне на базе бывшего детского дома для немецких детей-сирот открылся детский дом для детей воинов, погибших в Великой Отечественной войне. В 1949 году открылись первые в городе книжный магазин и кинотеатр

"Звезда" на 200 мест, через два года — городской стадион. С 1948 года в Нестерове выходила районная газета "Ленинский путь".

Жизнь почти полностью разрушенного города входила в нормальную колею. Из хозяйственных объектов осталась одна электростанция. В 1954 году город Нестеров получил электроэнергию (путем ввода в строй высоковольтной линии передач Гусев—Нестеров).

За период, прошедший с момента образования области, территория города не увеличилась: строительство шло внутри городской черты.

В постперестроечное время Нестеровский район продолжал развиваться как сельскохозяйственный, подавляющая часть земель которого использовалась как пашня, сенокосы и пастбища. На базе бывших советских и коллективных хозяйств возникло 11 сельскохозяйственных предприятий, в том числе с 1993 года ЗАО "Нестеровское", более двухсот фермерских хозяйств и три сельскохозяйственных ассоциации. Из промышленных предприятий в самом

Нестерове продолжали работать торфопредприятие, райавтодор, хлебозавод, строительная организация, колбасный цех, маслосырзавод, мехлесхоз. Большинство предприятий акционировалось. Многие переживали трудные времена. В 1998 году прекратил свою деятельность асфальто-бетонный завод, его оборудование было перевезено в Черняховск. Нестеровский маслосырзавод с 1998 года прекратил выпуск продукции, став одним из низовых звеньев ОАО "Молоко" по приему, первичной обработке и охлаждению молока. В это время была закрыта и единственная в городе гостиница.

Площадь сельхозугодий Нестеровского района составляет 20 513 га.

Согласно переписи населения 2019 года, в Нестеровском районе проживает 14 918 человек.

В городе Нестеров зарегистрирован один объект культурного наследия регионального значения — бывшая католическая капелла 1927 года постройки. Однонефная базилика с небольшой башней по улице Черняховского во время боевых действий 1945 года не пострадала. После войны здание использовалось как Дом пионеров. В 1991 году капеллу передали православной общине, где

теперь действует храм Святого Духа, который был освящен митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом в 1996 году. В настоящее время настоятелем храма служит отец Георгий (Бирюков).

Здесь же на ул. Черняховского находится Мемориальный комплекс на братской могиле советских воинов, погибших при штурме города Шталлупёнена в октябре 1944 года. Ещё в 1955 году на месте захоронения 676 воинов был установлен памятник, а позднее в 1984 году архитекторами А. В.

Марковым, В. Г. Еремеевым, А. В. Невежином и скульптором Израилем Гершбургом создан мемориал. В центре композиции мемориального комплекса металлический памятник советского воина на бетонном постаменте из шести четырехгранных бетонных оснований с 12 мемориальными досками, дополняют ансамбль шесть стилизованных землянок с барельефами воинов и эпитафиями.

Приметами нового времени стали образованный в Нестеровском районе в 1991 году таможенный пост МААП "Чернышевское".

Районный центр Нестеров – скорее поселок, чем город, с населением около 4,5 тысяч человек. Без машины в Нестеровском районе делать нечего – все лучшее находится за

городом Нестеров. Маленькому Нестерову не грозит перспектива стать мегаполисом. Большой бизнес сегодня заинтересован только в сельском хозяйстве и месторождениях торфа и песка. Город останется центром сельского района и транспортным узлом с погранпереходами в Польшу и Литву.

Будущее Нестерова лежит в богатейшем историческом прошлом нескольких народов и эпох, в многочисленных памятниках истории и культуры, в уникальной природе Роминтенской пуши, Виштынецкого озера, холмов и рек.

По материалам статьи, опубликованной в энциклопедическом справочнике «Малые города Калининградской области» Государственного архива Калининградской области http://gako2006.narod.ru/M_goroda/nesterov.htm, а также публикации протоиерея Георгия Бирюкова «Нестеров. Между Востоком и Западом» <https://foma.ru/nesterov.html>

Среди населенных пунктов Калининградской области один играет особую роль в русской культурной памяти — это современный поселок Чернышевское Нестеровского городского округа. Его довоенное название — Эйткунен, и именно под этим названием он вошел в историю отечественной культуры как один из важнейших топов, символизирующих место встречи России и Запада. Его история — это история пограничья.

До конца Первой мировой войны в Эйткунене Германия граничила с Россией, в 1918—1940 гг. — с Литвой, с 1940 г. — с Советским Союзом. После Второй мировой войны этот населенный пункт стал советским (российским) поселком на административной границе с Литовской ССР, с 1991 г. — на государственной границе с Литовской Республикой.

Со времени открытия железнодорожного сообщения между Санкт-Петербургом и Берлином (1861 г.) путь за пределы России для многих лежал через Кёнигсберг, и Эйткунен был первой остановкой на этом пути — именно здесь происходила их встреча с Европой. Впечатлениям русских путешественников и отражению этого сюжета в литературе, как и в целом русско-немецкой пограничной

повседневности в Эйткунене, посвящено несколько публикаций. Среди всех восточно-пруссских городов Эйткунен приобрел исключительную роль в сознании русских путешественников, почти каждый из которых упоминал этот небольшой городок и станцию в нем. Он служил маркером для определения маршрутов в масштабах континента: «Сегодня выезжаю по железной дороге на Эйткунен в Булонь», — записывает в дневнике историк русской литературы, деятель цензуры, выходец из крепостных крестьян графа Шереметева Александр Васильевич Никитенко 14 июля 1862 г. (ст. ст.). А.А. Блок в письме к матери 19 июня 1909 г. (н. ст.) помещает приграничную станцию в один ряд с Берлином: «...поедем по Рейну до Кёльна, а из Кёльна, осмотрев его, прямо в Берлин и Эйткунен».

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 011020
Eydtkau, Kreis Ebenrode, MT13102-0. Bahnhof, Bahnsteig, vor 1914. (1900-1914). ©

Оказавшись в Эйдткунене, русские путешественники сразу чувствовали изменения в окружающей действительности. В апреле 1862 г. драматург Александр Николаевич Островский записал в дневнике: *«Пруссия. Эйдкунен. Порядок и солидность. Вещи выдали скоро и учтиво. Спросили только, нет ли чаю, табаку, икры, но не осматривали. Зала в дебаркадере роскошна в высшей степени»*. Эйфорию вызвало пересечение границы и у писателя Петра

Дмитриевича Боборыкина, автора романов «Дельцы», «Китай-город» и др., который в конце сентября 1865 года выехал для отдыха за границу через Восточную Пруссию, кратковременно останавливался здесь, о чём упоминает в своих мемуарах: *«В конце сентября 1865 года, очутившись в Эйдкунене, в зале немецкого вокзала, я свободно вздохнул, хотя и тогда прекрасно знал, что моя трудовая доля, полная мытарств, будет продолжаться очень долго, если не всю жизнь. <...> «За границу» кинулись к 60-м годам все, кто только мог. Рухнули николаевские порядки, когда паспорт стоил пятьсот рублей, да и с таким неслыханным побором вас могли – и очень! – не пустить. Теперь это сделалось банально. А надо было в 40-х годах состоять русским «интеллигентом», как Герцен, Огарёв, Тургенев и их друзья, чтобы почувствовать, что такое значило: иметь в кармане заграничный паспорт. Герцен после своих мытарств не помнил себя от радости. Но он всё-таки поехал без твёрдого намерения сделаться изгнанником, скоротать свой век на чужбине. Так вышло, и должно было выйти, особенно после февральской революции (в некоторых европейских странах 1848 – 1849 годов), которая так напугала и озлобила николаевский режим. Люди герценовского поколения попадали за границу – вообще с большой подготовкой, чем та масса, которая кинулась туда с 60-х годов. Конечно, в этой массе было уже гораздо больше чем прежде молодых людей, уехавших учиться с университетским дипломом, с более определённой программой дальнейших «штудий». Но сколько же тронулось тогда всякого шляющегося народа! Выкупные свидетельства (крестьянами у помещиков земельных наделов) после 1861 года зудели в руках дворян-помещиков. Где же легче, быстрее и приятнее можно было их спустить, как не за границей, «дан летранже» – как высказалась несравненная «дама Курдюкова». Та ездила по немецким курортам ещё в 40-годах, но, право, между нею и большинством наших соотечественников, бросившихся «а л'ентраже» (за границу – фр.) в 60-х годах, разница была малая – более количественная, чем качественная» (из книги воспоминаний «За полвека»).*

Gruss aus Königsberg i. Pr.
Verlag H. F. K.

Рис. 2. Брун В. Бюст Эйдткунен на восточной русской границе, ок. 1860 г.

Деловитость Островского и восторженность Боборыкина контрастируют с философским настроением Ф.М. Достоевского, который в «Зимних заметках о летних впечатлениях» описывает свое первое заграничное путешествие и заодно впечатления от поведения русских в Европе: «Подъезжая к Эйдткунену, я помню, особенно раздумался я про всё наше отечественное, которое покидал для Европы, и помню, что иные мечтания мои были в этом же духе. Я именно размышлял о том: каким образом на нас в разное время отражалась Европа и постепенно ломилась к нам с своей цивилизацией в гости, и насколько мы цивилизовались, и сколько именно нас счетом до сих пор отцивилизовалось? <...> Как только все мы переваливаем за Эйдткунен, тотчас же становимся разительно похожи на тех маленьких несчастных собачек, которые бегают, потерявши своего хозяина».

Многим казалось, что в Эйдткунене проходит как будто природная граница между двумя мирами. Русский писатель и публицист, близкий к народническому движению Глеб Иванович Успенский делится впечатлениями в письме к жене 11 апреля 1872 г. (ст. ст.): «С самого Эйдкунена — сразу прекращается все русское, кроме природы, да и та верст через 200 — неузнаваема, хотя и та же самая — так обработаны здесь наши пустыни петербургские. Деревни, пашня наша и прусская, это небо и земля. Деревни до того красивы и хороши, что, кажется, не уехал бы отсюда вовеки, — но что ж будет дальше».

Известный русский поэт Серебряного века Владимир Александрович Шуф (1863—1913) также констатировал в Эйдткунене контраст с российской действительностью:

*В Эйдкунене, минув черту границы,
Увидел я здоровый, мирный быт,
Дома крестьян под кровлей черепицы,
В полях стада, — и тучный скот был сыт.*

*Где ты, страна убогая? где жницы,
Солома хат в густой тени раки?
Где жалобы, что «нету, мол, землицы»,
И что мужик обижен и забит?*

*Здесь важный фермер тянет кружку
пива.*

*И васильков во ржи не видно тут...
Как девушка в венке из них красива!
Но наш сосед, любя упорный труд,
Их вылол, его богата нива.*

Там знания нет, где васильки цветут.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 009052
Eydikau, Kreis Ebenrode, MT13102-0. Kantstraße, Eisenbahner-Kolonie, Molkerei Reinhardt. (1910-1914). ©

Лейтмотив красоты и порядка звучит в описаниях русских свидетелей вплоть до начала Первой мировой войны: *«После Эйдкунена... дороги лучше и прямее, сады, поля и огороды обработаны с любовью. Домики, дворы и церкви блестели, точно только что помыты и покрашены».*

Количество свидетельств россиян о проезде через Эйдткунен настолько велико, что этот населенный пункт стал значимым русским

«местом памяти» (термин французского историка, автора концепции «мест памяти» Пьера Нора). Эйдткунен сыграл особую роль в культурной памяти россиян, причем отдельно следует подчеркнуть эмоциональный аспект этой памяти.

Воздух свободы, который многие русские интеллигенты предпочитали вдыхать за рубежами своей страны, привлекал путешественников и в новом столетии.

В начале 1900-х годов привело на эйдткуненские перроны новых знаменитых гостей из России. Лирический герой романа Владимира Набокова «Память, говори» («Memory, speak», 1948) в начале века путешествовал из Петербурга в Париж, и на границе Вержболово-Эйдткунен обнаружил, что *«бокастую, развалистую русскую колею (шестьдесят с половиною дюймов) заменял европейский стандарт (пятьдесят семь с половиною дюймов), а березовые дрова — уголь».*

Как видно из вышеприведенных цитат, пограничная станция вызывала у путешественников разные чувства. Бывало, что они испытывали радость, перемешанную с ностальгией, и при обратном движении. Художник Константин Алексеевич Коровин вспоминал о своем разговоре с актером императорских театров Михаилом Прововичем Садовским. Беседа имела место, вероятно, в 1906 г. (публикация 1936 г.). Садовский говорит: *«Был я за границей, нет там снегу. Вот как у нас теперь: дождик и галок нет. Так я соскучился по Москве — ужас! Уехал... Когда станцию пограничную Эйдкунен переехал, вот до чего обрадовался!..».*

Однако пересечение границы в восточном направлении иногда вызывало чувство страха. Сын М.Е. Салтыкова-Щедрина вспоминал об отце, что, *«приближаясь при возвращении домой из-за-границы к Вержболову, он как-то сразу увядал, нервничал, не отвечал на вопросы, курил папиросу за папиросой».* Несмотря на предупредительное отношение к писателю со стороны начальника станции в Вержболово, *«каждый раз, как поезд покидал Эйдкунен, последнюю прусскую станцию, отец, видимо, чрезвычайно волновался, как бы боясь, что его возьмут да арестуют».*

Напротив, ожидание встречи с родиной иной раз становилось нестерпимым именно в Эйдткунене. В августе 1876 г. писательница и художница М.К. Башкирцева была вынуждена остановиться там на ночь на пути в Россию. В дневнике она замечает: *«Еще сутки в Эйдткунене — как вам это нравится? Серое небо, холодный ветер, несколько бедных евреев на улице, стук телеги от времени до времени и всевозможные невыносимые беспокойства!»*.

Некоторые мемуаристы даже кратковременную пересадку в Эйдткунене описывают как «настоящий ад»: *«Рыдали дети, потерявшие своих родителей, метались толпы пассажиров всех национальностей и сословий, повсюду громоздились впечатляющие горы багажа, который приходилось перетаскивать с одного поезда на другой»* (1908 г.).

Россияне, пересекавшие границу с деловыми целями, могли задерживаться на пограничной станции на некоторое время. Так, русский живописец, академик, основоположник историко-бытового жанра в русской живописи Вячеслав Григорьевич Шварц сопровождал в январе (ст. ст.) 1867 г. работы на Всемирную выставку в Париже и провел в Эйдткунене несколько дней в ожидании таможенного

оформления и перегрузки работ с поезда на поезд.

По косвенным данным можно установить, что в Эйдткунене существовала и какая-то русская диаспора, хотя этот сюжет пока изучен недостаточно. Русский историк и публицист, редактор журнала «Вестник Европы» Михаил Матвеевич Стасюлевич упоминает о том, что в Эйдткунене *«поселилось много русских торговцев»*. Они, в частности, в сентябре 1883 г. приезжали в **Вержболово** проститься с И.С.

Тургеневым: гроб с его телом прибыл багажным вагоном и несколько дней оставался **в местной церкви**. Численность общины определить трудно, по крайней мере немецкие статистические данные не показывают стабильного присутствия русских в населенном пункте. Названия 34 улиц довоенного Эйдткунена также не отражают какое-либо русское влияние.

Пересекавшие границу в этом месте нередко балансировали на грани законности. Герой рассказа русского писателя, известного произведениями на темы из жизни военно-морского флота Константина Михайловича Станюковича «Истинно русский человек» (1890) вспоминает, как давал в Эйткунене взятку немецкому таможеннику.

Обычным делом был нелегальный переход границы. В 1889 г., например, его осуществил юный Николай Онуфриевич Лосский (будущий крупный русский философ), возвращавшийся из заграничного путешествия без паспорта. В воспоминаниях он описывает, как прятался с другими нелегалами в канаве между Эйткуненом и Вержболово, дожидаясь подходящего момента...

Наряду с нелегальным транзитом людей в районе местечка Эйткунен велась активная контрабанда оружия и политической литературы, других товаров.

Через Эйткунен некоторое время пролегал маршрут транспортировки газеты «Искра»: в 1901 г. в этих целях были опробованы разные способы — от использования литовских контрабандистов до нелегального перехода границы. Не следует, однако, думать, что правонарушения были монополизированы социал-демократами. Контрабандой

промышляли представители самых разных слоев. Князь Пётр Петрович Ишеев, офицер русской армии, сотрудник Ковенской, Виленской и ряда других изданий вспоминал, как перед Первой мировой войной офицеры ходили в Эйткунен прямо в военной форме, запасаясь шоколадом, сыром, другими товарами, а также запрещенной в России периодикой. Вся эта продукция контрабандным путем переправлялась в Россию, причем таможенники взирали на это сквозь пальцы. Более того, русские офицеры, оставив шинели в Эйткунене у сторожа на вокзале, уже в штатском продолжали путь в Кёнигсберг, где предавались разнообразным увеселениям.

Александр Иванович Куприн в рассказе «Честь имени» (1924) вспоминает об антиправительственных настроениях предреволюционных лет: *«Главным питательным источником в этом смысле были для нас те “запрещенные” книжки, на которые мы с такой жадностью накидывались, едва перевалив из Вержболово в Эйткунен».*

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 09065
Eydtkau, Kreis Eberode, MT13102-0. Blick vom Haus Samand in die Gartenstraße in Richtung Krankenhaus. (1935), ©

В послереволюционной реальности тональность разговоров заметно изменилась. В другом рассказе («Шестое чувство», 1934) Куприна лирический герой беседует с матросом, признающимся в том, что лишен чувства родины.

Матрос рассуждает: «...пересекая пограничную черту, все равно в Эйдкунене, Вержболове или Границе, никаких теплых слез на глазах я не чувствовал. Но вам я не могу не верить и без всякой шутки прошу вас: объясните мне, что такое Родина?»

— Родина? Она вот что... — сказал я и на минуту задумался. — Родина — это первая испытанная ласка, первая сознательная мысль,

осенившая голову, это запах воздуха, деревьев, цветов и полей, первые игры, песни и танцы. Родина — это прелесть и тайна родного языка. <...> Чувство родины — оно необъяснимое. Оно — шестое чувство».

Но это чувство приобретет особую актуальность, когда русские писатели окажутся на чужбине без права возвращения. А пока, в последние годы царской России, они предпочитают путешествовать в веселом расположении духа.

Надежда Александровна Тэффи в юмористическом рассказе «Путешествие» (1910) инструктирует желающих путешествовать: «Прежде всего, куда бы вы ни ехали, хоть в Тибет, границу непременно переезжайте в Эйдкунене, иначе никогда не почувствуете себя на границе. Это уже дознано и признано. (...) Самый важный момент ваших пограничных переживаний, это

— предъявление немецкого билета немецкому сторожу на платформе Эйдкунена. Поднимите глаза и взгляните на него. У него нос цвета голубинового крыла, с пурпурными разводами и мелким синим крапом. Тут вы сразу поймете, что все для вас кончено, что родина от вас отрезана и что вы одиноки и на чужбине. Лезьте скорее в вагон и пишите открытки».

В 1910 году проездом в Эйдткунене оказался Осип Мандельштам. По воспоминаниям Георгия Иванова, девятнадцатилетний Осип прибыл тем же путём в Петербург расстроенным: «В потерянном в Эйдкунене чемодане, кроме зубной щетки и Бергсона, была еще растрепанная тетрадка со стихами. Впрочем, существенна была только потеря зубной щетки — и свои стихи, и Бергсона* он помнил наизусть...» В оставленной эйдткуненцам на память тетрадке звучали знаменитые строки: «Дано мне тело. Что мне делать с ним, таким единым и таким моим? За радость тихую дышать и жить, кого, скажите, мне благодарить?»

Русская революция и передел границ после Первой мировой войны не могли не отразиться на восприятии Эйдткунена. У писателя Бориса Андреевича Пильняка в повести «Третья столица» (1922) восточно-пруссский городок уже предвещает русскую погоду: «...около Эйдкунена, когда поезд медлил, прощаясь с Восточной Пруссией, в канаве у шпал, после уже нескольких месяцев весны в Париже, здесь впервые перед Россией появился снег. Под стеклянным навесом у вокзала, на пустынном дебаркадере, было холодно, и откуда-то — из полей — веял пахнувший землю, набухший, русски-мартовский ветерок». Таможенный осмотр, который проходят герои повести, путешествующие из Парижа в Ригу, оказался не очень строгим.

Веселье, с которым пересекали границу герои Чехова, осталось далеко позади — у новых героев литературы Эйдткунен вызывал сонливость.

У пересекавших границу советских граждан заметно снизился эмоциональный накал, Эйдткунен теперь вызывал скуку — лирический герой стихотворения Владимир Владимирович Маяковского описывал посещение Московского отдела народного образования (МОНО): «Товарищи! Разрешите мне поделиться впечатлениями о Париже и о Моне» (1923) вспоминает о станции так: «Стою. Позевываю зевотой сладкой. Совсем

как в Эйдкунене в ожидании пересадки».

Путешествовавший в 1931 году в Германию на поезде русский советский прозаик Михаил Фёдорович Чумандрин описывает свои впечатления после пересечения границы бесстрастно: «...мимо летят железнодорожные крытые красной черепицей будки, освещаемые яркими фонарями, летят телеграфные столбы, редкие деревца...». В поезде из Эйдткунена, по его оценке, было занято не более одной пятой мест — золотой век этого городка как пункта российско-немецкого транзита ушел в прошлое.

Как ни парадоксально, похожие чувства вызывал этот транзит у интеллектуалов, высланных из Советской России. Так, религиозный русско-немецкий философ Фёдор Августович Степун отмечал по горячим следам в письме сотруднице «Академии Художественных Наук» Ольге Шор 19 ноября 1922 г.: «Встречи с Германией, с Европой в том смысле, в каком я ее ждал, в остром,

лирическом смысле не произошло. К моменту “Eudkunden’a” душа была односмысленно сосредоточена на образе покинутой России».

Чуть позже, в 1923 г., он уточнил свои впечатления: *«Эйдкунен... граница... Европа... — соответствующих же ощущений на сердце никаких! А ведь когда-то как представлялось! Эйдкунен, Берлин, Мюнхен, Флоренция, Рим. Прислушиваюсь к своему сердцу, не остановилось ли? Нет, бьется, что-то выстукивает, что-то новое, сложное, непонятное, но только не радостный ритм долгожданного въезда в Европу».*

Философ обнаруживает неожиданные эмоции: *«...все эти чувства в вечер, когда поезд подходил к дебаркадеру Эйдкунена, были в моей душе еще не чувствами, а всего только отсутствием тех чувств, которых я от себя ждал, представляя себе свой переезд через границу. Да и это отсутствие было тоже чем-то очень тайным и схороненным, чем-то очень внутренним».*

Литератор родился в Москве, однако, его отец был выходцем из Восточной Пруссии, где Степуны с давних времён владели большими земельными угодьями между Тильзитом и Мемелем. Фёдор Степун с 1902 года обучался философии в Гейдельбергском университете, а летом 1904-го по желанию отца, отправился в Восточную Пруссию для знакомства с родиной своих предков и родственниками по отцовской линии, жил в одном из их имений близ Тильзита.

Впечатления ноября 1922 года Ф.А. Степуна тем более любопытны, что на момент его пересечения рубежа это уже была граница между Германией и Литвой, однако в эмоциональном плане Эйдткунен долго еще сохранял свой дореволюционный статус.

Композитор Сергей Сергеевич Прокофьев пересек границу 15 января 1927 г. на пути из Берлина в Ригу (и далее — на Москву) и отметил: *«Утром Эйдкунен, бывшая русская граница, а теперь граница Германии с Литвой. Пересадка из специального вагона в обыкновенный».* Однако *«литовцы вежливы, спокойны и говорят по-русски, как будто не Литва, а Россия».*

Еще один аспект этой темы, который требует осмысления, касается сочетания истории эмоций и военной истории: Эйдткунен дважды был затронут мировыми войнами, которые не могли не отразиться как на повседневной жизни местного населения, так и на эмоциональных рамках восприятия действительности россиянами.

Во время Первой мировой войны Эйткунен не был значимым с военной точки зрения объектом, однако сохранял свой статус в сознании тех, кто присматривался к карте в новых обстоятельствах.

В рассказе Аркадия Тимофеевича Аверченко «Корсиканец» (1914) высмеивается кайзер Вильгельм II, которому докладывают о «полной победе немецкого оружия»: «Немецкие войска уже в Эйткунене!!» Кайзер никак не может взять в толк, в чем состоит победа, если «до войны Эйткунен был наш», но все равно радуется. Радость быстро уступила другим чувствам — усталости, страху, ощущению

бессилия.

В Эйткунене был размещен полевой госпиталь русской армии. О нем говорится в воспоминаниях певицы, легендарного «курского соловья», Надежды Васильевны Плевицкой, которая, отправившись на фронт, чтобы трудиться сиделкой в лазарете, пережила в этом городке настоящую трагедию: «Один дом не могла я миновать спокойно. Было это ночью или днем, всегда у того дома испытывала глухое волнение: в трех верстах от Эйткунена стоял тот дом, низкий и мрачный. Как только завиджу его, у меня начинало ныть сердце от тоски и неведомого страха. Но как миную дом, — все проходит». Через некоторое время она узнала о трагической участи своего жениха, служившего в этих же местах: «Спасая других, он сам погиб у того самого дома, которого я не могла миновать без тяжелой тоски».

Великая княгиня Мария Павловна вспоминала: «На вокзале, с которого почти снесло крышу, оставаться было невозможно. В зале ожидания среди разбитой и покореженной обстановки расположились солдаты, такие усталые, что спали где попало, не сняв касок и амуницию. Некоторые из них маялись дизентерией. Это было унылое зрелище, и помочь было нечем».

Однако гамма чувств, бушевавших россиян на территории врага, оказалась более сложной. Офицер Пётр Алексеевич Аккерман, находившийся при штабе 1-й армии, оставил дневниковые записи о происходившем в Восточной Пруссии в августе — сентябре 1914 г. Они были опубликованы в «Голосе минувшего» в 1917 году, но с купюрами.

Оригинал рукописи хранится в архиве РАН, и из него можно понять причины вычеркиваний. Аккерман описывает разрушения в Эйдткунене, пострадавшем от боевых действий. Некоторые описания были вычеркнуты из публикации: *«Особенно один дом, видно новый и красивой архитектуры, производил грустное впечатление. Расположен он был на площади: голые стены, погнувшиеся от жара остатки крыши на стропилах, нависшие рельсы и совершенно накренившийся, во втором этаже, крытый балкон — вот-вот грозили рухнуть».* Аккерман с грустью рисует картины «бессмысленного грабежа», которому подверглись эйдткуненские дома. *«Действие этих зрелищ на нервы было таково, что поехавший со мною офицер (не назову фамилии, но цель скажу — просил меня ехать как эксперта — высказать мнение, старинный ли хрусталь, который он себе наметил) не хотел идти в помещение особняка один, ссылаясь на то, что ему это слишком тяжело».*

Также Аккерман описывает спешное отступление из Эйдткунена: *«По словам очевидцев, можно было видеть везде и на улицах Эйдткунена, и на шоссе валявшиеся шкурки дорогих соболей, песцовые, горностаевые. То, что не было расхищено или разбросано, — досталось целиком вступившим в Эйдткунен немцам».* Аккерман видит причины такого бесхозяйственного отношения в

бюрократизме, когда военные не могли договориться с таможенным ведомством. С его точки зрения, немцы бы поступили иначе: *«У них вывозом мехов распорядился бы, на свой риск и по собственной инициативе, любой ротный командир, и мы, будь картина обратной, уж наверное бы ни одной шкурки при наступлении бы не получили».*

Экстремальные обстоятельства пребывания русской армии в Эйдткунене стимулировали разные чувства, но даже в этих условиях он продолжал играть роль пункта, в котором развивается рефлексия о кардинальной разнице между русскими и немцами, между Россией и западным миром.

Во время Второй мировой войны роль Эйдткунена была в эмоциональном плане совсем другой, хотя его пограничность по-прежнему сохраняла свое значение. Это был пункт, в котором солдаты Красной армии ощутили, что Отечественная война, по сути, закончена — дальше оставался разгром врага на чужой территории.

Эйткунен снова стал одним из мест этой встречи советских людей и Запада, но в иных обстоятельствах.

Военный корреспондент Михаил Александрович Шолохов в очерке 1945 г. свидетельствует: «В Восточной Пруссии после взятия нашими войсками города Эйткунена на стене вокзала рядом с немецкой надписью “До Берлина 741,7 километра” появилась надпись на русском языке. Размашистым почерком один из бойцов написал: “Все равно дойдем. Черноусов”. Какая великолепная уверенность в этих простых словах русских солдат!».

Чувство радости зафиксировано в интервью, которые историки Комиссии по составлению хроники Великой Отечественной войны брали у военнослужащих в Восточной Пруссии летом 1945 года. Генерал-майор технических войск Алексей Гаврилович Маслов вспоминал, как 18 октября 1944 г. в 11:45 248-й полк перешел восточно-прусскую границу, взяв к вечеру Эйткунен. «Здесь особенно было поднято настроение у всех бойцов и всего офицерского состава. Шли все выполнять лозунг Сталина: добить врага в его берлоге. Подъем был чрезвычайный. Когда переходили, сплошные крики “Ура!”, “Смерть немецкому фашизму!”».

Из статей Ильи Олеговича Дементьева «Эйткунен, как русское место памяти» и «Эйткунен в русской литературе», опубликованной в энциклопедическом справочнике «Малые города Калининградской области» Государственного архива Калининградской области, и «Выпуклая радость узнавания: Мандельштам в Калининграде» с сайта <https://visitprussia.com>

Населённый пункт пос. Чернышевское Нестеровского района, когда носил имя Эйткунен, называли «восточными воротами Европы».

На картах Восточной Пруссии Эйткунен появился при герцоге Альбрехте, после 1525 года. Вначале это было небольшое литовское поселение на левом берегу реки Лепоны (той самой, по которой сейчас проходит российско-литовская граница). Но жители-литовцы вымерли во время страшной эпидемии чумы в 1709-1710 годах.

В 1741 году опустевший Эйдткунен был заселён семьями, приехавшими из немецкого города Зальцбурга. К 1713 году здесь было 42 семьи – около ста пятидесяти человек. Постепенно население росло. Люди занимались сельским хозяйством, охотились в окрестных лесах, ловили рыбу, пекли пироги и готовили обеды-ужиные для проезжающих. Благо, поток «транзитных пассажиров», как сказали бы сегодня, был впечатляющим.

Наверное, редкий город в Европе может похвастаться таким обилием посетивших его знаменитостей! Здесь в январе 1744 года барон Мюнхгаузен, состоявший на русской службе, поджидал принцессу Ангальт-Цербтскую – будущую Екатерину II.

Кстати, направляясь ко двору своего жениха, принцесса заночевала в Кёнигсберге в доме почтмейстера и пришла в ужас от того, что он похож на хлев. Почтмейстер, его жена, дети, свиньи и козы спали в одной комнате; запах был соответствующим...

Всю дорогу от Кёнигсберга до Эйдткунена принцесса проплакала – ей казалось, что в её жизни уже никогда не будет ничего хорошего. В некоторых мемуарах её современников мы позже найдём упоминание о том, что императрица Екатерина II рассказывала об этой своей поездке и о дороге, проведённой в слезах, своим фаворитам. И чем старше она становилась, тем чаще вспоминала себя, юную, испуганную – и даже в самом безумно-сладком сне не представлявшую, что ждёт её, небогатую принцессу, в России...

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 011015
Eydtkau, Kreis Ebenrode, MT13102-0. Postamt von der Gleisseite. (1930-1940), ©

Настоящее оживление началось в Эйдткунене, когда этот населённый пункт стал приграничным. А главное – когда стала функционировать железная дорога. Именно здесь делали остановку поезда, идущие из России в Германию или обратно.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 008291
Eydtkau, Kreis Ebenrode, MT13102-0. Bahnhof und bestlicher Ortsteil aus der Vogelperspektive. (1943), © Peter Kretzbars

Точнее, здесь пассажирам приходилось пересаживаться: у российской и немецкой железных дорог была разная ширина колеи. Поэтому упоминания об Эйдткунене мы находим практически в каждом тексте, созданном путешествовавшей знаменитостью.

Железные дороги пришли в Восточную Пруссию сравнительно поздно, ненамного опередили их мощённые шоссе, и разом перевернули всё и вся. Решился вопрос вывоза урожаев и доставка угля, удобрений и мануфактуры. Некогда отсутствующая или отсталая перерабатывающая промышленность стала распространяться по аграрной Восточной Пруссии.

В тоже время промышленность требовала рабочих, рабочие – дома, дома – новые квартиры. Города осветились и обзавелись наконец современным водопроводом взамен орденовскому. Пар стал животворящей градостроительной силой, обеспечение магистрали к городу – делом жизни магистратов. Магистральные линии прокладывались на расстоянии от городов, а те вытягивались к своим далёким вокзалам новыми улицами и одновременно с поселениями. Эйдткунен же полностью подчинил своё развитие службам путей – сквозное сообщение Санкт-Петербург – Берлин породило километровой длины поселение, размером со своей товарной станцией, и за полвека вырос с 125 душ до 10,5 тысяч жителей.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 014580
Eydtkau, Kreis Ebenrode, MT13102-0. Bahnhof II. (1900-1904), ©

«Железнодорожному городу» железнодорожные рельсы – не главный проспект и не отсутствовавший здесь рынок – предписывали направление застройки: сама застройка в изрядной мере велась транспортными компаниями и их служащими.

...Так, Эйдткунен был первым заграничным селением, которое увидел Ф.М. Достоевский. Его молодая жена Анна Григорьевна описывала свои ощущения так:

«Мост между Вержболово (последняя станция на российской территории, сейчас это Вирбилис, город в Литве) и Эйдкуненом... За ним – станция в немецком вкусе, большая, роскошно убранная, с беседками в саду <...> Прекрасный вокзал, комнаты в два света, отлично убранные... Прислуга чрезвычайно расторопная. Все пили, кто кофе, кто Zeidel Bier, пиво в больших кружках. Я вспомнила, что у меня остался один российский рубль, сказала об этом Феде, и мы пошли разменивать его в контору. Но в конторе никого не было, нам сказали, что можно разменять в буфете. Здесь мы купили папирсы и Федя спросил себе пива...»

Известно, что Достоевский не любил немцев. Но вот марципановые пряники, которые он впервые попробовал именно в Эйдткунене, так ему понравились, что он не раз упоминал их и в частной переписке, и в своих произведениях.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, впервые уехавший за границу в 1875 году, также «впечатлился» Эйдткуненом. *«Мокрое место, по которому растёт ненастоящий лес», «обиженное природой прусское поморье»,* – такими показались ему здешние пейзажи. Правда, тут же он отметил, что восточно-прусская *«изба с выбеленными стенами и черепичной крышей <...> веселее, довольнее,*

нежели довержболовский почерневший сруб с всклокоченной соломенной крышей».

А сравнивая поля в Восточной Пруссии с российскими, он с привычным сарказмом писал: *«Земля здесь и наша нечерноземная – одинаковы. Но у нас мужик рассуждает: “В случае, ежели Бог дожжичка не пошлёт, так нам, братцы, и помирать не в диковину”. А здесь: “Там как будет угодно насчёт дожжичка распорядиться, а мы помирать не согласны”».*

Эйдткунен Салтыкову-Щедрину не понравился. Как, впрочем, и вся Германия: *«В Германии нечего смотреть. Германию надобно читать, обдумывать, играть на фортепьянах – и проезжать в вагонах одним днём из конца в конец».*

Но вот ведь что интересно: в 1860 году недалеко от железнодорожной станции Кибарты («соседа» Эйдткунена по ту сторону границы; теперь – Кибартай в Литве) родился Исаак Левитан, знаменитый русский живописец, умевший, как говорили искусствоведы, увидеть *«истинное чудо в неброских и неярких пейзажах средней полосы*

России». Не потому ли, что в природе средней полосы искал он... «мокрое место» – акварельно-прозрачную страну своего детства?..

Кстати, калининградцам Левитан всегда был ближе Шишкина, не говоря уже о «южных» Куинджи и Айвазовском. Факт, проверенный не на одном поколении школьников, обречённых писать «сочинение по картине»!

У Чехова, «певца сумерек» и близкого друга Левитана, Эйдткунен в произведениях тоже фигурирует, как некий символ свободы. В одном из рассказов Чехова герой, прокурор, едет с женой за границу. Жена – уродлива, сварлива, мелочна... Всю дорогу до Эйдткунена прокурор жуёт припасённые пирожки и бегаёт с чайником за водой. И лишь в Эйдткунене он решается на бунт: бросает жену в вагоне и едет в Париж в одиночку.

Наверное, это тоже не случайно – в смысле, символичность образа, упоминавшаяся выше. Как всякий приграничный населённый пункт, Эйткунен был и космополитичен, и... если можно так выразиться, “контрабандичен”.

Контрабандистов здесь было много. Иногда они даже решались “штурмовать” границу в открытую: с 1877 по 1881 года было убито и ранено 146 контрабандистов, не считая тех, кому удалось, получив пулю, всё же избежать задержания...

Но чаще провоз товаров осуществлялся тайно. Ничего экзотического, кстати, на себе не тащили всё то же, что составляло сущность официальной торговли между Россией и Пруссией, но... беспошлинно.

Речь шла об очень серьёзных суммах: о десятках, если не сотнях тысяч марок. Так что пограничники не зря вели стрельбу на поражение – контрабандисты “залезали в карман” лично к ним.

Как-то жёны жандармских вахмистров из Вержболово попались в момент перетаскивания через границу 3,5 пудов (!) серебра в слитках, под кружевными платьями.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 009159
Eydtkau, Kreis Ebenrode, MT13102-0.
Kantstraße 28, Fleischerei Walter Link, Hofseite, Schlachthaus. (1941). ©

А у контрабандистов (зачастую – потомственных) были свои тайные тропы, условные знаки, “разведка” (крестьяне, якобы ищущие пропавшую корову, или “слепцы”, типа, заплутавшие и вышедшие к границе) и т.д., и т.п. Неслучайно именно через Эйткунен при помощи контрабандистов в Россию доставлялась нелегальная большевистская литература.

В.И. Ленин пересекал здесь границу в 1895 году. Правда, ничего запрещённого при нём не было. Но он впоследствии настойчиво рекомендовал большевикам-подпольщикам “осваивать контрабандистские тропы”. Через Эйткунен в Россию шли также типографские станки, а накануне первой русской революции – и оружие. Местные контрабандисты охотно помогали “нелегалам” – естественно, не бесплатно...

В.И. Ленин пересекал здесь границу в 1895

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 008223
Eydtkau, Kreis Ebenrode, MT13102-0. Hindenburgstraße. (1925-1940). ©

Как и другие населённые пункты на территории Восточной Пруссии, Эйдткунен был выстроен без особых затей. В центре маркт-платц (главная торговая площадь, представляющая собой вытянутый прямоугольник). Вокруг церковь, ратуша, суд, тюрьма, почта... Были здесь школа, больница (приют), пожарная часть... Все дома из красного кирпича. В пользу “космополитизма” местных жителей говорит и

то обстоятельство, что в Эйдткунене был не только лютеранский, но и католический приход, баптистская церковь и еврейский молитвенный дом.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 010767
Eydtkau, Kreis Ebenrode, MT13102-0. Kirche, Schule und Gemeindeverwaltung vor 1914. (1913). ©

Кстати о церкви, руины которой ещё можно найти в бывшем Эйдткунене недалеко от железнодорожного полотна, свидетельницы многих событий, разворачивавшихся на российско-германской границе в начале XX века, и встречавшая путешественников: знаменитых музыкантов, поэтов, художников, писателей, – подданных Российской Империи – пересекавших российско-германскую границу в прусском Эйдткунене.

Кирха в Эйдткунене была заложена по проекту известного немецкого архитектора Фридриха Адлера в 1883 году, а освящена в 1889 году.

В ходе боевых действий Второй мировой войны кирха пострадала от пожара, в послевоенные годы использовалась в качестве складского помещения. С 1996 года кирха пустует и разрушается...

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 008955
Eydtkau, Kreis Ebenrode, MT13102-0. Chausseestrasse (Hindenburgstrasse). (1900-1918). ©

В 1900 году здесь было 3.708 жителей. Этот город на себе ощутил, как это опасно: быть “восточными воротами”. Накануне Первой мировой войны Эйдткунен являлся... перевалочной базой всех шпионских резидентур (с Запада на Восток – и обратно). Да что там! Большевистскую литературу исправно доставляли в Россию через Эйдткунен даже во время войны.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015439
Eydikau, Kreis Ebenrode, MT13102-0. Die russische Verwüstung des Bahnhofes. (1914-1918), © K. & C.

В Первую мировую Эйдткунену не повезло. 17 августа, через 17 дней после начала войны, русская армия перешла границы Восточной Пруссии. 39 городов и 1.900 сельских населённых пунктов пострадали особенно – в том числе и “восточные ворота Европы”. Эйдткунен был почти полностью разрушен в ходе боёв Первой мировой в августе 1914 года.

Восстановление городов шло с сохранением, спасением и неразрушительным развитием целой провинции – обновлённый старый город виделся функциональным, доступным и с подчёркнутым вниманием к местным традициям. Пострадавший Эйдткунен восстанавливали под началом архитекторов Лоца, позднее – Фрика, совместно с Шталлупёненом (г. Нестеров) и Ширвиндтом (пос. Кутузово Краснознаменского района).

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 008246
Eydikau, Kreis Ebenrode, MT13102-0. Marktplatz mit Blick zur Grenze nach Litauen. (1930), ©

Тогда Эйдткунену и присвоили статус города, хотя после войны сомневались в необходимости этой пограничной станции как таковой.

Для первого городского узелка на дороге архитектор Курт Фрик воспользовался единственной точкой – развилкой у пограничного моста, расширив до изящной трапеции, оформил границу аркадными пропилеями, ограничив высоту домов двумя этажами с чердаком и введя десятиметровый разрыв в застройке. Центр новой и единственной площади города заняла таможня.

В 1922 году Эйдткунен получил статус города и, соответственно, герб – в серебряном поле на зелёной земле червлёная печь с пламенем, ниже – серебряное колесо с двумя крыльями.

Stadtwappen
von

Eydtkuhnen / Eydtkau

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 008351
Eydikau, Kreis Ebenrode, MT13102-0. Stadtwappen. (1922), ©

В 1923 году жителей Эйдткунена было 10.500, а в 1938-м – нацисты по непонятной причине переименовали город в Эйдкау. Кстати, с его наименованием всегда возникали определённые разночтения: в русских источниках он значится и как Айдкунен, и как Эйдткунен.

А накануне **22 июня 1941 года** десятки самых различных людей сообщали советскому командованию информацию о том, что Германия активно готовится к войне. Эйдткунен в это время был уже опутан проволочными заграждениями, по периметру строились бетонные укрепления. Через четыре с лишним года они, укрепления с заграждениями, оказались востребованы, но – бесполезны. Это был первый немецкий город, взятый Советской Армией!

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 010808
Eydikau, Kreis Ebenrode, MT13102-0
Marktplatz, 22. Juni 1941. (1941). ©

Понятно, что ему не поздоровилось: тут тебе и “идеологическая машина”, и вполне естественное остервенение бойцов, наконец-то выбивших врага со своей земли и уже ступивших на чужую...

90% города было уничтожено нашими артиллеристами. Бомбы и снаряды падали на железнодорожные пути, на эшелоны... Горели земля и небо. Горела даже вода, залитая горюче-смазочными материалами... Отступившие немцы подожгли всё, что смогли... В общем, Эйдткунен оказался одним из самых разрушенных городков на территории Восточной Пруссии.

После войны Эйдткунен надолго утратил прежнее значение. Здесь даже не сохранилась железнодорожная станция: поезда, идущие по маршруту “Калининград – Москва” и обратно, останавливались в Нестеров и Кибартае. Так что “сладкая зевота”, о которой писал В. Маяковский («Позевываю зевотой сладкой / совсем как в Эйдткунене / в ожидании пересадки»), никого здесь больше не одолевала. Пока в 1991 году граница между

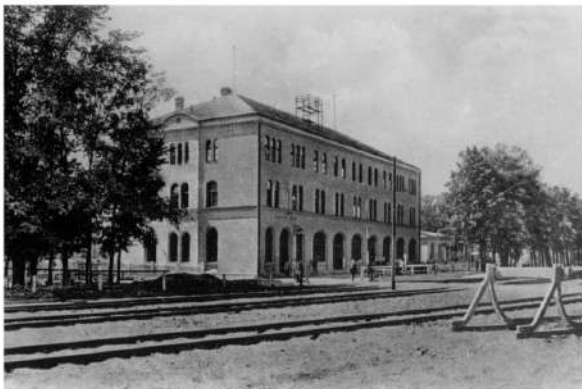
Калининградской областью и Литвой не перестала быть условно-призрачной.

Сейчас через пос. Чернышевское проходит автодорога А229 (Калининград – Минск), железная дорога “Калининград – Москва” (и собственная станция таки строится). Здесь действует круглосуточный погранпереход, который недавно реконструировали и “подвели” к европейским стандартам, т.е. к пропускной способности 1.500 автомобилей и 4.500 человек в сутки.

Но это уже совсем другая история. Не такая блестящая, как прежде (баронам больше здесь не поджидать принцесс). Впрочем, не менее авантюрная: контрабандистов хватает. Да и с “резидентами” разведки вопрос остаётся открытым. Почему бы, собственно, и нет? Где-то же они водятся, рыцари плаща и кинжала...

По материалам статьи Дины Якшиной «Эйткунен – город шпионов» и исследовательской работы Дмитрия Сухина «Германская градостроительная история Восточной Пруссии».

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 011081
Eydtkau, Kreis Ebenrode, MT13102-0. Eydtkau-Postamt. (1920-1930), ©

Для большинства русских путешественников, выезжавших за пределы отечества по железной дороге, знакомство с границей начиналось с Восточной Пруссии. Первые впечатления от увиденного из окна вагона курьерского поезда, зачастую оказывавшиеся самыми яркими и интересными, нашли отражение в многочисленных дневниках и воспоминаниях наших соотечественников, среди которых было немало государственных деятелей, видных

дипломатов, известных ученых, знаменитых писателей, выдающихся музыкантов и пламенных революционеров.

Из истории строительства железной дороги Петербург — Берлин.

Gydtkunen — Kiborly, Deutsch-Litauische Landesgrenze Gydtkunenoktetu alona

В 1846 году началось строительство прусской Восточной железной дороги. Прокладка главного пути от Берлина до Кёнигсберга была завершена в 1853 году. Знаменитый географ Пётр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1827—1914) вспоминал, что в 1855 году добирался из Берлина до Кёнигсберга по железной дороге, «но так как далее ее не существовало, то я в наемном экипаже должен был следовать до

пограничного местечка Таурогена».

Год спустя сенатор Фёдор Густавович Тернер (1828— 1906), возвращаясь из-за границы, также был вынужден ехать от Кёнигсберга на перекладных до Луги — ближайшей к российской столице железнодорожной станции: *«Трудно представить себе то наслаждение, которое мы почувствовали, пересев после нескольких дней странствия в холодном экипаже в теплый и уютный вагон».*

Дорога от Берлина до Кёнигсберга занимала всего 13 часов. А дальше счет шел на дни и недели.

Николай Алексеевич Некрасов (1821—1877), возвращаясь из почти годового путешествия по Европе в июне 1857 года, написал Ивану Сергеевичу Тургеневу, что ему повезло: *«Ехал я из Кёнигсберга дней восемь — оттого не очень устал».* Впрочем, отголоски досады и испытанных поэтом в дороге неудобств слышны в его известном сатирическом стихотворении: *«Наконец из Кёнигсберга / Я приблизился к стране, / Где не любят Гуттенберга...».*

В 1857 году Россия заключила с Пруссией «Конвенцию о соединении Петербургско-Варшавской железной дороги с Берлинско-Кёнигсбергской». При этом оба правительства брали на себя обязательства проложить железнодорожный путь до точки соединения в Эйдткунене, а окончание строительства и начало движения, которое планировалось на 1860 год, должно было «последовать на обоих участках одновременно». Пруссия свои обязательства выполнила первой: сообщение между Кёнигсбергом и Эйдткуненом (совр. Чернышевское) открылось 4 июня (по н. ст.) 1860 года. Строительство российской ветки проходило медленнее: дорога от Ковно (Каунаса) до Вержболово (лит. Вирбалис, нем. Вирбаллен) была введена в эксплуатацию в апреле 1861 года. Но и после этого оставался недостроенным еще один самый трудный участок пути.

Писатель и публицист, сотрудник журнала «Современник» Михаил Ларионович Михайлов (1829—1865) так описывает свое «путешествие с пересадками» в мае 1861 года: *«Нельзя сказать, чтобы переезд от Динабурга (Даугавпилса), где перерывается железная дорога, до Ковно, где она опять начинается, был приятен и удобен. Почтовая карета кажется особенно тряскою, если пересест в нее из спокойного вагона; а нам пришлось провести в ней всю ночь и, разумеется, не спать, а только чутко дремать».*

Наконец, с сооружением в 1862 году двух тоннелей под Вильно (430 м) и Ковно (1280 м) строительство железной дороги завершилось. Отныне из Петербурга можно было на курьерском поезде напрямик доехать до Парижа — этот маршрут писатель Николай Семёнович Лесков не без иронии окрестил «столбовой русской дорогой».

Единственное неудобство состояло в необходимости пересаживаться на другой поезд, так как более широкая русская колея не соответствовала принятому в Европе стандарту. По этой надобности прусская колея была проложена до Вержболово, а русская доходила до вокзала в Эйдткунене, кроме того, между ними курсировал «передаточный пограничный поезд». Позднее русские вагоны стали переставляться на узкую немецкую колею прямо в Вержболово с заменой осей, так что, по свидетельству старого революционера Мартына Николаевича Лядова (1872—1947), *«не надо было выходить на границе из вагона и самому показываться на глаза жандармам»*.

Историк Василий Иванович Модестов (1839—1907) в своих мемуарах описал, какое действие произвело на русское общество открытие весной 1862 года железной дороги до прусской границы: *«Массы русских людей всякого рода и звания хлынули в Западную Европу, которая тогда представлялась еще очень заманчивою и поучительною для нас во всех отношениях. Ехали старые, ехали и молодые...»*.

Вслед за открытием дороги произошла либерализация выездного режима. Еще в 1860 году Николай Александрович Добролюбов (1836—1861) возмущался чудовищной волокитой с выдачей паспорта: *«Свиньи, таскали меня целый месяц, насилу выпустили»*.

Но затем, по свидетельству писателя Петра Дмитриевича Боборыкина (1836—1921), подданным царя вышло послабление: *«"За границу" кинулись к 60-м годам все, кто только мог. Рухнули николаевские порядки, когда паспорт стоил пятьсот рублей, да и с таким неслыханным подбором вас могли — и очень! — не пустить. Теперь это сделалось банально»*.

Вслед за Александром Ивановичем Герценом (1812—1870), который еще в 1847 году сравнил пересечение границы Восточной Пруссии со сменой декорации в театре, разительные перемены за окном вагона отмечали почти все русские путешественники.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826—1889) в цикле путевых очерков «За рубежом» о поездке 1880 года заметил, что вплоть до Вержболово *«никому из нас не приходило в голову выглядывать в окна и любопытствовать, какой из них открывается пейзаж»*. *«В Эйдткунене, — пишет автор, — картина изменилась, как бы волшебством. <...> ...[все] тотчас же бросились к окнам и начали смотреть»*.

Фёдор Иванович Шаляпин (1873—1938), отправившись первый раз за границу в 1897 году, писал с дороги: *«Проехав границу, смеялся и почти плакал... Переменилось все сразу — и культура, и природа»*.

Типичные впечатления об увиденном в Восточной Пруссии тех русских путешественников, которые жадно приникали к окнам вагонов, удалось в полной мере отразить географу и публицисту Надежде Владимировне Яковлевой в очерке «По Пруссии»:

«С переменой русских вагонов на немецкие в Эйдткунене переменяется и характер путешествия: поезд тотчас пошел гораздо скорее, и чем дальше, тем все усиливал стремительность своего бега... Смотря направо и налево, я замечаю, что немцы недаром пользуются репутацией солидных людей: все у них массивно, капитально, на крепком фундаменте, все рассчитано если не на вечность, то по крайней мере на прочную долговечность. Станции большие и маленькие — все до одной каменные, с цинковыми крышами, с металлическими колпаками над трубами; в садиках дубовые скамьи, вокруг — чугунные решетки... Мы едем точно садом: все размерено, рассчитано и отлично возделано. Пашня как будто просеяна сквозь решето; фруктовые деревья с подпорками; везде протянуты на полях проволоки; в лесах, похожих на парки, проведены дорожки, поставлены скамейки.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015620
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0. Post in Richtung Bahnhof. (1931). © Louise Rothe, Tollmingen

Дома, расположенные небольшими группами, отделены один от другого живою изгородью, под тенью какого-нибудь столетнего дуба или клена, который передается из рода в род как фамильная драгоценность.

Дома попадаются часто двухэтажные, в три-четыре окна, не больше, но все непременно крыты черепицей, все непременно в цветах и с большими кисейными занавесками над

крошечным балкончиком, похожим на скворечник. В постройках преобладает красный цвет: красные черепичные крыши, красные кирпичные стены. Это оживляет пейзаж: домики как будто цветут среди густой зелени садов...

Поезд несется, и... перед окнами вагонов непрерывной вереницей тянутся местечки, селения, замки, города. Но и города у них не такие, как наши: у нас прежде всего показываются купола, кресты, колокольни; у них — фабричные трубы, нагроможденные уступами красные и серые стены, крутые черепичные крыши, да одна, много две кирки на целый город поднимают к небу свои похожие на башенки колокольни...»

Музыкальный критик, публицист М. В. Станиславский провёл в Кёнигсберге около четырёх месяцев в 1883 году, посетил последний раз Восточную Пруссию в 1912 году, заметил в очерке воспоминаний: «Первое, что бросается в глаза при переезде русско-германской границы, это невероятно увеличившееся благосостояние всей немецкой страны и ее населения... Так, например,

городское население поражает прямо своим необычайно сытым и довольным видом. Чернорабочие, поденщики, уличные метельщики, грузчики, портовые рабочие, ломовые извозчики не представляют в этом отношении ни малейшего исключения, все выглядят здоровыми, опрятно одетыми и с охотой исполняющими свои обязанности людьми».

Драматург Александр Николаевич Островский (1823—1886) как бы подытожил чувства, испытанные множеством его соотечественников, записав в путевом дневнике в 1862 году: «Поля возделаны превосходно, унавожены сплошь, деревни все каменные и выстроены чисто, на всем довольство. Боже мой! Когда-то мы этого дождемся!».

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 012927 / 08-57-12
Gigetel, Kreis Elchniederung, MT08095-1.
Hof Janz, Kartoffeleirnte, 08-57-12. (1896-1944). © Familie Janz, Gigetel

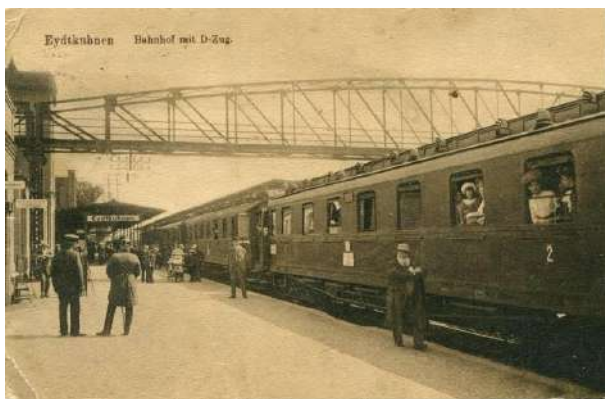
Очень критически отзывалась о Восточной Пруссии Анна Григорьевна Достоевская (1846—1918), жена знаменитого писателя, которой не нравилось решительно всё: на пограничном переходе у них *«перерыли все чемоданы и мешки», «Федя едва не поспорил с кондуктором», «кофе очень дурной», «чаю достать положительно невозможно», а «по дороге за все следует платить зильбергрошами, даже за то, если бы мне вздумалось сходить кое-куда, так следует заплатить один Silb.»*

Вернувшись в 1871 году на родину из следующей поездки за границу, Анна Григорьевна не удержалась от восклицания: *«...Сознание того, что мы едем по русской земле, что вокруг нас все свои, русские, было до того утешительно, что заставляло нас забывать все дорожные невзгоды. Мы с мужем были веселы и счастливы и спрашивали друг друга: неужели правда, что мы наконец в*

России?»

Настоящий приступ тоски вызвал переезд через границу в конце 1887 года у Петра Ильича Чайковского, который в письме брату жаловался: *«Пил так много по сему случаю коньяку, что еще до Берлина выбросил пустую бутылку, которая при выезде была полна.»*

Специфическим был взгляд на пересечение русско-прусской границы у профессиональных революционеров, документы которых не всегда отличались исправностью. Неудивительно, что им всюду мерещились переодетые жандармы. Один из организаторов контрабандной доставки нелегальной литературы Андрей Львович Брейтфус (1886 — после 1933) вспоминал об этом времени: *«Условия были*

крайне тяжелые. Бдительное око русских жандармов и пограничников было на высоте своего призвания. Так, например, перед Эйдткуненом уже в Шталопенене (Германия) и даже дальше можно было на станциях встретить развязных русских "ипиков", одетых по-дорожному и следящих за всеми русскими, отправляющимися на родину.»

У другого революционера, народовольца Николая Александровича Морозова (1854—1946), возвращение на родину в 1875 году вызвало тягостное чувство: *«Странно было впечатление России после заграницы! Казалось, мы прибыли в военный лагерь. Везде мундиры со светлыми пуговицами... Вся платформа была оцеплена полицией.»*

Иногда по пути следования случались и неожиданные встречи. Историк Григорий Александрович Воробьев (1860—1907) на вокзале в Иоганнисбурге (совр. г. Пиш в Польше) вдруг услышал, как кто-то пел: *«Разлука, ты, разлука — / Чужая сторона! / Никто нас не разлучит — / Ни солнце, ни луна...»* «Что такое? — восклицает путешественник. — *Русская песня здесь, за*

границей, в Пруссии! Спешим выглянуть на платформу... Пели молодые девушки в платьях русского покроя и в платочках, подвязанных под подбородком. Из расспросов мы узнали, что они — русского происхождения, родились и проживают недалеко от Иоганнисбурга, в деревне. Не подлежало сомнению, что девушки были так называемые филиппонки (русские староверы филипповского согласия). Расспросам нашим о их житье-бытье, к сожалению, помешал поезд».

Давно известно, что путешественники за границей всегда сопоставляют увиденное с тем, что они оставили у себя на родине. Более того, взгляд на чужую жизнь и культуру помогает лучше понять и оценить самих себя.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 008980
Stallupönen, Kreis Ebenrode, MT13101-0.
Bahnhof vom Wasserturm I. (1920-1933), © Stengel & Co., Dresden

Русские путешественники часто сравнивали прусскую и русскую железные дороги, увы, всегда в пользу первой. Миллионер и раскапиталист В.А. Кокорев (1817—1889) считал, что у немцев *«дорога сделана для людей, а не для пустырей, как у нас»*, и поэтому она *«есть истинное оживление для всей Восточной Пруссии»*. *«Никакой тряски, ни малейшего дребезжания стекол, — продолжает мемуарист. — Рельсы в их стыках свинчены.*

Станции чисты, везде буфеты с отличными бутербродами... Езда гораздо скорее нашей, излишней траты времени на станции нет. Дорога так покойна, что никакого утомления не ощущается».

Еще одно свидетельство Петра Ильича Чайковского (1840—1893) о своей заграничной поездке в декабре 1892 года: *«Ничего не может быть хуже, как мой переезд из Петербурга в Эйдткунен. Ехал я в самом пакостном вагоне... Неудобно, грязно, двери не запираются, звонок все время звонит, и в довершение всего испортилась печь, и мы спали при 4 или даже 3 градусах температуры!!! Мыться тоже нельзя было, ибо трубы испортились и вода в них обратилась в лед...»* И вот наконец граница: *«В Эйдткунене пересел в превосходный теплый вагон. Остановился в превосходнейшей гостинице в Берлине...».*

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 008522
Tollmingen, Kreis Goldap, MT15100-0. Bahnhofsknotenpunkt. (1930-1942). ©

Другие мысли приходили в голову Николаю Александровичу Добролюбову в написанном за год до смерти стихотворении «*В прусском вагоне*». В нем он противопоставляет «*мертвую машину*» и «*слепую рутину*» немецкой железной дороги русской тройке и родному раздолью, а также на этом примере с нескрываемой иронией рассуждает о том, что происходит с плодами западной цивилизации, перенесенными на отечественную почву:

*...Не пойдет наш поезд,
Как идет немецкий:
То соскочит с рельсов
С силой молодецкой;
То обвалит насыпь,
То мосток продавит,
То на встречный поезд
Ухарски направит.*

*То пойдет потише,
Опоздает вволю,
За метелью станет
Сутки трое в поле.
А иной раз просто
Часика четыре
Подождет особу,
Сильную в сем мире...*

Многие русские путешественники, глядя на мелькавшие за окном вагона картины ухоженных городов и сел, налаженного быта, здоровых и довольных жизнью обывателей, разумно устроенной жизни, как заметил Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, не могли не испытывать чувство «*какой-то непобедимой неловкости*». И хотя великий сатирик оговаривался, что не считает «*прусские*

порядки совершенными и прусского человека счастливейшим из смертных», все-таки признавался, что если удел русского — неволя и бесправие, то немца — свобода и достоинство, при этом «*на стороне Эйдткунена есть одно важное преимущество, а именно: общее признание, что человеку свойственно человеческое*».

Из статьи Юрия Костяшова «Восточная Пруссия из окна курьерского вагона».

Из истории развития железнодорожной сети России

В первой четверти XIX века Россия заметно отставала от наиболее развитых государств в строительстве рельсовых путей. Из-за отсутствия удобных путей сообщения отдельные районы России были разобщены, что делало крайне неоднородным внутренний рынок. Отсутствие удобных путей сообщения превращало перевозку товаров в трудное и дорогое дело.

При постройке железных дорог ключевым является вопрос о стратегическом планировании: определение направлений трасс и взаимодействия линий между собой. Первые проектировщики железнодорожных линий исходили из текущих экономических, административных или военно-стратегических интересов, а также прогнозировали перспективы развития населенных пунктов и

целых регионов.

Постепенно складывавшаяся железнодорожная сеть страны довольно точно воспроизводила структуру возникшей ранее сети обычных дорог. Главным узлом этой сети была Москва. Это видно уже по самому первому плану, представленному Николаю I приглашенным австрийским экспертом Ф.-А. фон Герстнером в 1834 году.

Недолго пробыв в столице, он выехал на Урал, где на Выйском заводе Демидовых в Нижнем Тагиле к тому времени Черепановыми уже была построена первая в России промышленная железная дорога с паровой тягой. **Более ранняя железная дорога появилась на территории современной Карелии**, вернее, называли ее не железной дорогой, а чугунным колесоприводом.

На Александровском пушечном заводе в городе Петрозаводске это сооружение появилось аж в 1788 году и было длиной около 200 метров. **Колесопривод** предназначался для перевозки пушек и руды из доменного цеха в сверлильный. Шпалы той дороги были изготовлены из чугуна, а рельсы из стали. Ширина между внутренними гранями рельсов составляла примерно 80 см.

Подвижным составом были вагонетки, на которых укладывался концами ствол пушки. По рельсам вагонетки двигали рабочие.

Три с лишним месяца Франц Антон фон Герстнер собирал подробные сведения о торговле, земледелии и промышленности. Он объездил многие губернии центра России, ознакомился с укладом жизни, состоянием дорог, торговли и горного дела. Он произвёл даже нивелировку Московского шоссе. По возвращении в столицу в начале 1835 года он подал записку императору Николаю I «О выгодах построения железных дорог в России», в которой изложил свои соображения о строительстве железных дорог.

Австрийский инженер Герстнер учел особенности страны и личности монарха, который ею управлял. Он сделал основной упор на военно-экономический аспект, и особенно на экономическую целесообразность рассредоточения мест квартирования гвардии (помимо Санкт-Петербурга и Варшавы третьим таким местом могла стать Москва) и скорость развертывания войск. Для начала он предложил провести две основные оси: Петербург – Москва – Нижний Новгород – Казань и Москва – Одесса или Таганрог.

Его идея заключалась в том, чтобы соединить при помощи рельсового пути обе столицы с главной внутренней водной магистралью Европейской России –

Волгой, с экономически важным регионом Средней Волги (Казань была третьим научным центром страны, а в Нижнем Новгороде проходила крупнейшая ярмарка всероссийского значения) и через него – с Уральским горнопромышленным районом. Такое решение должно было частично разгрузить Мариинскую и Вышневолоцкую системы каналов, по которым шел основной подвоз различных товаров из внутренних районов страны в Санкт-Петербург и далее на экспорт через Петербургский порт. Для Москвы это означало дальнейшее упрочение роли важнейшего транспортного узла и закладывало предпосылки для её ускоренного развития как центра обрабатывающей промышленности.

План Герстнера реализован не был, однако по намеченным в нём основным осям пошло впоследствии развитие российской железнодорожной сети.

В «Записке о причинах, препятствующих к распространению улучшенного сельского хозяйства, и о мерах к отвращению сего неудобства», подготовленной Министерством государственных имуществ и приложенной к всеподданнейшему отчету за 1846 год, был сформулирован приоритет железных дорог, призванных стать каналами подвоза экспортного хлеба к портам, и предлагался метод определения направлений будущих железнодорожных линий. Первоначально необходимые (магистральные) дороги должны были связать основные хлебопроизводящие районы с портами Петербурга, Риги, Либавы (ныне Лиепая) и Одессы.

Внутренние губернии, которые будут подвозить к ним свою продукцию, сами выявят «естественные» направления второстепенных и соединительных дорог.

Для Николая I, естественно, не было секретом, что страна «терпит от расстояний», т. е. страдает от недостатка путей сообщения. Но транспортную отсталость правительство пыталось смягчить развитием традиционных путей сообщения – водных и шоссейных, не требующих коренных преобразований хозяйства и системы общественного устройства.

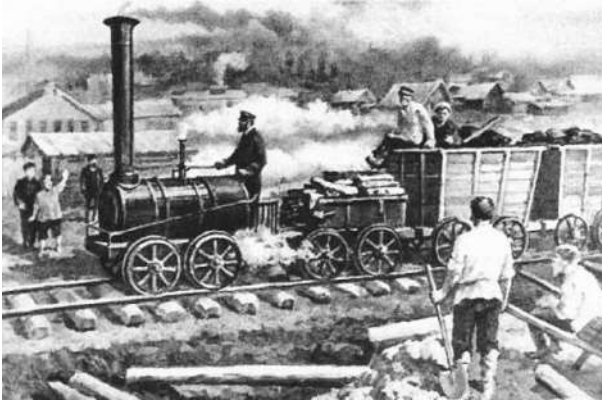
Для развития железнодорожного транспорта необходимы были не только большие денежные средства, но и достаточно мощная промышленность, способная производить в нужном количестве рельсы, локомотивы, вагоны и прочее оборудование. Однако масштабный промышленный рост был невозможен без освобождения крестьян и глубоких общественно-политических изменений. Этому противодействовала дворянско-монархическая коалиция, заинтересованная в сохранении привилегий, обусловленных крепостным правом.

Указанные обстоятельства являлись главным фактором, тормозившим развитие рельсового транспорта.

В 1844 году **русский учёный-механик и инженер-генерал Павел Петрович Мельников** разработал проект сооружения сети железных дорог протяженностью свыше 3200 км. Помимо Петербурго-Московской магистрали в нём предусматривалось устройство рельсовых путей в центре страны: от Москвы к портам Черного моря и в Донбасс. *«Но – писал он, – по недостатку доверия в Главном управлении путей сообщения к железнодорожному делу проекту этому не было дано дальнейшего хода».*

Первую попытку приступить к сооружению Южной магистрали (Москва – Черное море) в указанный период сделал полтавский предводитель дворянства Павловский. Весной 1851 года он обратился к правительству с просьбой разрешить создание акционерной компании для постройки «на первый раз» железной дороги между Москвой и Кременчугом. Относительно её значения Павловский писал: *«Она пройдет через губернии, кишящие разнообразною промышленною деятельностью, где находятся значительные наши ярмарки, и соединит торговлю среднеднепровских пристаней с пристанями Оки, Волги и Невы».*

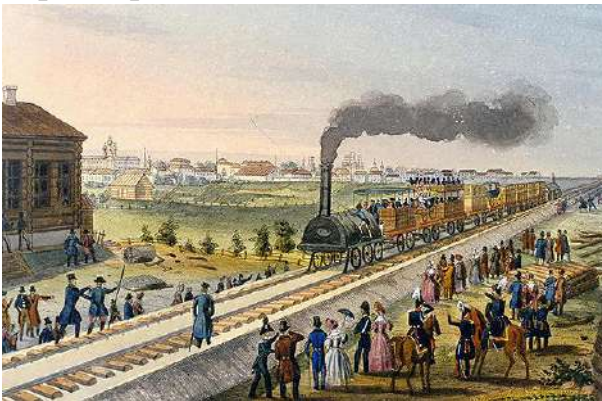

Продержав заявку Павловского без всякого ответа больше полугода, главноуправляющий путями сообщения Петр Андреевич Клейнмихель ответил отказом. При этом он ссылался на закон, который, по существу, являлся средством подавления попыток частных предпринимателей взяться за сооружение железных дорог. Этим законом предусматривалось, чтобы учредители до

заключения договора на концессию и образования акционерного общества выполнили условия: 1) провели изыскание трассы; 2) составили полный проект дороги; 3) разработали сметы на все постройки; 4) внесли в госбанк 5% от общей суммы строительного капитала в обеспечение исполнения предприятия. При этом без залога не могло быть и речи о рассмотрении устава общества или проекта дороги.

Несмотря на настойчивые попытки деловых кругов начать строительство железных дорог в центральной части страны, 15 февраля 1851 года состоялось высочайшее повеление о строительстве железнодорожной линии Петербург – Варшава.

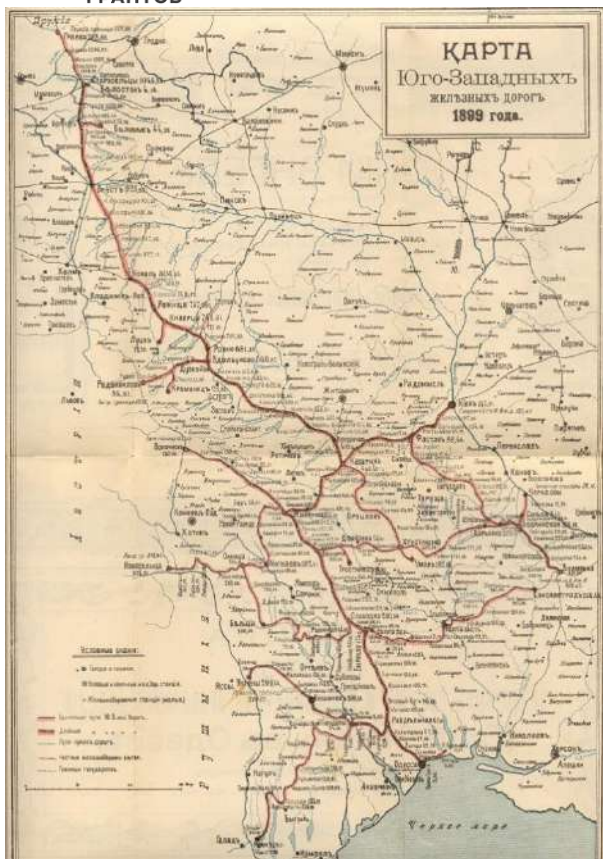
Трасса этой магистрали проходила через Гатчину, Лугу, Псков, Остров, Двинск, Вильну, Гродно, Белосток. Проектная протяженность составляла 1280 км, технические параметры мало чем отличались от Петербурго-Московской линии.

В начале 1852 года в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий группой инженеров во главе с будущим первым министром путей сообщения Российской империи (1865—1869) П.П. Мельниковым было подготовлено техническое обоснование плана строительства сети так называемых неотложных железных дорог. Согласно этому плану намечалось сооружение нескольких

линий общей протяженностью 3 тыс. верст – к Балтийскому и Черному морям, до Нижнего Новгорода и Саратова, на запад до Варшавы.

Поражение в Крымской войне со всей очевидностью показало, что развитие экономики России и обеспечение обороны немислимы без хорошо продуманной сети железных дорог. В 1855 году, после смерти Николая I, главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями П.А. Клейнмихель был уволен, и на этот пост Александр II назначил генерал-адъютанта Константина Владимировича Чевкина, принимавшего участие в организации строительства Петербурго-Московской магистрали. Новый главноуправляющий проводил политику молодого царя по привлечению иностранного капитала к строительству железных дорог.

26 января 1857 года был издан Высочайший указ о создании первой сети железных дорог. В нём отмечалось: «...железные дороги, в надобности коих были у многих сомнения еще за десять лет, признаны ныне всеми сословиями необходимостью для Империи и сделались потребностью народною, желанием общим, настоятельным. В сем глубоком убеждении, мы вслед за первым прекращением военных действий повелели о средствах к лучшему удовлетворению этой неотложной потребности... обратиться к промышленности частной, как отечественной, так и иностранной... чтобы воспользоваться значительной опытностью, приобретенною при устройстве многих тысяч верст железных дорог на Западе Европы».

В подписанном Александром II указе, по сути, впервые излагалась концепция развития рельсового транспорта в России. Указ утвердил создание довольно разветвленной структуры железнодорожных линий совокупной протяженностью порядка 4 тыс. верст, а также устав Главного общества российских железных дорог, призванного воплотить эту концепцию в жизнь.

В 1856 году, ещё до Указа о создании первой сети железных дорог, правительство провело серию переговоров с иностранными предпринимателями и в начале следующего года заключило концессию на сооружение сети железных дорог. В нее входили направления: Петербург – Варшава – Прусская граница (завершение строительства, начатого правительством в 1851 году); Москва – Нижний Новгород; Москва – Курск – Феодосия; Курск

(или Орел) – Динабург – Либава. Общая протяженность намеченной к строительству сети составляла около 4000 км.

По материалам статьи «Первые планы развития железнодорожной сети России»
<http://rzd-expo.ru/history/construction/pervye-plany-razvitiya-zheleznodorozhnoy-seti-rossii/>

История повседневности как история межкультурного взаимодействия на примере Эйдткунена — также перспективная исследовательская тема, связанная с проблематикой места памяти. Ее отдельный аспект — мигрантская повседневность: Эйдткунен во второй половине XIX — начале XX в. стал важным транзитным пунктом для российских евреев, выезжавших из России на

Запад (после 1933 г. — наоборот, из Восточной Пруссии в Литву).

Все эти темы ожидают еще своих исследователей.

Научная разработка проблематики Эйдткунена как русского места памяти на основе подходов, разработанных в современной историографии, должна лечь в основу коммеморативных (с целью сохранения памяти места) практик в современной Калининградской области. Через эту железнодорожную станцию проезжали многие выдающиеся представители русской культуры, достойные того, чтобы быть увековеченными в пространстве современного пос. Чернышевское. Среди них А.Н. Бенуа, И.А. Бунин, М.В. Добужинский, О.Э. Мандельштам, В.В. Набоков, С.С. Прокофьев, В.В. Розанов, П.И. Чайковский и многие другие.

Посёлок Чернышевское, бывший Эйдткунен, занимает исключительное место в российской истории вообще и в истории русской культуры в частности. Не будучи значимым населенным пунктом ни по своим размерам, ни по достопримечательностям, Эйдткунен тем не менее приобрел особую функцию в культурной памяти и в истории чувств.

К сожалению, в мемориальном ландшафте современного пос. Чернышевское нет следов этой богатой истории русско-немецких отношений. Увековечение памяти выдающихся соотечественников будет служить нескольким целям: и сохранению коллективной памяти русских, и укреплению идентичности калининградцев — россиян, живущих в бывшей Восточной Пруссии, и повышению туристической привлекательности Калининградской области.

Через два десятилетия с малым Эйдткунен исчез с географической карты, однако навсегда остался на карте литературной: как точка соприкосновения двух миров, как область, где соседствуют «всевозможные невыносимые беспокойства» и сладость приобщения к запретным плодам, как место, где, возможно, не сгорела рукопись великого русского поэта.

Из статьи Ильи Олеговича Дементьева «Эйдткунен, как русское место памяти».

По материалам воспоминаний русских путешественников, подданных Российской империи независимо от их национальной принадлежности, творческая команда проекта создала репортаж «Эйткунен»

https://www.youtube.com/watch?v=IOP7eda_lzc

Команда проекта «История. Люди. Память» сердечно приглашает отправиться в Нестеровский район, где повстречаете богатейшее историческое прошлое нескольких народов и эпох, в многочисленных памятниках истории и культуры, в уникальной природе Роминтенской пуши, Виштынецкого озера, холмов и рек.

Работа подготовлена
координатором Проекта «История. Люди. Память» – Эммой Басовой.